

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК
ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 13 Номер 1 Январь-Март
2026

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL
BULLETIN
OF THE LAW FACULTY,
SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY

Volume 13 Issue 1 January-March
2026

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
2026 Том 13 Номер 1 Январь-Март

Учредитель: **Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»**

344006, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42

Адрес редакции, издателя: 344002, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88, к. 321

тел./факс: +7 (863) 240-36-10; email: vestnik@sfedu.ru; сайт: <http://urvestnikpravo.sfedu.ru>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-83319 от 19.05.2022). Периодичность выхода: 1 раз в квартал

ISSN 2313-6138 / DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1

Входит в систему РИНЦ (лицензионный договор № 537-09/2014) Подписной индекс Е33060

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *Овчинников А. И.*, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Южного федерального университета

Ответственный редактор: *Тищенко Е. В.*, кандидат юридических наук, доцент

Ответственный секретарь: *Фролова Е. Ю.*, кандидат юридических наук, доцент

Помощник главного редактора: *Конопий А. С.*, кандидат юридических наук

Артемченко Н. В., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета

Волова Л. И., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права юридического факультета Южного федерального университета

Зиновьев И. П., кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Южного федерального университета

Колесников Ю. А., доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой финансового права юридического факультета Южного федерального университета

Ляхов Ю. А., доктор юридических наук, профессор

Малина М. А., кандидат юридических наук, доцент

Овсеян Ж. И., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой государственного (конституционного) права юридического факультета Южного федерального университета

Селиванова Е. С., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права юридического факультета Южного федерального университета

Смагина Е. С., доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского процессуального и трудового права юридического факультета Южного федерального университета

Степанов К. В., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета

Цыганенко С. С., доктор юридических наук, профессор

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор, помощник начальника Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации по инновационному развитию научной деятельности

Баранов П. П., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС

Бондарь Н. С., доктор юридических наук, профессор, Судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке

Бирюков П. Н., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета

Васильев А. А., доктор юридических наук, Директор института права АлтГУ

Величко А. М., доктор юридических наук

Славкович В., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Колледж криминалистики и безопасности в Сербии (город Ниш)

Гайстенгер М., доктор права, профессор Университета Зальцбурга

Корецкий Д. А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета

Левушкин А. Н., доктор юридических наук, профессор

Ляхов Е. Г., доктор юридических наук, профессор, Вице-президент Ассоциации Международного права

Мамитова Н. В., доктор юридических наук, профессор, РАНХиГС

Мамычев А. Ю., доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований, факультет политологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Небратенко Г. Г., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Академии управления МВД России

Оганесян В. А., доктор юридических наук, профессор Ереванского государственного университета, зам. председателя Конституционного Суда Армении

Ристов А., профессор, доктор права, доцент юридического факультета Iustinianus Primus

Университета Св. Кирилла и Мефодия в Скопье, Республика Северная Македония

Зражевская Т. Д., профессор, доктор юридических наук, профессор, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области

Толочко О. Н., профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного управления юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск

Турлуковский Я., кандидат юридических наук, доцент кафедры коммерческого права факультета права и администрации, Варшавский университет (Республика Польша)

Цыбуленко З. И., доктор юридических наук, профессор Саратовской государственной академии права

Шапсугов Д. Ю., доктор юридических наук, профессор

Шатковская Т. В., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС

Яценко Т. С., доктор юридических наук, профессор, руководитель департамента частного права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Yoruanys Suárez Tejera, доктор юридических наук, профессор Университета Сьенфуэгос «Карлос Рафаэль Родригес»

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL
BULLETIN OF THE LAW FACULTY, SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY
2026 Volume 13 Issue 1 January-March

Established by: *Southern Federal University*
(*a Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education*)
105/42 Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, Rostov Oblast 344006, Russian Federation
Editorial Office: 88 M. Gorkogo Street, office 321, Rostov-on-Don, Rostov Oblast 344002, Russian Federation
phone/fax: +7 (863) 240-36-10; email: vestnik@sfnu.ru; website: <http://urvestnikpravo.sfnu.ru>
The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (Registration Certificate FS77-83319 dated 19.05.2022)
Publication frequency: 1 time per quarter. ISSN 2313-6138 / DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1
Included into the Russian Science Citation Index System (Licence Agreement 537-09/2014) Subscription Index E33060

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *Ovchinnikov, A. I.*, Doctor of Law, Professor, Head of Department of Theory and History of State and Law, Law Faculty, Southern Federal University
Responsible editor: *Tishchenko, E. V.*, PhD in Law, Associate Professor
Executive Secretary: *Frolova, E. Yu.*, PhD in Law, Associate Professor
Assistant to the Editor-in-Chief: *Konopy A. S.*, PhD in Law
Artemenko, N. V., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Criminal Law and Criminology, Law Faculty, Southern Federal University
Volova, L. I., Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of International Law Law Faculty, Southern Federal University
Zinoviev, I. P., PhD in Law, Associate Professor, Dean of the Law Faculty of the Southern Federal University
Kolesnikov, Yu. A., Doctor of Law, Associate Professor, Head of Department of Financial Law, Law Faculty, Southern Federal University
Lyakhov, Yu. A., Doctor of Law, Professor
Malina, M. A., PhD in Law, Associate Professor
Hovsepyan, Zh. I., Doctor of Law, Professor, Head of Department of State (Constitutional) Law, Law Faculty, Southern Federal University
Selivanova, E. S., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Civil Law, Law Faculty, Southern Federal University
Smagina, E. S., Doctor of Law, Associate Professor, Head of Department of Civil Procedure and Labour Law, Law Faculty, Southern Federal University
Stepanov, K. V., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Law Faculty, Southern Federal University
Tsyganenko, S. S., Doctor of Law, Professor

EDITORIAL COUNCIL

Baranov, V. M., Doctor of Law, Professor, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the innovative development of scientific activity
Baranov, P. P., Doctor of Law, Professor, Head of Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Institute of the RANEPa
Bondar, N. S., Doctor of Law, Retired Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation
Biryukov, P. N., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International and Eurasian Law of Voronezh State University
Vasilyev, A. A., Doctor of Law, Director of the Institute of Law of the AltSU
Velichko, A. M., Doctor of Law
Slavkovich, V., Doctor of Law, Professor, Professor, Department of the criminal law, criminal procedure and criminalistics, College of criminalistics and security in Serbia (City of Nish)
Geistenger, M., Doctor of Law, Professor of the University of Salzburg
Koretsky, D. A., Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, Southern Federal University
Lyakhov, E. G., Doctor of Law, Professor, Vice President of the International Law Association
Mamitova, N. V., Doctor of Law, Professor, RANEPa
Mamychev, A. Yu., Doctor of Political Sciences, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Laboratory for Political and Legal Studies, Department of Political Science, M. V. Lomonosov Moscow State University
Nebratenko G. G., Doctor of Law, Professor, Head of Department of Theory and History of State and Law, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Oganesyan, V. A., Doctor of Law, Professor at Yerevan State University, Deputy Chairman of the Constitutional Court of Armenia
Ristov, A., Professor, Doctor of Law, Associate Professor, Iustinianus Primus Faculty of Law, Ss. Cyril and Methodius University in Skopje, Republic of North Macedonia
Zrazhevskaya, T. D., Doctor of Law, Professor, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region
Tolochko, O. N., Professor, Doctor of Law, Professor at the Department of Public Administration, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk
Turlukovskiy, J., PhD in Law, Associate Professor at the Department of Commercial Law, Faculty of Law and Administration, University of Warsaw (Poland)
Tsibulenko, Z. I., Doctor of Law, Professor of the Saratov State Academy of Law
Shapsugov, D. Yu., Doctor of Law, Professor
Shatkovskaya T. V., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State at the Law Institute of RANEPa
Yatsenko, T. S., Doctor of Law, Professor, Head of the Private Law Department, National Research University Higher School of Economics
Yoruanys Suñez Tejera, Doctor of Law, Professor at the Carlos Rafael Rodríguez University of Cienfuegos

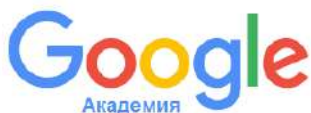
Журнал включен Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук

Национальная библиографическая база данных научного цитирования, аккумулирующая более 9 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Штаб-квартира – Россия

Международная база данных, содержащая библиографическую информацию о научных журналах в области гуманитарных и социальных наук. Штаб-квартира – Норвегия

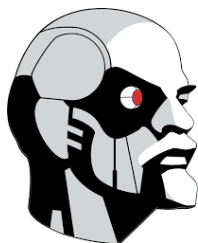
Поисковая система по полным текстам научных публикаций, вобравшая в себя данные из большинства рецензируемых онлайн-журналов, выпускаемых основными научными издательствами Европы и Америки. Штаб-квартира – США

Международный мультидисциплинарный каталог журналов открытого доступа. Содержит более 10 000 названий научных журналов и метаданные статей этих журналов. Штаб-квартира – Великобритания

Крупнейшая в мире библиографическая база данных, насчитывающая свыше 240 млн записей о всех видах произведений на 470 языках мира. Штаб-квартира – США

КиберЛенинка – российская научная электронная библиотека открытого доступа, основными задачами которой является популяризация науки и научной деятельности, а также общественный контроль качества научных публикаций. Насчитывает более 1 млн статей. Штаб-квартира – Россия

Справочно-правовая система по законодательству Российской Федерации, первая массовая коммерческая справочно-правовая система в России (выпускается с 1990 года). Распространяется через дилерскую сеть из более чем 250 компаний в России и СНГ

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

БЕСЕДИНА Е. С. Концепция органического права в наследии Ю. Ф. Самарина	9
ДУБЕНЬ А. К. Историография марксизма в структуре истории политических и правовых учений	15
КОНОПИЙ А. С. Философско-правовое измерение ценностных парадигм в современном цивилизационном процессе	20
МАЛИНА М. А. Социально ориентированный правоприменительный процесс: понятие, значение, перспективы	25
ФОМИН А. А. Кризисы и кризисные ситуации как объект правового воздействия: понятие, признаки и принципы регулирования	34

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

НЕБРАТЕНКО О. О. Развитие права на занятие экономической деятельностью в порядке конституционного судопроизводства	44
--	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ВЛАДЫКИНА А. Ю. Правила происхождения товаров в африканской континентальной зоне свободной торговли: трансформация норм международного публичного права	51
---	----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

КУЛИК Т. Ю. Некоторые вопросы досудебного урегулирования споров в арбитражном процессе	59
ЛЕВАШОВ В. К. К вопросу о значении государственной регистрации сведений о руководителе юридического лица для третьих лиц	64
ШАПОВАЛ О. В. Имя гражданина как средство индивидуализации в эпоху цифровой трансформации	70

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

АПОСТОЛОВА Н. Н., ЛЯХОВ Ю. А. Достоверность электронных доказательств.....	76
КЕЙДУНОВА Е. Р., МАВРЕНКОВА Е. А. Использование патогенных биологических агентов в преступных целях (криминологические аспекты).....	83
УЛИТИН И. Н. Территория как предмет преступления: некоторые суждения о месте в составообразовании.....	90
ЦЫГАНЕНКО С. С., БИРЮКОВ В. В. О месте и значении категории дифференциации в структуре преподавания дисциплины «Уголовный процесс»	94

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

АВАКЯН А. М. Административно-правовой статус Центрального Банка Российской Федерации и его участие в сфере страхования	99
--	----

Трибуна молодого ученого

ГИРИНОВИЧ К. Е., ЖУРАВЛЕВ К. А. Цифровизация как фактор дематериализации объектов в государственном управлении	108
ЛЕТОВА Е. А. Экологическая безопасность селекционной деятельности	114
ПЕТИН Д. В. Особенности организации взаимодействия представительных органов публичной власти в системе разделения властей на примере Ростовской области.....	120
РОМАНОВ А. А. Уклонение от исполнения обязательства и обход закона с использованием цифровых активов	132
СЕННИКОВ А. С. Плата за отказ от договора: анализ судебной практики	139
ШАПОВАЛОВА М. И. Роль торгово-промышленных палат в Российской Федерации в защите прав предпринимателей: конституционно-правовые аспекты.....	149

CONTENTS

GENERAL THEORETICAL AND HISTORICAL ISSUES OF LEGAL RESEARCH AND PRACTICE

- BESEDINA, Ekaterina S.
The Concept of Organic Law in the Legacy of Yu. F. Samarin9
- DUBEN, Andrei K.
Historiography of Marxism in the Structure of the History of Political and Legal Doctrines15
- KONOPIY, Anna S.
The Philosophical and Legal Dimension of Value Paradigms in the Modern Civilizational Process20
- MALINA, Maksim A.
Socially Oriented Law Enforcement Process: Concept, Meaning, Prospects25
- FOMIN, Aleksey A.
Crises and Crisis Situations as an Object of Legal Influence:
Concept, Characteristics and Principles of Regulation.....34

CONSTITUTIONAL LAW

- NEBRATENKO, Olga O.
Development of the Right to Enter into Economic Activities through Constitutional Proceedings..... 44

INTERNATIONAL LAW

- VLADYKINA, Anna Yu.
Rules of Origin in the African Continental Free Trade Area:
Transforming International Public Law51

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

- KULIK, Tatiana Yu.
Some Issues of Pre-Trial Dispute Settlement in the Arbitration Process59
- LEVASHOV, Vladimir K.
On the Issue of the Importance of State Registration of Information
about the Chief Executive Officer of a Legal Entity for Third Parties64
- SHAPOVAL, Olga V.
Citizen's Name as a Means of Individualization in the Era of Digital Transformation.....70

CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE

- APOSTOLOVA, Natalia N., and LYAKHOV, Yuri A.
The Reliability of Electronic Evidence..... 76

KEYDUNOVA, Elena R., and MAVRENKOVA, Elena A.
The Use of Pathogenic Biological Agents for Criminal Purposes (Criminological Aspects) 83

ULITIN, Ilya N.
Territory as an Object of Crime: Some Reflections on Its Role in the Structure of an Offence..... 90

TSYGANENKO, Sergey S., and BIRYUKOV, Valery V.
The Place and Importance of Differentiation Categories
in the Structure of Teaching Criminal Procedure..... 94

FINANCIAL LAW

AVAKYAN, Alesya M.
Administrative and Legal Status of the Central Bank
of the Russian Federation and Its Participation in the Insurance Sector..... 99

PLATFORM FOR YOUNG SCIENTISTS

GIRINOVICH, Kseniya E., and ZHURAVLEV, Kirill A.
Digitalization as a Factor of Dematerialization of Objects in Public Administration 108

LETOVA, Elizaveta A.
Environmental Safety of Breeding 114

PETIN, Dmitry V.
Features of Organizing Interaction between Representative Bodies of Public Authorities
in the System of Separation of Powers on the Example of Rostov Region 120

ROMANOV, Alexander A.
Evasion of Obligations and Circumvention of the Law Using Digital Assets..... 132

SENNIKOV, Sergei A.
Termination Fee: Analysis of Judicial Practice..... 139

SHAPOVALOVA, Marianna I.
The Role of Chambers of Commerce and Industry in the Russian Federation
in Protecting the Rights of Entrepreneurs: Constitutional and Legal Aspects 149

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

УДК 340

DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-1

Беседина Екатерина Сергеевна,
преподаватель кафедры теории
и истории государства и права,
ФГБОУ ВО «Алтайский
государственный университет»,
656049, г. Барнаул, пр-т Ленина, д. 61,
email: Efremova_e@mail.asu.ru

Besedina, Ekaterina S.,
Lecturer at the Department
of Theory and History
of State and Law, Altai State University,
61 Lenin Ave., Barnaul,
656049, Russian Federation,
email: Efremova_e@mail.asu.ru

КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЧЕСКОГО ПРАВА В НАСЛЕДИИ Ю. Ф. САМАРИНА

THE CONCEPT OF ORGANIC LAW IN THE LEGACY OF YU. F. SAMARIN

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена реконструкции целостной правовой концепции в наследии выдающегося славянофила и государственного деятеля Ю. Ф. Самарина. На основе анализа его исторических, публицистических и богословских работ доказывается, что разрозненные правовые суждения Ю. Ф. Самарина образуют стройное учение об органическом праве. В его центре острая критика западноевропейского юридического формализма, превращающего закон в отчужденную от жизни абстракцию, способную служить покрытием несправедливости. В качестве альтернативы Ю. Ф. Самарин выдвигает идею «живого права», которое произрастает из народной жизни, кристаллизуясь в обычай как воплощение объективного нравственного закона. Позитивный закон в этой системе играет не первичную, а охранительную роль, закрепляя уже сложившиеся в обществе органические нормы. В статье также рассматриваются внутренние трудности самаринской модели и ее актуальность с точки зрения глубокой критики современного механического правопонимания и веры во всеисилие юридической процедуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ю. Ф. Самарин, славянофильство, критика позитивизма, органическое право, обычай

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Беседина, Е. С. Концепция органического права в наследии Ю. Ф. Самарина / Е. С. Беседина. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 9–14. – DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-1

ABSTRACT. This article reconstructs a holistic legal concept in the legacy of the outstanding Slavophile and statesman Yu. F. Samarin. Based on an analysis of his historical, journalistic, and theological works, it is demonstrated that Yu. F. Samarin's disparate legal propositions form a coherent doctrine of organic law. At its core is a sharp critique of Western European legal formalism, which transforms law into an abstraction, detached from life, capable of serving as a cover for injustice. As an alternative, Samarin advances the idea of "living law", which grows out of popular life, crystallizing in custom as the embodiment of objective moral law. Positive law in this system plays not a primary but a protective role, reinforcing already established organic norms in society. The article also examines the inherent difficulties of Yu. F. Samarin's model and its relevance in terms of a profound critique of modern mechanical legal thinking and the belief in the omnipotence of legal procedure.

KEYWORDS: Yu. F. Samarin, Slavophilism, criticism of positivism, organic law, custom

FOR CITATION:

Besedina, E. S. (2026) The Concept of Organic Law in the Legacy of Yu. F. Samarin. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 13(1): 9–14 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-1

В современной истории правовых и политических учений наследие Ю. Ф. Самарина, одной из ключевых фигур славянофильства и активного участника подготовки Великих реформ, остается недостаточно изученным, особенно в его собственно юридическом аспекте. Основной причиной фрагментарности изучения правовых аспектов является тот факт, что в обширном наследии мыслителя практически отсутствуют специально юридические тексты. Самарин не был профессиональным юристом и не ставил перед собой задачи создания системной теории права. Его правовые взгляды разбросаны по историческим, публицистическим и богословским трудам, а также содержатся в эпистолярном наследии. Эта особенность источниковой базы прямо вытекает из фундаментальной мировоззренческой установки славянофильского кружка: признания принципиальной вторичности формального права по отношению к религиозным и нравственным основам общественной жизни. Однако применяя метод реконструкции, можно выявить, что за кажущейся разрозненностью суждений скрывается внутреннее непротиворечивое учение о праве, сформировавшееся на стыке философии, богословия, истории и практики государственных реформ.

Отталкиваясь от базовой установки о вторичности писанного закона, Ю. Ф. Самарин строит свою правовую позицию на последовательной критике западноевропейского юридического позитивизма. В центре его критики – фетишизация юридической нормы и конституционной процедуры, которые, по его мнению, ведут к подмене живой правды отвлеченной юридической фикцией.

Основной порок западного права Самарин видит в его абстрактном, безличном характере. Закон, созданный для «всех» и «каждого», на деле оказывается неспособным учесть «неисчерпаемое разнообразие жизненных явлений» и конкретную нравственную ситуацию. В своем стремлении к универсальности он становится инструментом насилия над уникальностью: «Закон... рубит немилостиво все, что попадает под его лезвие, и личность гибнет, и с ней вместе гибнет часто правда в неразрывной борьбе с законностью» [3, с. 9]. Это превращает право из средства защиты в механизм отчуж-

дения, где формальная правильность может прикрывать существенную несправедливость.

Особую опасность такой формализм приобретает в российской действительности, где лишенный органической связи с народным сознанием, он выродился в орудие системного лицемерия и произвола. Опыт работы в Остзейском крае и изучение российской глубинки дали Самарину богатый материал, демонстрирующий, как формальный закон может служить прикрытием для насилия. Так извращенная практика, основанная на «странном убеждении, что собственные признания необходимы для улики», порождает порочный круг допросов розгами с целью получить это «добровольное» признание – практику известную как «запирание». Этот узаконенный произвол был для Самарина воплощением «вынужденного, а не свободного подчинения» – прямой противоположностью подлинному, органическому праву. Аналогично, практика «разбора евреев на разряды», формально регулируемая законом, на деле представляла собой систему узаконенного вымогательства. Это был, по сути, «беззаконный легализм» – торжество процедуры, оправдывающей насилие и служащей прикрытием для коррупции и социально-го угнетения.

Но наиболее глубоко системный характер этого извращения права Самарин раскрывал на примере уголовного производства в условиях крепостничества. Он отмечал, что даже при стремлении законодательства к «безошибочной точной алгебраической выкладке» живая личность судьи, подчиняясь духу времени, выносила приговоры, исходя не из меры вины, а из социального статуса обвиняемого: помещик получал снисхождение для сохранения своего «значения», а крестьянин карался в «назидательный страх другим». «Таким образом, коренная неправда основных отношений влечет за собой целый ряд частных несправедливостей со стороны самого правительства, невольно потворствующего неправде» [7, с. 54]. Этот анализ показывал, что в обществе, основанном на «коренной неправде» (крепостном праве), самый совершенный формальный закон неизбежно становится ее соучастником, а не исправителем. Это и было сутью порочной механической законности – системы, где формальное правило, лишенное нравственного

фундамента, служит охране порочного порядка, а не установлению справедливости. Отсюда очевиден вывод, что для Самарина очевидна была ограниченность любых чисто правовых механизмов.

Основываясь на этой критике западного формализма, Ю. Ф. Самарин противопоставлял ему собственную концепцию права. Если западный юридизм, по его мнению, был продуктом абстрактного рассудка, то подлинное «живое право» вырастает органически из глубины народной жизни. Его высшим и абсолютным источником является не воля законодателя, а объективный нравственный закон, укоренный в религиозном сознании и имеющих для мыслителя такую же реальность, как «законы естества».

Эта позиция позволила Самарину быть последовательным критиком не только позитивизма, но и рационалистической естественно-правовой школы. Он отвергал идею о существовании единого для всего человечества набора правовых идеалов, выводимых из абстрактного разума. Согласно христианской антропологии, которую разделял мыслитель, искаженная грехопадением человеческая природа предопределяет, что абсолютный нравственный закон видим нами «как бы сквозь тусклое стекло». Каждый народ, в силу своих исторических судеб, верований и традиций, воспринимает его по-своему, что порождает уникальное многообразие конкретных форм права. «Неужели, например, нравственные понятия католика, протестанта, мормона, ирвингиста, сенсимониста одинаковы?» [4, с. 236] – риторически вопрошал Самарин, демонстрируя невозможность вывести единую, универсальную для всех модель права.

Таким историческим проводником и воплощением нравственного закона для каждого конкретного народа выступает обычай. Именно в органически сложившемся обычае, а не в абстрактной законодательной схеме, универсальный закон, преломленный через призму национального характера и исторического опыта, кристаллизуется в действующие нормы человеческого общежития. Поэтому здоровый обычай для Самарина – не просто стихийная практика, а воплощенная нравственность нации.

В этом убеждении в примате обычая как живого источника права позиция Самарина

внешне сближается с доктриной исторической школы права (Ф. К. Савиньи, Г. Ф. Пухта). Однако за внешним сходством скрывается принципиальное различие в обосновании. Если для немецких юристов обычай – это всегда выражение духа, то для Самарина это всегда выражение духа просветленного и направленного сверхнациональным христианским нравственным законом [1, с. 155]. Историческая школа искала право в национальной психологии, Самарин – в национальной совести, сформированной верой.

Отсюда вытекает и ключевой методологический принцип: подлинное право следует искать не только в сводах законов, но в целостном культурно-историческом опыте нации – в летописях, житиях святых, народных песнях, преданиях и современном ему быте, который является «живым и самым надежным комментарием к прошлому» [5, с. 268], то есть продолжающимся источником правового сознания. В этом стремлении найти право в самой жизни общества, а не только в писанных источниках, можно увидеть сходство и с принципами формировавшейся позже социологической школы права. Так, этот подход позволял ему видеть в древнерусской истории не «бедность правовых форм», на которую указывали западники, а иную, более высокую логику общежития, основанную не на внешних гарантиях и контрактах, а на взаимных нравственных обязательствах и «идеальных отношениях».

Однако Самарин избегает наивной идеализации и романтизации обычая. Он трезво признавал его двойственную природу. Его практический опыт подсказывал, что обычай, рожденный в условиях системной несправедливости, может не воплощать, а извращать нравственный закон, закрепляя «безнравственную практику». Ярким примером для него служила крепостническая система, где под влиянием векового произвола сформировался искаженный пласт обычного права. «Мы сами создали эту уродливую нравственность, сами же ею и возмущаемся», – писал он, указывая на парадокс, при котором воровство у помещика, формально являясь преступлением, встречало в крестьянской среде «снисходительность, а иногда даже тайное одобрение» [8, с. 603]. Такой деформированный обычай, по его словам, «есть не выражение народного духа, а фиксация его

искажения, он перестает быть правом, превращаясь в «орудие порабощения» [8, с. 204]. Следовательно, перед законодателем становится задача отличить «истинный обычай» от «патологического обычая». Самарин подчеркивает, что истинный обычай «всегда нравственен в своей основе». Однако сам не предлагает конкретных критериев для такого разграничения, оставляя решение на откуп нравственной интуиции.

Принципиально важно, что несмотря на острую критику формального права и юридического позитивизма, Ю.Ф. Самарин отнюдь не был правовым нигилистом и признавал огромную практическую роль позитивного закона. Однако его понимание законности радикально отличалось от западного. Исторический анализ, в частности изучение практики престолонаследия от Петра I, привел его к категоричному выводу: в России «понятие законности так и не сформировалось» [5, с. 166]. В условиях самодержавия закон всегда оставался инструментом воли монарха, а не ограничивающим его фактором. Этот вердикт относится ко всем слоям народа. Подлинная законность, по Самарину, коренилась не в таких зыбких юридических конструкциях, а в «любви народной» и духовно-нравственном единстве нации, убежденной в «единстве интересов верховной власти и Русской земли» [5, с. 168].

Именно этот исторический диагноз – отсутствие укоренной формальной законности, и делал, по мнению Самарина, невозможным и пагубным механический перенос на русскую почву западного конституционализма. При этом анализируя причины правового хаоса и «беззаконного легизма» в Остзейском крае, он сформулировал строгую систему положительных условий, необходимых для истинной законности.

Во-первых, законность требует содержательной полноты – наличия достаточного количества законов, охватывающих все существенные общественные отношения. Во-вторых, эта система должна быть качественно определенной: законы должны быть актуальными и практически применимыми в современном быту, что требует своевременного очищения от устаревших и противоречащих друг другу актов. Но центральным, ключевым условием для Самарина был принцип доступности, под-

разумевающий не только физический доступ к тексту законов, но и их смысловую ясность для каждого гражданина. Ситуация, при которой подлинный смысл закона остается монополией узкой касты профессиональных толкователей (как в случае с остзейским дворянством), – прямая дорога к беззаконию [10, с. 113].

Отсюда вытекает и представление Ю. Ф. Самарина о законотворческом процессе. Главной проблемой современного ему законотворчества мыслитель считал разрыв между народной жизнью и процессом создания законов. «Народная жизнь не находит отражения в сознании образованного общества и не влияет на законодательство. В результате законодатель работает “одиноко”» [9, с. 5], – констатировал он. Чтобы преодолеть этот разрыв, власть не должна была «забегать вперед», предрешая таким образом развитие абстрактными нормами. Задача власти заключалась в том, чтобы, преодолев эту разобщенность, выявлять назревшие «самые насущные потребности» народа и уже сложившиеся для их удовлетворения здоровые практики. При этом Самарин подчеркивал, что писанный закон необходим далеко не всегда. Его роль – не заменять жизнь, а закреплять и охранять уже сложившиеся в ней органические нормы в тех случаях, когда это действительно требуется для ясности или защиты от произвола. Во многом тут позиция Юрия Федоровича Самарина расходится со взглядами его учителя А. С. Хомякова. Если для Хомякова конечной целью было превращение закона в обычай: «целью всякого закона... обратиться в обычай, перейти в кровь и плоть народа» [12, с. 54], то для Самарина, опирающегося на опыт государственных реформ, первичным был обратный процесс: движение от сложившегося обычая к его легализации в форме закона. Таким образом, по Самарину, право не должно опускаться сверху в виде идеальной нормы, а должно было подниматься снизу, из почвы народной жизни.

В определенном смысле подход Самарина к праву можно определить как предвосхищение интегративного правопонимания. Самарин искал право не в одном источнике, а в их органическом синтезе. Однако его синтез принципиально отличался от позднейших интегративных моделей. Если классическая интегративная юриспруденция стремится механически соединить уже готовые и обособ-

ленные элементы западных доктрин, то для Самарина эти начала изначально нераздельны. Нравственная ценность (христианский закон), социальная форма (обычай) и государственное веление (писанный закон) плавно вытекают друг из друга. Следовательно, как отмечает А. А. Васильев, такое правопонимание является синтетическим: право есть воплощение нравственного идеала в исторической жизни нации, последовательно проявляющееся в обычае и законе [2, с. 38].

Антропологическим стержнем правопонимания Самарина является его учение о долге, связывающее право с внутренним миром человека. Он выстраивает его на трех началах: «психическая свобода», объективный нравственный закон, соразмерность требований закона человеческим возможностям – принцип исполнимости нормы. Из этой триады следует ключевой вывод: право есть внешнее оформление внутреннего нравственного императива, свободно осознанного личностью. Именно поэтому для Самарина была неприемлема любая форма принуждения в сфере совести [11].

Таким образом, правовое учение Ю. Ф. Самарина предстает как целостная система, основанная на идее органической природы права. В противовес формальному позитивизму он видит право живым явлением, вырастающим из глубины народного духа и нравственного сознания. Его синтетический подход связывает христианский идеал, правовой обычай и позитивный закон в иерархичное единство, где писанный закон – не произвольная воля, а закрепление созревшей в жизни нормы.

Однако это глубокая модель имеет уязвимые места, проистекающие из ее же достоинств. Во-первых, она не дает четкого критерия для различения «истинного» нравственного обычая от «патологического», что в условиях современного плюрализма создает почву для субъективных трактовок. Во-вторых, ставка на медленную кристаллизацию обычая плохо отвечает на вызовы стремительных социальных изменений, где промедление с законодательным регулированием чревато произволом. Наконец, акцент на коллективное сознание может ставить под вопрос гарантии индивидуальных прав.

В то же время актуальность критики Самарина сегодня лишь возрастает. Он вскрывает суть единого извращенного права – веру в его всеисилие, которая проявляется двояко: как гипертрофированное законотворчество, пытающееся урегулировать неподвластные праву сферы жизни, и как фетишизация процедуры, где скрупулезное следование норме становится ритуалом, оправдывающим несправедливость и отчуждение. Обе формы суть проявления отрыва права от его нравственной и жизненной почвы.

Список использованных источников

1. Андреев Н. Ю. Анализ связи правовых доктрин славянофилов и немецкой исторической школы права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 2 (15). С. 149–156.
2. Васильев А. А. Синтетическая теория права интерпретации представителей консервативной идеологии России // Правоведение. 2016. № 4 (327). С. 34–64.
3. Самарин Ю. Ф. Вече и Князь // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3: Русское самосознание. СПб.: Росток, 2016. С. 7–21.
4. Самарин Ю. Ф. Замечание на «Заметки “Русского Вестника”» по вопросу народности в науке // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1: Литература и история. СПб.: Росток, 2013. С. 232–243.
5. Самарин Ю. Ф. На чем основана и чем определяется верховная власть в России // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1: История и литература. СПб.: Росток, 2013. С. 152–169.
6. Самарин Ю. Ф. Несколько слов по поводу исторических трудов г. Чичерина // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1: История и литература. СПб.: Росток, 2013. С. 267–281.
7. Самарин Ю. Ф. О крепостном состоянии и о переходе из него // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4: Крестьянское дело. СПб.: Росток, 2017. С. 43–145.
8. Самарин Ю. Ф. О мерах для смягчения и облегчения крестьянского состояния // Собрание сочинений в пяти томах. Том 4: Крестьянское дело. СПб.: Росток, 2017. С. 193–211.
9. Самарин Ю. Ф. О проекте земских хозяйственных учреждений. 1-е изд. М.: Тип. Бахметева, 1863. 70 с.
10. Самарин Ю. Ф. Письма из Риги. Май-июнь 1848. Письмо 5-е. Верность, законность и обязательность привилегий в Остзейском крае // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3: Русское самосознание. СПб.: Росток, 2016. С. 106–128.
11. Самарин Ю. Ф. Понятие о долге // Русская религиозная мысль. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1912.
12. Хомяков А. С. По поводу Гумбольдта // Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова Т. 1. М.: Тип. Лебедева, 1900. С. 143–175.

References

1. *Andreev N. Yu.* Analysis of the connection between legal doctrines of the Slavophiles and the German historical school of law. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Law.* 2013. No. 2 (15). P. 149–156 [in Russ.].
2. *Vasiliev A. A.* Synthetic theory of law in the interpretation of representatives of Russian conservative ideology. *Pravovedenie.* 2016. No. 4 (327). P. 34–64 [in Russ.].
3. *Samarin Yu. F.* Veche and the Prince. *Collected works in five volumes. Vol. 3. Russian self-consciousness.* Saint Petersburg: Rostok, 2016. P. 7–21 [in Russ.].
4. *Samarin Yu. F.* Remarks on the “Notes of the Russian Messenger” on the question of nationality in science. *Collected works in five volumes. Vol. 1. Literature and history.* Saint Petersburg: Rostok, 2013. P. 232–243 [in Russ.].
5. *Samarin Yu. F.* On what the supreme power in Russia is based and how it is determined. *Collected works in five volumes. Vol. 1. History and literature.* Saint Petersburg: Rostok, 2013. P. 152–169 [in Russ.].
6. *Samarin Yu. F.* Several words concerning the historical works of B. Chicherin. *Collected works in five volumes. Vol. 1. History and literature.* Saint Petersburg: Rostok, 2013. P. 267–281 [in Russ.].
7. *Samarin Yu. F.* On serfdom and the transition from it. *Collected works in five volumes. Vol. 4. The peasant question.* Saint Petersburg: Rostok, 2017. P. 43–145 [in Russ.].
8. *Samarin Yu. F.* On measures for mitigating and improving the condition of peasants. *Collected works in five volumes. Vol. 4. The peasant question.* Saint Petersburg: Rostok, 2017. P. 193–211 [in Russ.].
9. *Samarin Yu. F.* On the project of zemstvo economic institutions. 1st ed. Moscow: Bakhmetev Printing House, 1863. 70 p. [in Russ.].
10. *Samarin Yu. F.* Letters from Riga. May-June 1848. Letter 5. Fidelity, legality and binding force of privileges in the Ostsee region. *Collected works in five volumes. Vol. 3. Russian self-consciousness.* Saint Petersburg: Rostok, 2016. P. 106–128 [in Russ.].
11. *Samarin Yu. F.* The concept of duty. Russian religious thought. Moscow: Printing House of A. I. Snegireva, 1912 [in Russ.].
12. *Khomyakov A. S.* On Humboldt. Complete works of Aleksei Stepanovich Khomyakov. Vol. 1. Moscow: Lebedev Printing House, 1900. P. 143–175 [in Russ.].

Поступила в редакцию 25.01.2026

Received January 25, 2026

Дубень Андрей Кириллович,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник,
Институт государства и права
Российской академии наук,
119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10,
email: k.duben@mail.ru

Duben, Andrei K.,
PhD in Law, Senior Researcher,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
10, Znamenka Str., Moscow,
119019, Russian Federation,
email: k.duben@mail.ru

ИСТОРИОГРАФИЯ МАРКСИЗМА В СТРУКТУРЕ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

HISTORIOGRAPHY OF MARXISM IN THE STRUCTURE OF THE HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется правовая природа отечественной историографии политических и правовых учений в контексте исторического развития государства, сохранения и защиты исторической правды, противодействия фальсификации истории. Проанализированы нормы Конституции Российской Федерации и стратегических нормативных актов, в которых предусмотрены неукоснительное соблюдение принципа защиты исторической правды, уважение многообразия культур, традиций и народов. Проаннотированы основные положения отечественной доктрины по вопросу развития историографии в социально-гуманитарных науках, дается определение дефиниции «историография». В статье особое внимание акцентируется на историографии марксизма, исследуются правовая природа, структура и основные положения марксизма, проанализированы основные положения современной отечественной и зарубежной доктрины по марксизму. Научная новизна статьи состоит в том, что историографическая проблематика марксизма не изучена, и настоящая статья является первой попыткой правового анализа марксизма с точки зрения изучения политико-правовой мысли.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историография, философия права, теория права, марксизм, политико-правовая мысль, социально-гуманитарные науки, юридические науки, историография юридической науки, историография правовых учений

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Дубень, А. К. Историография марксизма в структуре истории политических и правовых учений / А. К. Дубень. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 15–19. – DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-2

ABSTRACT. The article examines the legal nature of Russian historiography of political and legal doctrines in the context of the historical development of the state, the preservation and protection of historical truth, and countering the falsification of history. The article analyzes the legal norms of the Constitution of the Russian Federation and strategic normative acts, which provide for strict observance of the principle of protection of historical truth, respect for the diversity of cultures, traditions and peoples. The main provisions of the Russian doctrine on the development of historiography in the social sciences and humanities are discussed, and the definition of “historiography” is given. The article focuses on the historiography of Marxism, examines the legal nature, structure and main provisions of Marxism, analyzes the main provisions of modern domestic and foreign doctrine on Marxism. The scientific novelty of the article lies in the fact that the historiographical problems of Marxism have not been studied and this article is the first attempt at a legal analysis of Marxism from the point of view of studying political and legal thought.

KEYWORDS: historiography, philosophy of law, theory of law, Marxism, political and legal thought, social and humanitarian sciences, legal sciences, historiography of legal sciences, historiography of legal doctrines

FOR CITATION:

Duben, A. K. (2026) *Historiography of Marxism in the Structure of the History of Political and Legal Doctrines. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU.* 13(1): 15–19 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-2

Введение. В настоящее время одной из основных проблем в теории и истории государства и права и философии права являются историографические традиции в социогуманитаристике. В отечественной доктрине ученые неоднократно в своих исследованиях обращаются к теме историографии. В монографии академика РАН А. Н. Савенкова отмечается, что вопросы русской и зарубежной историографии рассматриваются с точки зрения привлечения больших массивов данных, последовательной реализации познавательной установки на изучение документальных источников и верифицируемых исторических свидетельств, уточняются роль и значение историософских идеалов в становлении российской научной мысли и философской литературы, предлагается новый комплекс методов разработки историко-правового материала как основа для разъяснения и совершенствования концепции государства-цивилизации в ее приложении к русской истории [14, с. 5]. Таким образом, актуальность и значимость данной темы обусловлены потребностью в фиксации уровня развития историографического направления в юриспруденции.

В Конституции Российской Федерации и стратегических нормативных правовых актах закреплено, что государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти, данное положение связано с историческим развитием государства, а также духовно-культурной сферой с сохранением и укреплением традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Согласно ч. 3 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации, Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды, не допускает умаление значения подвига народа при защите Отечества. Считаем, что данная норма направлена на охрану исторической правды и противодействие фальсификации истории. Данные конституционные положения стали нормативно-правовым «ответом на нарастающие попытки пересмотра роли российского народа во Второй мировой войне», заложив конституционную основу противодействия посягательствам на историческую правду, вместе с тем нравственный фундамент государства составила «историческая правда как объективная оценка вклада России в развитие челове-

ской цивилизации» [7, с. 159]. Важно отметить, что тем самым государство на законодательном уровне закрепляет нормы, обеспечивающие достоверность исторических исследований, которые осуществляются сегодня в условиях трансформации права, геополитических изменений, новых вызовов, угроз и рисков. Данное положение отражает неукоснительное соблюдение принципа защиты исторической правды, уважение многообразия культур, традиций и народов, таким образом, защита и сохранение исторической памяти направлены на анализ закономерностей развития исторических явлений и причин общественных изменений, обеспечение достоверности, объективности и научности исторических знаний, которые способствуют в дальнейшем достижению принципов исторического познания, в частности, в сфере политико-правовых знаний.

Историография политических и правовых учений. Важно отметить, что историография политических и правовых учений как наука начала формироваться в XX веке, с точки зрения правовой природы, предмета, места и роли политических и правовых учений. Как отмечал академик РАН В. С. Нерсесянц, «к сожалению, в рамках такой научной дисциплины, какой является история политических и правовых учений, специальных историографических исследований пока нет ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. Поэтому устранение отмеченного пробела – актуальная, неотложная задача историков политико-правовой мысли» [3, с. 27]. Таким образом, ранние исследования по данной теме свидетельствуют о том, что историография политических и правовых учений как наука является всеобщей и универсальной, дает качественно новые знания для общества, отвечает современным вызовам и рискам. Как справедливо отмечает ученый В. С. Горбань, нынешние историографические исследования политико-правовой мысли в науке философии права, теории и истории государства и права констатируют приоритеты отдельных тем, в частности, затрагиваются и анализируются вопросы политической философии и морали, юридической мысли, тем самым делается вывод о необходимости проведения данных исследований, поскольку наблюдается тенденция ограничения современности от истории, т. е. используется антиисторический

подход к пониманию политико-правовых знаний, который приводит к исчезновению грани между историей и современностью [1, с. 13].

К данной проблематике обращаются многие отечественные и зарубежные ученые. Так, по мнению С. В. Кодана, историографическое направление в юриспруденции находится в стадии становления, как уже ранее отмечалось, основные подходы к его пониманию получили освещение в юридической литературе [5]. В. С. Горбань также выделяет проблему формирования современной историографической модели в юридической науке [2]. Так, по мнению автора, историографические исследования связаны с изменениями в современном мире, в первую очередь, с трансформацией права и формированием многополярного мира, с учетом повышения роли национальных культур и цивилизационных исследований, развитием наук и созданием научно-технологического прогресса, а также с сохраняющейся трансляцией искаженных представлений об истории, попытками искажения истории и исторических фактов, а также идеологическими ограничениями истории других стран и др. Кроме того, в научных исследованиях введен в оборот термин «юридическая историография» [6]. Л. А. Маркова определяет «различные формы историко-научных реконструкций, которые изображают реальный исторический процесс развития науки на базе соответствующих месту и времени методов исследования, способов отбора, описания и интерпретации научных текстов, открытий, научных теорий» [11, с. 333–334]. С. В. Лонская делает вывод, что предметное пространство юридической историографии ориентируется на изучение процессов познания государственно-правовых явлений и институтов через труды отдельных ученых-юристов [8]. Таким образом, проанализировав позиции отдельных ученых, можно сделать вывод, что под историографией следует понимать тип знаний, который дает теоретические и методологические основы работы в историографических пространствах науки.

При этом С. В. Кодан отмечает, что «предмет историографии юридической науки находится в плоскости осмысления развития юриспруденции в категориях ее прошлого, настоящего и направлений будущих исследовательских перспектив через призму изучения

накопленного интеллектуального наследия в сфере изучения государственно-правовой жизнедеятельности общества, биографий ведущих ученых-юристов и их научной деятельности... Историография юридической науки представляет направление в изучении юриспруденции, которое ориентируется на изучение процессов познания государственно-правовых явлений и институтов через научные труды ученых-юристов, исследование их научной биографии и творческого процесса создания произведений, а также механизмов накопления, сохранения и передачи историографической информации» [5, с. 13].

Современное состояние историографии политических и правовых учений. На сегодняшний день изучение историографии позволяет определять перспективы дальнейшего исследования ее теоретических и методологических основ. Обращаясь к отдельной проблематике историографии в истории политической и правовой мысли, следует обратить внимание на создание модели описания истории философии права и отдельных философских, экономических и политических учений о праве и государстве. Л. С. Мамут справедливо отмечает отсутствие единства в принципах построения и освещения истории политических и правовых идей как теоретических знаний [9]. В этой связи отдельное внимание заслуживает марксистское направление в русской историографии. Как отмечает А. И. Клименко, марксизм как философское и политическое учение рассматривается как динамично развивающаяся система знаний в юридической науке, таким образом, при ее изучении используется социологический подход к праву, который дает возможность развитию марксистской философии права, следовательно, марксизм социализирует правовую аксиологию, которая формирует основу новой философско-правовой концепции, позволяющей осмыслить современные правовые проблемы [4, с. 64].

Историография марксизма. В юридической науке сформировались правовые концепции марксизма, включая идеи о природе государства, праве, правах человека и революции. Данные концепции основаны на теории исторического материализма, которая стала основой политико-правовых учений К. Маркса и Ф. Энгельса. Особое внимание стоит уделить

работам Е. Б. Пашуканиса, в которых отстаивалась мысль о том, что с учетом формационного представления об истории меняется не только содержание права, т. е. материя конкретного правового регулирования, но также и само право, т. е. правовая форма. «Итак, на известной ступени развития отношения людей в процессе производства получают вдвойне загадочную форму. Они, с одной стороны, выступают как отношения вещей-товаров, а с другой стороны – как волевые отношения независимых и равных друг другу единиц – юридических субъектов. Наряду с мистическим свойством стоимости появляется не менее загадочная вещь – право. Вместе с тем единое целостное отношение приобретают два основных абстрактных аспекта – экономический и юридический», – указывает Е. Б. Пашуканис [13, с. 69]. Основанием права Е. Б. Пашуканис считает правоотношения: «если известные отношения действительно сложились, значит, создано соответствующее право, если же был только издан закон... но отношений... не возникло, значит была попытка создать право, но эта попытка не удалась...» [12, с. 80]. Таким образом, в работах ученого при анализе марксистской теории выдвинут социологический подход к праву, в центре которого – правоотношения между субъектами, вместе с тем в современных исследованиях марксистская теория рассматривается через социоаксиологический подход. Так, В. П. Малахов указывает, что право без правосознания является силовым регулятором [10, с. 20]. Следовательно, социоаксиологический подход к праву формирует понимание марксизма как системы ценностей (правовых ценностей, обладающих определенной спецификой).

В иностранной доктрине также обращаются к теме марксистской историографии. Так, Никос Пуланзас в своей работе «Государство, власть, социализм» указывает, что марксизм связан с определенной политической традицией, государство приходит к политическому доминированию, в том смысле что каждый правящий класс составляет свое собственное государство по своим меркам, а затем манипулирует им в своих интересах и по своему разумению. Данная модель – исключительно инструментальная концепция государства, которая сокращает, если использовать терминологию, го-

сударственный аппарат до власти государства. Н. Боббио в своих статьях акцентировал внимание на том факте, что марксизм не располагает общей теорией государства, на что большее количество сторонников марксизма сочли себя обязанными заявить, что схожая теория существует «в зародыше» у классиков марксизма и что ее остается лишь развить, следовательно, она легитимна [15].

Основные положения историографии марксизма. Марксистская историография подразумевает под собой отдельный подход к изучению истории, где заложен процесс классовой борьбы, определяемой материальными условиями производства и экономическими отношениями.

Проанализировав основные положения марксизма, следует выделить основные его принципы:

- классовая власть является фундаментальным основанием власти в социальной формации, разделенной на классы, движущей силой которой является классовая борьба;
- политическая власть, будучи основанной на экономической власти и отношениях эксплуатации, является первостепенной в том смысле, что ее трансформация обуславливает любое значимое изменение других полей власти, принимая во внимание, что одной ее недостаточно;
- политическая власть в капиталистическом способе производства занимает особое место по отношению к другим полям власти невзирая на их пересечения;
- эта власть концентрируется и материализуется в государстве, центральном месте осуществления политической власти.

Основные выводы и предложения. Таким образом, современная марксистская историография сохраняет базовые принципы диалектики, экономической детерминированности и классового анализа, при этом марксистская историография стала более явной в правовой аргументации, исследуя вопросы происхождения государства, его сущности и функций, а также перспективы развития государства, которые в дальнейшем способствуют исследованию отдельных положений о государстве и праве, тем самым формируются основные выводы по развитию отдельных положений институтов государства и общества в целом.

Список использованных источников

1. Горбань В. С. Историографические модели реконструкции политических и правовых учений // Государство и право. 2024. № 11. С. 7–22.
2. Горбань В. С. Формирование современной историографической модели политико-правовых знаний // Государство и право. 2024. № 7. С. 64–78.
3. История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1985. 340 с.
4. Клименко А. И. Марксистские основания современной философии права // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2020. Т. 15. № 6. С. 58–76.
5. Кодан С. В. Историография юридической науки в современных образовательных и исследовательских практиках // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3. С. 12–18.
6. Кожевина М. А. Юридическая историография в системе познавательных средств отечественной юридической науки // Правоприменение в публичном и частном праве: материалы Междунар. науч. конф., Омск, 24 марта 2023 г. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2023. С. 32–36.
7. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / под ред. Т. Я. Хабриевой. М.: Инфра-М, 2021. 368 с.
8. Лонская С. В. Цифровая история права: начала методологии // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 1. С. 14–33.
9. Мамут Л. С. Становление историографии политико-правовых идей // Из истории развития политико-правовых идей. М., 1984. С. 22–33.
10. Малахов В. П. Теория правосознания. Опыт формирования: монография. М., 2020. 335 с.
11. Маркова Л. А. Историография науки // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И. Т. Касавина. М.: Канон+, Реабилитация, 2009. 1247 с.
12. Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм // Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М.: Наука, 1980. 271 с.
13. Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм: (Опыт критики основных юридических понятий) / Социалист. акад. Секция права и государства. М., 1924. 160 с.
14. Савенков А. Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации: монография. М.: Наука, 2024. 739 с.
15. Bobbio N. Il Marxismo e lo Stato: il dibattito aperto nella sinistra italiana sulle tesi di Norberto Bobbio. Grafica editrice romana, 1976. 215 p.

References

1. Gorban V. S. Historiographical models of reconstruction of political and legal doctrines. *State and law*. 2024. No. 11. P. 7–22 [in Russ.].
2. Gorban V. S. Formation of a modern historiographical model of political and legal knowledge. *State and Law*. 2024. No. 7. P. 64–78 [in Russ.].
3. History of political and legal doctrines. The Ancient World. Ed. by V. S. Nersesyants. Moscow, 1985. 340 p. [in Russ.].
4. Klimenko A. I. Marxist foundations of modern philosophy of law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2020. Vol. 15. No. 6. P. 58–76 [in Russ.].
5. Kodan S. V. Historiography of legal science in modern educational and research practices. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. No. 3. P. 12–18 [in Russ.].
6. Kozhevina M. A. Legal historiography in the system of cognitive means of domestic legal science. *Law enforcement in public and private law: proceedings of the International Scientific Conference, Omsk, March 24, 2023*. Omsk: Publishing House of Omsk State University, 2023. P. 32–36 [in Russ.].
7. Commentary to the Constitution of the Russian Federation (article-by-article): taking into account the amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020. Edited by T. Ya. Khabrieva. Moscow: Infra-M, 2021. 368 p. [in Russ.].
8. Lonskaya S. V. Digital history of law: the beginnings of methodology. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024. Vol. 2. No. 1. P. 14–33 [in Russ.].
9. Mamut L. S. The formation of historiography of political and legal ideas. *From the history of the development of political and legal ideas*. Moscow, 1984. P. 22–33 [in Russ.].
10. Malakhov V. P. Theory of legal consciousness. The experience of formation: monograph. Moscow, 2020. 335 p. [in Russ.].
11. Markova L. A. Historiography of science. *Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science*. Edited by I. T. Kasavin. Moscow: Canon +, Rehabilitation, 2009. 1247 p. [in Russ.].
12. Pashukanis E. B. General theory of law and Marxism. *Pashukanis E. B. Selected works on the general theory of law and the state*. Moscow: Nauka, 1980. 271 p. [in Russ.].
13. Pashukanis E. B. General theory of law and Marxism: (Experience of criticism of basic legal concepts) / Socialist. akad. Section of Law and State. Moscow, 1924. 160 p. [in Russ.].
14. Savenkov A. N. Philosophy of law and the formation of the Russian state-civilization: a monograph. Moscow: Nauka, 2024. 739 p. [in Russ.].
15. Bobbio N. Il Marxismo e lo Stato: il dibattito aperto nella sinistra italiana sulle tesi di Norberto Bobbio. Grafica editrice romana, 1976. 215 p. [in Italian].

Поступила в редакцию 30.01.2026

Received January 30, 2026

Конопий Анна Сергеевна,
кандидат юридических наук,
научный сотрудник сектора
философии права, истории и теории
государства и права,
Институт государства и права РАН,
119019, г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10,
email: konopy-anna@mail.ru

Konopyi, Anna S.,
PhD in Law,
Researcher of the Department of Philosophy
of Law, History and Theory of State and Law,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
10, Znamenka Str., Moscow,
119019, Russian Federation,
email: konopy-anna@mail.ru

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ПАРАДИГМ В СОВРЕМЕННОМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

THE PHILOSOPHICAL AND LEGAL DIMENSION OF VALUE PARADIGMS IN THE MODERN CIVILIZATIONAL PROCESS

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена философско-правовому анализу ценностного контента современного цивилизационного процесса. В рамках данного исследования автором отмечается высокая степень воздействия культурно-цивилизационных факторов на формирование национальных правовых систем и их последующего развития. В статье конкретизируется необходимость сочетания междисциплинарных подходов в рамках изучения цивилизационного процесса, что позволяет преодолеть сложившуюся в настоящее время некоторую ограниченность так называемых универсалистских моделей правопонимания и одновременно с этим выявить специфику уже сформированных представлений о государственно-правовых архетипах. В работе предпринята попытка отразить влияние различных ценностных парадигм на характер государственно-правового развития в условиях современного цивилизационного процесса. Основной акцент сделан на роли правовых архетипов, религиозной и философской традиций, проявляющих своеобразие логики мышления и особенности языковой традиции при исследовании культурно-правовых феноменов. Автор аргументирует свою позицию на примере российской, европейской и восточной правовых традиций. Представленный в статье анализ позволяет прийти к выводу, что философско-правовой анализ ценностных парадигм является важным направлением научного исследования, способствующий более глубокому и корректному пониманию различных правовых традиций в условиях современного цивилизационного диалога.

ABSTRACT. The article is devoted to the philosophical and legal analysis of the value content of the modern civilizational process. Within the framework of this study, the author notes a high degree of influence of cultural and civilizational factors on the formation of national legal systems and their subsequent development. The article specifies the need for a combination of interdisciplinary approaches in the study of the civilizational process, which makes it possible to overcome the current limitations of the so-called universalist models of legal understanding and at the same time identify the specifics of already formed ideas about state-legal archetypes. The paper attempts to reflect the influence of various value paradigms on the nature of state and legal development in the context of the modern civilizational process. The main emphasis is placed on the role of legal archetypes, religious and philosophical traditions, which demonstrate the peculiar logic of thinking and the peculiarities of linguistic tradition in the study of cultural and legal phenomena. The author argues his position on the example of Russian, European and Eastern legal traditions. The analysis presented in the article allows us to conclude that the philosophical and legal analysis of value paradigms is an important area of scientific research, contributing to a deeper and more correct understanding of various legal traditions in the context of modern civilizational dialogue.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государство, государство-цивилизация, цивилизационный подход, правовые архетипы, правовая культура, правовопонимание, философия права

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Конопий, А. С. Философско-правовое измерение ценностных парадигм в современном цивилизационном процессе / А. С. Конопий. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 20–24. – DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-3

KEYWORDS: state, state-civilization, civilizational approach, legal archetypes, legal culture, legal understanding, philosophy of law

FOR CITATION:

Konopiy, A. S. (2026) The Philosophical and Legal Dimension of Value Paradigms in the Modern Civilizational Process. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 13(1): 20–24 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-3

Введение. Философско-правовой анализ ценностных парадигм занимает значимое место в осмыслении современного мира. Прежде всего, это обусловлено тем, что каждый культурно-правовой архетип формирует собственную уникальную систему культурно-цивилизационных установок, которые не только определяют национальное правосознание, но и служат опорным началом правовой культуры общества. Их изучение позволяет выявить фундаментальные основания правовой традиции конкретного общества, проследить механизмы культурной преемственности и сохранения идентичности, а также установить культурно-исторические предпосылки формирования правовых систем, что имеет важное значение для понимания глубинных оснований цивилизационного развития современности.

Вместе с тем обращение к данной проблематике продиктовано не только теоретическим интересом, но и объективной необходимостью. Как отмечается, «среди важнейших проблем философии права вновь актуализировалась проблема мирного существования народов и государств, реального уважения культур, прав человека, сохранения исторической памяти, противодействия чрезвычайным обстоятельствам и факторам, поиска решений вопросов на основе взаимного согласия и компромисса» [7, с. 39]. В этом смысле особую значимость приобретает обращение к философско-правовому анализу, позволяющему выявить особенности формирования и функционирования ценностных оснований права в различных цивилизационных пространствах. Это, в свою очередь, предполагает использование междисциплинарной методологии, позволяющей выявить специфику сформировавшихся представ-

лений о сущности государства и права, а также проследить влияние различных ценностных парадигм на характер государственно-правового развития в условиях современного цивилизационного процесса.

Более того, особую актуальность подобные исследования обретают в свете современной государственной политики, ориентированной на укрепление социокультурных основ российского общества. В частности, Указ Президента РФ от 18 июня 2024 г. № 529 закрепляет укрепление социокультурной идентичности и повышение уровня образования в качестве одного из приоритетных направлений научно-технологического развития России [8]. Следовательно, философско-правовой анализ ценностных парадигм выступает не только важным направлением научного поиска, но и значимым инструментом реализации стратегических целей развития государства.

Следует подчеркнуть, что для каждого общества характерна своя уникальная правовая традиция, формирующая самобытное национальное правосознание, которое отражает историко-культурные особенности общества и определяет ценностные ориентиры его народа. Для юридической науки совершенно очевидно, что любая правовая традиция формируется в ходе длительного развития и в зависимости от исторического контекста может обретать новые смыслы и новый вектор. Так, например, это особенно заметно в условиях нового технологического уклада. Однако, несмотря на происходящие трансформации, неизменным остается заложенный веками культурный код, который, сохраняясь в коллективной памяти и передаваясь из поколения в поколение, продолжает играть значимую роль и в современном

обществе. Именно это обеспечивает устойчивость и непрерывность правовой традиции, а также способствует укреплению национальной идентичности общества.

Методологический инструментарий. Несмотря на интеграцию современных правовых культур в глобальный цивилизационный процесс, сопровождающийся обменом и заимствованиями, каждая традиция сохраняет имманентно присущие ей самобытные характеристики и культурно-историческую специфику. В этой связи попытка интерпретации правовой системы одних народов сквозь призму мировоззренческой парадигмы, сформированной в рамках иной культурно-цивилизационной установки, может привести к искажениям, неточностям и, как следствие, формированию ошибочных представлений о соответствующей правовой традиции.

В стремлении найти компромисс между государствами следует обратить внимание на необходимость выработки таких подходов к межкультурному взаимодействию, которые основывались бы не на унификации, а на признании многообразия цивилизаций и специфики сформировавшихся представлений о сущности государства и права. Именно осознание того, что представления, сформированные в рамках одной культурно-цивилизационной традиции, не могут претендовать на универсальную применимость ко всем цивилизациям, выявляет ограниченность подхода, стремящегося посредством «универсальных» моделей нивелировать феномен культурно-правового многообразия. Тем самым актуализируется проблема поиска адекватных исследовательских подходов, способных обеспечить более глубокое и правильное понимание различных правовых традиций в целях выстраивания эффективного диалога цивилизаций.

В этой связи перед юридической наукой возникает вполне очевидный вопрос о необходимости привлечения методологического инструментария, ориентированного на преодоление ограниченности сложившихся подходов, что обеспечило бы качественное изменение уровня правовых исследований. Речь идет о формировании таких методологических подходов, которые позволяли бы осмыслять уникальные особенности права в контексте той культурно-цивилизационной среды, в рамках

которой они сформировались и функционируют, с учетом их ценностных, исторических и социокультурных оснований.

В частности, для анализа глубинных механизмов формирования культурных кодов предлагается изучать сформированные в лоне определенной культуры «установки правового сознания, фиксирующие и отражающие глубинные культурно-исторические предпосылки общественной среды», иначе говоря, речь идет о правовых архетипах, которые играют немалую роль в становлении национальной правовой системы [3, с. 33].

Так, исследование архетипических оснований российского права свидетельствует о значительном влиянии православной традиции на формирование ключевых архетипов русского национального правосознания, к числу которых относят архетип симфонии властей, правды, закона и примирения. Примечательно, что, возникнув еще в древнерусской литературе, данные первообразы правосознания не утратили своей актуальности и в современный период, продолжая определять ценностные ориентиры отечественной правовой традиции. Игнорирование указанных архетипических оснований неизбежно ведет к упрощенному восприятию правовой реальности и нивелированию многообразия правовых явлений, обусловленных культурно-цивилизационной спецификой их формирования.

Тем не менее воздействие религиозной традиции не ограничивается рамками отечественной правовой системы, выступая одним из значимых факторов становления европейского права. Несмотря на стремление римского права еще республиканского и имперского периодов к институциональному обособлению от религии, оно не утратило связи с религиозным символизмом, из которого во многом черпало основания собственной легитимности; религиозные представления предстают не историческим пережитком, а получают дальнейшее развитие в европейской правовой традиции, где право сохраняет связь с символическими формами выражения коллективных представлений о справедливости и должном [6, с. 35–37]. Вместе с тем осмысление как религиозных, так и правовых символов, тесно взаимосвязанных между собой, невозможно вне традиции их интерпретации: смысл символа существует

внутри человеческого общения и раскрывается лишь в ситуации диалога с тем, кто его создал, тогда как вне этого контекста он утрачивает содержательное наполнение, представляя собой «только пустую форму» [6, с. 37].

В этой связи представляется, что обращение к символическим формам права приобретает значение важного и самостоятельного методологического инструмента, позволяющего выявлять ценностные основания права и реконструировать его культурно-обусловленные смыслы. Рассмотрение права через подобную призму обеспечивает более глубокое понимание его природы в контексте историко-культурной и цивилизационной обусловленности. Однако сложность подобного подхода заключается в необходимости методологического погружения в ту культурную среду, в рамках которой соответствующий символ возник и обрел свое смысловое содержание.

Более того, существенное влияние на формирование правосознания и правовую культуру оказывает философская традиция, задающая фундаментальные основания национальных правовых систем. Показательным в данном отношении является европейский опыт, в рамках которого развитие современного права оказалось органически связано с традицией немецкой классической философии. Так, современный европейский цивилизационный вектор в значительной степени развивался и формировался под воздействием постулатов немецкой классической философии права, заложившей основы философско-правовой мысли. В этом смысле особое значение имеют идеи И. Канта [5] и Г. В. Ф. Гегеля [1], сформировавшие новые и оригинальные подходы к осмыслению права и во многом определившие становление философии права как самостоятельного направления мысли. И в качестве закономерного результата этого процесса право в европейской континентальной традиции стало восприниматься не только как совокупность нормативных установлений, но и как философски осмысленный способ упорядочения социальной реальности.

В то же самое время следует отметить важную особенность, которую необходимо учитывать при изучении правовых традиции, которая заключается в том, что система понятий и категорий, а также инструментари, сформированные в рамках европейской философии

права, оказываются не достаточными для анализа восточного культурно-правового архетипа. Это обусловлено тем, что право Востока формировалось в рамках иной философской традиции, в которой, как, например, в Китае, в качестве определяющих оснований правового мировоззрения выступают морально-этические представления, ритуалы и идея гармонии, восходящие к древности и сохраняющие свое значение и свой основной смысловой образ в современном китайском обществе.

Как отмечается, несмотря на наличие в некоторых китайских философских текстах элементов систематического рассуждения и аргументации, китайская философская традиция в целом отличается от западной преобладанием афористической, иносказательной формы изложения, что наглядно проявляется в афористичности «Дао-дэ цзин» и метафоричности многих глав «Чжуан-цзы» [9, с. 32]. Наряду с этим, необходимость применения особого методологического подхода, выходящего за рамки европейского сознания, обусловлена спецификой логики мышления и особенностями китайской языковой традиции [2]. Лишь при таком подходе становится возможным адекватное понимание специфики восточного правосознания и особенностей концептуального осмысления государства и права в неклассических для европейской традиции категориях.

Более того, анализ иных правовых традиций также показывает, что далеко не все достижения европейской философии права обладают универсальной применимостью. Как отмечается, для англо-саксонской и арабо-мусульманской традиции, где право мыслится «как регулярность и утвержденность социальных практик», различие права и закона, являющееся продуктом европейской логики смыслополагания, не выступает значимой теоретической проблемой [4, с. 26].

Заключение. Признавая, что каждая цивилизация обладает уникальными особенностями, обусловленными ее культурно-исторической спецификой, следует отметить, что современный цивилизационный процесс характеризуется усилением межкультурного взаимодействия и взаимовлияния правовых и ценностных систем. Данные тенденции обуславливают необходимость более глубокого философско-правового осмысления основа-

ний взаимодействия различных обществ, поскольку эффективный диалог цивилизаций невозможен без учета специфики сформировавшихся представлений о сущности государства и права, отражающих присущие им ценностные парадигмы.

Таким образом, философско-правовые исследования приобретают не только теоретическое, но и практическое значение, способствуя выработке подходов к мирному существованию государств и уважению их устоя и привычного им уклада. Осмысление ценностных парадигм, формирующихся в рамках различных правовых традиций, позволяет абстрагироваться от универсалистской интерпретации права и создавать оригинальную методологическую основу для конструктивного межкультурного взаимодействия и устойчивого развития современного мирового пространства. В этой связи особое внимание целесообразно уделять роли правовых архетипов, религиозной и философской традиций, специфике логики мышления и особенностям языковой традиции при исследовании сущности права.

Список использованных источников

1. Гегель Г. В. Ф. *Философия права* / пер. с нем.: ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.
2. Горбань В. С., Конопий А. С. *Смыслополагание в китайской политико-правовой традиции* // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 147–156.
3. Горбань В. С., Овчинников А. И., Конопий А. С. *Правовые архетипы в русской культуре и их зарождение в православных произведениях древнерусской литературы* // Государство и право. 2025. № 11. С. 31–43.
4. Горбань В. С., Савенков А. А. *За пределами права и закона: о разнообразии критериев правопонимания в истории немецкой юридической мысли* // Право и политика. 2025. № 11. С. 14–27. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.11.76895. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.ptp?id=76895 (дата обращения: 21.01.2025).
5. Кант И. *Сочинения в шести томах*. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799 с.
6. Овчинников А. И. *Церковная символика и правовые символы: единство, различие, взаимодействие* // Юридическая техника. 2026. № 20: материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в

праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 33–37.

7. Савенков А. Н. *Философия права и становление российского государства-цивилизации: монография*. М.: Наука, 2024. 739 с.

8. Указ Президента РФ от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 26. Ст. 3640.

9. Фэн Ю-лань. *Краткая история китайской философии* / пер. Р. В. Котенко; науч. ред. д. философ. н., проф. Е. А. Торчинов. СПб.: Евразия, 1998. 376 с.

References

1. Hegel G. W. F. *Philosophy of Right*. Transl. from German; ed. by D. A. Kerimov and V. S. Nersesyants; introd. and notes by V. S. Nersesyants. Moscow: Mysl, 1990. 524 p. [in Russ.].
2. Gorban V. S., Konopii A. S. *Meaning-making in the Chinese political and legal tradition*. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*. 2025. No. 4 (63). P. 147–156 [in Russ.].
3. Gorban V. S., Ovchinnikov A. I., Konopii A. S. *Legal archetypes in Russian culture and their origin in Orthodox works of Old Russian literature*. *State and law*. 2025. No. 11. P. 31–43 [in Russ.].
4. Gorban V. S., Savenkov A. A. *Beyond law and statute: diversity of criteria of legal understanding in the history of German legal thought*. *Law and politics*. 2025. No. 11. P. 14–27. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.11.76895. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.ptp?id=76895 (date of access: 21.01.2025) [in Russ.].
5. Kant I. *Works in six volumes*. Vol. 3. Moscow: Mysl, 1964. 799 p. [in Russ.].
6. Ovchinnikov A. I. *Church symbolism and legal symbols: unity, difference, interaction*. *Yuridicheskaya tekhnika*. 2026. No. 20. *Proceedings of the XXVII International interdisciplinary scientific and practical forum “Yurtekhnikha” “Symbols in Law (doctrine, practice, technique)” (Nizhny Novgorod, September 24–27, 2025)*. Ed. by V. M. Baranov. Nizhny Novgorod: UNIKOPI, 2026. P. 33–37 [in Russ.].
7. Savenkov A. N. *Philosophy of law and the formation of the Russian state-civilization: monograph*. Moscow: Nauka, 2024. 739 p. [in Russ.].
8. Decree of the President of the Russian Federation dated June 18, 2024 No. 529 “On approval of priority directions of scientific and technological development and the list of critical high technologies”. *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2024. No. 26. Art. 3640 [in Russ.].
9. Feng Youlan. *A short history of Chinese philosophy*. Transl. by R. V. Kotenko; sci. ed. E. A. Torchinov. Saint Petersburg: Eurasia, 1998. 376 p. [in Russ.].

Малина Максим Александрович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного
процесса и криминалистики,
юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88,
email: bestar@yandex.ru

Malina, Maxim A.,
PhD in Law, Associate Professor
at the Department of Criminal Procedure
and Criminalistics, Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: bestar@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС: ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

SOCIALLY ORIENTED LAW ENFORCEMENT PROCESS: CONCEPT, MEANING, PROSPECTS

АННОТАЦИЯ. В статье обосновывается вывод, согласно которому человек, общество ждут от правоприменительного процесса, в первую очередь, справедливости. Исходя из этого анализируются подходы к ее пониманию и выстраивается вектор их сближения, объединения в рамках идеи о необходимости усиления социальной ориентированности правосудия. Вводятся понятия правосознания социальной направленности и социально ориентированного правоприменительного процесса, выделяются и исследуются их существенные характеристики, нравственные основы. В результате формируется ряд предложений по повышению гарантий справедливости, социальной ориентированности правоприменения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право, государство, правоприменение, нравственность, справедливость, общество, личность, правосознание социальной направленности, социально ориентированный правоприменительный процесс

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Малина, М. А. Социально ориентированный правоприменительный процесс: понятие, значение, перспективы / М. А. Малина. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 25–33. – DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-4

ABSTRACT. The article substantiates the conclusion that both society and the individual expect justice from the law enforcement process. Based on this, approaches to its understanding are analyzed and the vector of their rapprochement, unification within the framework of the idea of the need to strengthen the social orientation of justice is built. Categories of legal awareness of a social orientation and a socially oriented law enforcement process are introduced, their moral basis and essential characteristics are distinguished and studied. On this basis, a number of proposals are being formed to increase guarantees of fairness and social orientation of the law enforcement process.

KEYWORDS: law, state, law enforcement, morality, justice, society, personality, social awareness, socially oriented law enforcement process

FOR CITATION:

Malina, M. A. (2026) Socially Oriented Law Enforcement Process: Concept, Meaning, Prospects. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 13(1): 25–33 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-4

Введение. Единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, это носитель суверенитета страны. Именно такой подход к пониманию миссии наших граждан, к определению сущности российской правовой государственности закреплен в Конституции РФ (ст. 3). Этот императив означает, что в реализации своего властного потенциала человек должен добиваться блага не только для себя, но и для всего общества, стремиться к достижению социально полезных результатов своей деятельности. Ведь, при сугубо эгоистических мотивах поступков, определение его в качестве источника власти очевидно приведет к краху. В обществе, где каждый ищет выгоду исключительно и только для себя, нет места милости, сочувствию, эмпатии, справедливости – нет места нравственным началам. По большому счету можно говорить и о забвении идеи государства и права в целом: право и нравственность безусловно имеют крепкую телеологическую, ценностную связь, о чем очень точно выразилась Е. А. Лукашева, указав: «Вся сфера действия права должна быть “пространством моральности”» [13, с. 4]. Уместно вспомнить и слова Г. Гегеля о том, что государство представляет собой действительность нравственной идеи [3, с. 385].

Поэтому в Конституции РФ, при определении источника власти и путей ее осуществления, речь идет о народе в целом. Это формирует социально ориентированный вектор взаимодействия государства, общества и человека. Одним из ключевых «проводников» народного волеизъявления здесь является власть судебная, недаром наш Президент В. В. Путин указал на «...необходимость обеспечения социальной направленности российского правосудия» [2].

Выполняя миссию по справедливому разрешению правовых споров, судебная власть стоит на защите права – главной ценности и системообразующего начала правового государства. Применяя закон, воплощая в жизнь его аксиологический, социальный посыл, суд обеспечивает интерес общества в установлении законности и правопорядка, и вместе с тем он выступает гарантом охраны прав конкретной личности, вовлеченной в судопроизводство (истец, ответчик, свидетель, обвиняе-

мый, потерпевший и др.). На конституционном уровне права и свободы человека провозглашены высшей ценностью, они защищаются государством, обеспечиваются правосудием (ст. 2 и ст. 18 Конституции РФ). Поэтому совершенно справедливо Председатель Верховного Суда РФ И. В. Краснов в качестве стратегического направления развития правосудия определил его «человекоцентричность, служение обществу» [5].

Правоприменительный процесс и справедливость. Таким образом можно выделить двуединое начало судебного правоприменения: (1) защита интересов общества путем обеспечения законности и укрепления правопорядка и (2) защита прав и свобод человека – интересов личности. В итоге мы имеем дело с дихотомией «общество-личность», которая в преломлении к правоприменительному процессу требует более подробного рассмотрения.

В свое время Н. М. Коркунов отмечал: «Все разнообразные интересы человеческой жизни тяготеют к двум главным центрам: один из этих центров – личность человека, другой – общество» [12, с. 82]. Как личность, так и общество ждут от государства адекватной реакции на предоставленную ему власть. Они рассчитывают на создание благоприятных условий для развития своего творческого потенциала, для обретения разнообразных жизненных благ и благополучия в целом. То есть, делегируя государственным институтам свою власть, народ ждет от них честного и разумного использования этого «ресурса», справедливого распределения результатов его реализации. Поэтому одно из первостепенных мест в этой системе «обратной связи» от государства занимает справедливость, особенно в разрешении правовых споров и конфликтов – в правоприменении. Но как же ее достичь?

Подход первый. Поиск ответа на этот вопрос следует начать с исследования позиции И. А. Ильина, который главным препятствием здесь считал «предрассудок естественного равенства», предполагающий, что со всеми людьми надо обходиться «одинаково» [7, с. 8]. Сущность же справедливости великий философ-правовед видел как раз в неодинаковом обхождении с неодинаковыми людьми. Их нужно воспринимать и оценивать согласно индивидуальным особенностям, исключая урав-

нивание неравных, не предоставляя человеку необоснованных преимуществ. Люди неравны и неодинаковы, поэтому справедливость нельзя найти арифметически и осуществлять механически: по формуле «всем всего поровну». Справедливость отнюдь не предполагает равенства, она требует «предметно-обоснованного неравенства». Таким образом И. А. Ильин заключает, что справедливость есть «искусство неравенства», в ее основе лежит «...внимание к человеческой индивидуальности и к жизненным различиям» [7, с. 10]. В целом следует заключить, что рассуждения И. А. Ильина берут начало от идеи естественного, природного неравенства людей. И здесь логика безупречна.

Подход второй. Вместе с тем не лишним представляется посмотреть на проблему справедливости и под другим углом. Очень важной видится здесь точка зрения В. С. Нерсесянца – автора либертарно-юридической концепции правопонимания. В ее основу положен принцип формального равенства. Эта концепция посвящена праву и государству, однако считаем возможным и нужным использовать ее положения применительно к феномену справедливости. Ведь понимание права как равенства, как общего масштаба и меры свободы людей не может не включать идею справедливости. В. С. Нерсесянец как раз и утверждал, что «справедливость входит в понятие права, что право по определению справедливо, а справедливость – внутреннее свойство и качество права» [17, с. 28].

В целом речь идет о принципе равенства независимых субъектов права, при котором основанием и критерием их уравнивания выступает свобода лиц в общественных отношениях. В. С. Нерсесянец определял равенство как своего рода абстракцию, которая рождается в результате осознанного, мыслительного отвлечения от определенного рода различий и уникальных индивидуальных характеристик. Это похоже на построение математических моделей. В общественной сфере следует говорить о правовом равенстве, которое «абстрагировано ... от фактических различий и потому с необходимостью и по определению носит формальный характер» [18, с. 27]. То есть речь идет о признании равной правоспособности разных субъектов правоотношений, одинаковой возможности приобрести те или иные правомочия и блага. Но это отнюдь не означает равен-

ства уже приобретенных прав. В. С. Нерсесянец отмечает: «При формальном равенстве и равной правоспособности различных людей их реально приобретенные права и юридические обязанности (в силу различий между самими людьми, их реальными возможностями, условиями и обстоятельствами их жизни и т. д.) будут неравными» [16, с. 56].

Как видим, представленные подходы к пониманию справедливости отнюдь не противоречат друг другу. Их отличие вытекает из разнонаправленности исследовательского фокуса: справедливость рассматривается в разных плоскостях – как бы в субъективном и объективном ключе. В первом подходе акцент сделан на самом индивидууме и его уникальных чертах, второй построен на унифицирующих началах, его масштаб охватывает общественное устройство и регулирование. Поэтому предлагаем объединить эти два подхода, так как, по нашему мнению, они представляют собой две стороны одной медали.

Чтобы наглядно это проиллюстрировать, отметим, что концептуальное соотношение представленных подходов (так сказать, в их единстве и противоположности), по нашему мнению, сродни хрестоматийному делению права на объективное и субъективное. Понимание права, как формального равенства свободных и независимых людей позволяет посмотреть на регулирование общественных отношений без привязки к индивидуальным особенностям их субъектов, то есть вне их желаний и усмотрений. Именно эта абстрагированность от субъективных начал и позволяет создать внешне объективированную систему установлений (норма, закон – право в объективном смысле). В этих рамках создаются равные для всех возможности по реализации своего творческого потенциала. При этом норма права не зависит от воли, желания отдельного индивидуума, он не может ею распорядиться по своему усмотрению.

Право в субъективном смысле представляет собой управомоченность лиц вести себя (в пределах правил, установленных объективным правом) в соответствии со своими желаниями, обусловленными их волей и сознанием. Очевидно, что здесь на первый план выходят индивидуальные начала, то есть принципиально изменяется масштаб правопонимания – от аб-

стракции к конкретизации, от справедливости как формального равенства (второй подход) к справедливости как искусству неравенства (первый подход).

Представленное сопоставление двуединого характера справедливости с делением права на объективное и субъективное необходимо для выявления сущности правоприменительного процесса, так как именно в нем правовая проблема справедливости стоит особенно остро. В правоприменении объединяются объективное и субъективное право – абстрактная норма получает свое преломление к конкретному случаю, наполняется его индивидуальным содержанием. Соответственно необходима и конвергенция выделенных нами аспектов справедливости, подходов к ее пониманию. Раскроем эту мысль подробнее.

На самом общем уровне можно заключить, что в правоприменительном процессе происходит применение нормы права к конкретным жизненным обстоятельствам. Опираясь на выявленную выше связь права в объективном смысле с идеей формального равенства субъектов, можно сделать вывод: толкование подлежащей применению нормы должно быть направлено на выявление заложенной в нее законодателем «формулы» справедливости в интерпретации второго подхода к ее пониманию.

Но что такое конкретная жизненная ситуация, жизненный случай, к которому применяется норма? Ясно, что речь здесь идет о первом этапе правоприменительного процесса – об установлении фактической картины произошедшего. Это основа правоприменения. Установленная здесь при помощи доказывания фактическая сторона дела должна получить юридическую оценку – квалификацию. И далее, двигаясь от диспозиции к санкции правовой нормы, правоприменитель принимает решение. Главным условием полноценного процессуального познания произошедшего события выступает выявление, раскрытие не только внешних, отраженных в реальности его признаков, но и исследование всех антропологических его характеристик. В социальный контекст фактической картины дела, в ее «центр» помещен человек и истинного правоприменения не достигнуть без понимания его индивидуальности. Опираясь на выявленную выше связь субъективного права с понима-

нием справедливости, как искусства неравенства (первый подход), можно сделать вывод: постижение особенностей личности человека, вовлеченного в орбиту правоприменительного процесса, должно осуществляться путем тщательного исследования его устремлений, желаний, волеизъявлений, то есть с учетом положений субъективного права.

Таким образом в правоприменительном процессе, в движении от общего к частному, от абстрактного к конкретному, как бы сливаются объективное и субъективное право и соответственно объединяются оба аспекта справедливости (первый и второй подходы к ее пониманию). Она обретает здесь свою полноту. Именно этого общество и личность ждут от законодателя и правоприменителя, они ждут справедливого, социально ориентированного правоприменительного процесса. Но что это за феномен и что является движущей силой, гарантией такого объединения?

Социально ориентированный правоприменительный процесс: сущностные характеристики. Чтобы достичь в конкретном деле справедливости, в основе действий правоприменителя должно лежать пристальное внимание к человеческой индивидуальности, к жизненным, фактическим различиям людей. Как отмечал И. А. Ильин, это предполагает «живую наблюдательность», «обостренную чуткость к человеческому своеобразию», «способность вчувствоваться в других» и постичь «скрытую глубину души» личности [7, с. 10]. Справедливость «есть начало художественное: она созерцает жизнь сердцем, улавливает своеобразие человека, старается оценить его верно и обойтись с ним предметно» [7, с. 10].

Полагаем, что для выполнения этих условий, для воплощения этих очевидно нравственных начал необходимо правосознание особого рода: правоприменитель должен распознать и понять объективированный нравственный посыл законодателя и соединить его с собственной нравственной оценкой выявленных характеристик конкретного случая. Отметим, что под нравственностью мы подразумеваем систему объективированных социальных норм, содержащих критерии оценки поведения людей с точки зрения добра и зла, милости и жестокости, чести и бесчестности и т. д. С нравственностью неразрывно связана категория

нравственного сознания. Это феномен субъективной природы, он включает воззрения конкретного индивидуума, его убеждения и впечатления о справедливом и несправедливом, о правде и неправде и др. Полагаем, что нравственность должна находить и находит свое отражение в праве, насыщая его своей аксиологической энергией, значит и нравственное сознание, ввиду своей «генетической» связи с нравственностью, должно занять свое место в правовой сфере. И место это, по нашему мнению – правосознание правоприменителя.

Таким образом можно заключить, что право и правосознание в правоприменительном процессе должны иметь общее нравственное основание, своего рода нравственные «каналы связи». Последние представляют собой пути взаимопередачи между ними психологического, духовного, морального импульса. Это позволит правоприменителю правильно расставить акценты в соотношении общественных и частных начал в правоприменительном процессе, в их гармонизации. Еще И. Кант писал: «Человек ответственен за человечество в своем лице» [8, с. 448]. Представляется, что выявленная нравственная взаимосвязь права и правосознания послужит осуществлению этой идеи, формированию социальной ориентированности установок личности в правосознании правоприменителя. В итоге мы получаем такую категорию, которую можно определить как правосознание социальной направленности.

Единая нравственная основа права и правосознания социальной направленности позволит объединить правотворчество и правоприменение – связать их общей духовно-нравственной идеей о справедливости. В более конкретной плоскости это видится нам следующим образом. Правосознание социальной направленности через нравственные «каналы» взаимодействия с правом получает его нравственный посыл, так сказать, внешнего свойства – направленный на абстрактного человека. Духовно-нравственная составляющая правосознания, формирующая его социальную направленность, позволит правоприменителю «расшифровать», интерпретировать это «послание» по отношению к конкретному индивиду, прочувствовав, поняв все нюансы и особенности его личности.

Представляется, что это позволит воплотить в жизнь сформулированный в свое время А. Ф. Кони императив: чувство истинной справедливости заключается в умении «поставить себя на место другого и понять его чувства в том или другом положении», в душе судьи должно, «...как живое напоминание о связи со всем окружающим миром, звучать – это тоже ты – ты в падении, ты в несчастии, ты в невежестве, нищете и заблуждении, ты в руках страсти» [20, с. 43]. Правоприменитель должен «...без фарисейской гордыни представить себя в положении судимого человека и сказать себе: “Это тоже ты!”» [11, с. 35]. В этом А. Ф. Кони видел нравственный долг судьи.

В развитие этого подхода важно обратить внимание на очень интересную точку зрения А. И. Овчинникова, согласно которой «понимание правовых норм определяется глубиной личных переживаний, возникающих в каждой конкретной ситуации правоприменения, и имеет творческий характер», следовательно, заслушивая стороны, судья должен «переносить себя на место участников процесса в ходе понимания их позиции» [19, с. 12].

Полагаем, что такого рода эмпатия, берущая начало и укореняющаяся в нравственной основе дела, способна выступить искомой движущей силой, гарантией объединения обеих аспектов справедливости. Правоприменитель словно погружается в тот социальный контекст, в ту ситуацию, в которой оказались, например, обвиняемый и потерпевший. Осуществляется оценка ситуации с точки зрения формального, объективного аспекта справедливости и на этой основе он может вчувствоваться, понять личностные характеристики, особенности, мотивы каждого из них (субъективный аспект справедливости). Это в свою очередь служит гармонизации интересов общества и личности в конкретном деле. Здесь ведущую роль играет правосознание социальной направленности, которое при этом обретает путь и формы для своего развития. В свое время И. А. Ильин одну из ключевых «аксиом правосознания» определил, как «закон духовного достоинства»: он требует от человека, чтобы тот на деле убедился в «...своей способности к восприятию и осуществлению объективной, высшей ценности» [6, с. 149]. Если в результате правоприменения достигается справедливость во всей ее полноте, справедливость,

которую ждут от него общество и личность, то можно смело говорить о восприятии и осуществлении правоприменителем высшей ценности. Это и есть социально ориентированный правоприменительный процесс.

Подводя промежуточный итог, приведем пример наиболее яркого проявления такой гносеологической эмпатии. Обратимся к суду с участием присяжных заседателей. Здесь дихотомия «общество» – «личность» раскрывается в очень интересном ключе, так как представители общественного интереса встречаются с подсудимым напрямую, как говорится, глаза в глаза. Это позволяет присяжному поставить себя на место обвиняемого, оценить мотивы его действий, прочувствовать все аспекты произошедшего.

Такое свойство не раз становилась предметом рассмотрения исследователей этого института. Например, К. Миттермайер отмечал, что присяжные «ставят себя в положение обвиняемого и взвешивают обстоятельства, по которым он действовал...» [14, с. 514]. Л. М. Карнозова указывала на способность присяжных «понять другого человека как равного» [9, с. 260]. В итоге коллегия может прийти даже к выводу о том, что в конкретном случае обвиняемый (при полной доказанности совершения им преступления) наказанию за содеянное не подлежит. Этот феномен известен в науке как нуллификация закона (nullification of law). Например, она имела место в хрестоматийном деле Веры Засулич [10, с. 363–506], в громкой истории Веры Краскиной в 1995 году [15, с. 128–131] и др. В свое время очень точное объяснение этому свойству суда присяжных дал А. М. Бобрищев-Пушкин: с точки зрения закона человек может быть виновным, но не подлежит «согласно данным правосознания присяжных обвинению по суду, даже независимо от характера и возможных размеров ответственности» [1, с. 609]. Здесь нравственный аспект правосознания присяжного достигает своего пика и приближает его к высшему проявлению справедливости. В лице обвиняемого он защищает и себя, и общество от несправедливости, иногда возможной ввиду неспособности закона всегда ухватить, уловить все многообразие жизни.

Можно заключить, что и в целом в суде присяжных общественные и частные начала

гармонизируются в вердикте, происходит их слияние. Здесь нет абстрактного публичного интереса, есть конкретные люди – носители общественной совести. Правосознание присяжного проходит через духовно-нравственную метаморфозу, так как на основе его выводов решается судьба человека, судьба общества. Он претерпевает испытание ума и совести, испытание ответственностью. При этом его правосознание играет роль надежного проводника нравственных импульсов, преобразуется в правосознание социальной направленности. При этом председательствующий выступает гарантом справедливости обвинительного вердикта: если он с ним не согласится (ввиду оценки доказательств по своему внутреннему убеждению), то коллегия распускается и дело направляется на новое рассмотрение в ином составе (ч. 5 ст. 348 УПК РФ). Ясно, что речь идет о необходимости социальной направленности и его правосознания.

Заключение и выводы. Полагаем, что только такой правоприменительный процесс может быть действительно справедливым, в котором право и правосознание правоприменителя опираются на единое нравственное основание, связаны им, обеспечены реальной возможностью двустороннего нравственного взаимопроникновения. Это выступит важнейшей гарантией гармонизации общественного и личного интересов в деятельности правоприменителя, формирования духовно-нравственной и социальной ориентированности установок личности в его правосознании. Такой феномен мы определили, как правосознание социальной направленности. Нравственная связь права и правосознания социальной направленности позволяет сущностно взаимодействовать правосознание и правоприменение, соединить их общей духовно-нравственной идеей о правде, о справедливости.

Тогда правосознание социальной направленности, взаимодействуя с правом, «считывает» заложенный в него нравственный посыл в целом. Изначально он направлен на обеспечение прав и свобод интересов общества, равно и некоего абстрактного его члена (внешний аспект феномена справедливости, опирающийся на идею формального равенства). Далее правоприменитель, ставя себя на место конкретного участника процесса, интерпретирует эту

идею, ее смысл по отношению к его личности и учитывает здесь все ее особенности (внутренний аспект феномена справедливости, опирающийся на идею об «искусстве неравенства»). Таким образом, эта гносеологическая эмпатия выступит в качестве силы, объединяющей обе составляющие справедливости, гарантией ее полноты. В итоге в конкретном деле, с одной стороны, наиболее полно обеспечиваются интересы общества: укрепляются нормы объективного права, законность, правопорядок, и вместе с тем, с другой стороны, реально защищаются права человека – рождается социально ориентированный правоприменительный процесс.

Все его стадии должны служить воплощению в жизнь представленных сущностных характеристик. Например, в доказывании должно уделяться принципиальное внимание установлению действительной картины произошедшего во всей ее полноте. Для этого должен осуществляться очень точно сформулированный И. Я. Фойницким принцип о необходимости обеспечения «эластичности» доказательственной системы и ее возможности «обнять» все «разнообразие духовной жизни человека» [21, с. 13]. При квалификации и решении дела в правосознании правоприменителя происходит объединение идеи формального равенства и идеи «искусства неравенства» – применительно к правовой оценке установленных обстоятельств конкретного дела и определению их справедливых юридических последствий.

Без таких свойств правоприменительного процесса не будет реально обеспечена его социальная направленность, речь может идти больше о механической, технологичной природе, что вряд ли в полной мере удовлетворит интересы общества и личности.

На самом общем уровне некоторые пути развития социально ориентированного правоприменительного процесса видятся нам в следующем. Необходимо вести активную работу по расширению компетенции суда с участием присяжных заседателей, тщательно проанализировать возможности его использования для рассмотрения определенных категорий гражданских дел. В целом, для повышения гарантий гносеологической эмпатии правоприменителя чрезвычайно важным представляется расширение коллегиальных начал в процессе – как народных, так и профессиональных.

Решение задач формального, рутинного характера возможна с использованием технологий искусственного интеллекта. Его вспомогательная по отношению к правоприменителю роль позволит высвободить для последнего необходимый ресурс для тщательной работы над социальной направленностью правоприменения. В итоге представленные начала социально ориентированного процесса найдут свое отражение в правоприменительной практике, словно пропитают ее своей энергией. Далее необходимо обеспечить такой ее анализ и обобщение, который поможет законодателю закрепить эти начала в правотворческом процессе, дать им развитие. Серьезную роль здесь могут сыграть соответствующие полномочия судебной власти: реализация права законодательной инициативы, проверка конституционности нормативно-правовых актов, подлежащих применению судом в конкретном деле, и т. д.

Но насколько обобщение и анализ судебной практики, осуществляемые судебной властью, позволят выявить, осмыслить растворенные в конкретном деле духовно-нравственные его основы, все аспекты справедливости, проявления правосознания социальной направленности и др.? Достаточно ли здесь возможностей по формированию (на основе практики социально ориентированного правоприменения) искомой «питательной» правовой материи для законодателя? Представляется, что нет. Необходимо искать руководящие начала в выводах научного мышления о праве и правоприменении. Здесь нельзя обойти вниманием французский опыт. Еще А. Эсмен писал: «Доктрина берет судебную практику в качестве основного объекта исследования» [23, с. 1]. Сегодня заслуживающие внимания судебные решения отбираются французскими профессорами права и далее к ним составляется «примечание» (note) – «авторский доктринальный текст, где в очень лаконичной и искусной форме обозначена правовая проблема и показано ее решение судом» [4, с. 17]. Такое разделение труда между «...профессорским и судебским корпусами – это давняя французская традиция, в силу которой сами судьи note не пишут (у них другая работа)» [4, с. 17].

Предлагаем использовать российскую университетскую доктрину в аналогичном ключе, но результаты научного осмысления судебных

решений будут представляться законодателю, возможно даже в виде четко разработанных рекомендаций. Тогда научная мысль может стать искомым связующим звеном между судебной практикой и законотворчеством, обеспечивая системное единство формирования права, его формулирования, применения (их нравственную «корреляцию»). Во главе угла при этом – выявленные нами сущностные характеристики социально ориентированного правоприменительного процесса.

Благодаря этому «связующему звену» могут полноценно исследоваться сущность и реальные проявления на практике источников формирования права. Последние в очень интересном ключе определяются Д. Ю. Шапсуговым: это «природная и нравственная жизнь человека в их единстве» [22, с. 134]. При этом первый познается «рассудком» (начальный, чувственный уровень познания, опирающийся на непосредственные знания о предмете), а второй осмысливается разумом, «...который имеет своим источником рассудочные определения, обобщая которые, он познает общее в опыте, в результате чего появляются понятия разума» [22, с. 134]. Тогда предложенное нами усиление, укрепление эмпатии правоприменителя за счет ее наполнения нравственными началами, развивающимися в системном единстве правотворчества и правоприменения, послужат формированию у последних социальной направленности, ориентированности на достижение справедливости во всей ее полноте. Что в свою очередь должно обеспечиваться совершенствованием научной мысли и сопровождаться постепенным переходом «рассудочного мышления в разумное в едином процессе познания» [22, с. 73]. Полагаем, что это сыграет существенную роль в эволюции отечественной правовой системы и становлении российского социального правового государства.

Список использованных источников

1. Бобрищев-Пушкин А. М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М.: Книга по требованию, 2013. 624 с.
2. Высшая социальная инстанция: открытость судов прогрессу // Российское агентство правовой и судебной информации. 19.02.2025. URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20250219/310641751.html (дата обращения: 01.03.2026).

3. Гегель Г. Философия права. М.: АСТ, 2023. 544 с.
4. Головки Л. В. Судебный прецедент как ненормативный способ легитимации судебных решений // Вестник гражданского права. 2010. № 6. С. 6–34.
5. Доклад Председателя Верховного Суда на итоговом совещании за 2025 год. 19.02.2026 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/35517> (дата обращения: 03.03.2026).
6. Ильин И. А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. 235 с.
7. Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. М.: Эксмо, 2025. 202 с.
8. Кант И. Сочинения в 6 т. Т. 4. М.: Мысль, 1965. 544 с.
9. Карнозова Л. М. Возрожденный суд присяжных. Замысел и проблемы становления. М.: NOTA BENE, 2000. 366 с.
10. Кони А. Ф. Закон и справедливость. Статьи и речи. М.: Эксмо, 2013. 640 с.
11. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные произведения. М.: Госюриздат, 1956. 888 с.
12. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 520 с.
13. Лукашева Е. А. Право, мораль, личность. М.: Наука, 1986. 263 с.
14. Миттермайер К. Суд присяжных в Европе и Америке. Петербург, 1865. 129 с.
15. Насонов С. А., Ярош С. М. Вердикт присяжных заседателей. М.: Р. Валент, 2003. 160 с.
16. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. М.: НОРМА – ИНФРА-М, 1999. 552 с.
17. Нерсесянц В. С. Философия права. М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1997. 652 с.
18. Нерсесянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М.: НОРМА – ИНФРА-М, 1998. 288 с.
19. Овчинников А. И. Правовое мышление: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01. Краснодар, 2004. 47 с.
20. Полянский Н. Н., Сыромятников Б. И. На службе праву. А. Ф. Кони. М.: Право и жизнь, 1928. 55 с.
21. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. Санкт-Петербург: Альфа, 1996. 552 с.
22. Шапсугов Д. Ю. Рассудок – разум – право. Ростов-на-Дону, 2016. 192 с.
23. Esmen A. La jurisprudence et la doctrine // Revue trimestrielle de droit civil. 1902. № 1.

References

1. Bobrishchev-Pushkin A. M. Empirical laws of the Russian jury. Moscow: Book on demand, 2013. 624 p. [in Russ.].
2. The highest social authority: openness of the courts to progress. *Russian Agency for Legal and Judicial Information*. 19.02.2025. Available at: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20250219/310641751.html (date of access: 01.03.2026) [in Russ.].
3. Hegel G. Philosophy of law. Moscow: AST, 2023. 544 p. [in Russ.].

4. *Golovko L. V.* Judicial precedent as a non-normative way of legitimizing court decisions. *Bulletin of Civil Law*. 2010. No. 6. P. 6–34 [in Russ.].
5. Report of the President of the Supreme Court at the final meeting for 2025. 19.02.2026. *Official website of the Supreme Court of the Russian Federation*. Available at: <https://www.vsrfr.ru/files/35517> (date of access: 03.03.2026) [in Russ.].
6. *Ilyin I. A.* On the essence of legal consciousness. Moscow: Rarog, 1993. 235 p. [in Russ.].
7. *Ilyin I. A.* Singing heart. Book of quiet contemplation. Moscow: Eksmo, 2025. 202 p. [in Russ.].
8. *Kant I.* Works in 6 vols. Vol. 4. Moscow: Thought, 1965. 544 p. [in Russ.].
9. *Karnozova L. M.* Revived jury trial. Design and formation problems. Moscow: NOTA BENE, 2000. 366 p. [in Russ.].
10. *Koni A. F.* Law and Justice. Articles and speeches. Moscow: Eksmo, 2013. 640 p. [in Russ.].
11. *Koni A. F.* Moral principles in criminal proceedings. Selected works. Moscow: Gosyurizdat, 1956. 888 p. [in Russ.].
12. *Korkunov N. M.* Lectures on the general theory of law. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2010. 520 p. [in Russ.].
13. *Lukasheva E. A.* Law, morality, personality. Moscow: Science, 1986. 263 p. [in Russ.].
14. *Mittermeier K.* Jury trials in Europe and America. Petersburg, 1865. 129 p. [in Russ.].
15. *Nasonov S. A., Yarosh S. M.* Jury verdict. Moscow: R. Valent, 2003. 160 p. [in Russ.].
16. *Nersesyants V. S.* General theory of law and state. Moscow: NORMA – INFRA-M, 1999. 552 p. [in Russ.].
17. *Nersesyants V. S.* Philosophy of Law. Moscow: INRFRA-M – NORMA, 1997. 652 p. [in Russ.].
18. *Nersesyants V. S.* Jurisprudence. Introduction to the course of general theory of law and state. Moscow: NORMA-INFRA-M, 1998. 288 p. [in Russ.].
19. *Ovchinnikov A. I.* Legal thinking: abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Law: 12.00.01. Krasnodar, 2004. 47 p. [in Russ.].
20. *Polyansky N. N., Syromyatnikov B. I.* In the service of law. A. F. Coney. Moscow: Law and Life, 1928. 55 p. [in Russ.].
21. *Foinitsky I. Ya.* Course of criminal proceedings. Vol. I. St. Petersburg: Alpha, 1996. 552 p. [in Russ.].
22. *Shapsugov D. Yu.* Reason – reason – right. Rostov-on-Don, 2016. 192 p. [in Russ.].
23. *Esmen A.* La jurisprudence et la doctrine. *Revue trimestrielle de droit civil*. 1902. No. 1. P. 11.

Поступила в редакцию 04.03.2026

Received March 04, 2026

Фомин Алексей Александрович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры государственно-
правовых дисциплин, Северо-Западный
филиал Российского государственного
университета правосудия имени
В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург),
197046, г. Санкт-Петербург,
Александровский парк, д. 5,
email: fominpenza@mail.ru

Fomin, Aleksey A.,
Doctor of Law, Professor,
Professor at the Department of State
and Legal Disciplines, North-West Branch
of Russian State University of Justice
named after V. M. Lebedev
(the city of Saint Petersburg),
5 Alexandrovsky Park, St. Petersburg,
197046, Russian Federation,
email: fominpenza@mail.ru

КРИЗИСЫ И КРИЗИСНЫЕ СИТУАЦИИ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ПРИНЦИПЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

CRISES AND CRISIS SITUATIONS AS AN OBJECT OF LEGAL INFLUENCE: CONCEPT, CHARACTERISTICS AND PRINCIPLES OF REGULATION

АННОТАЦИЯ. Современная Россия находится в фазе глобальных и региональных политических, экономических, межконфессиональных, экологических, техногенных кризисов. Кризисы и кризисные ситуации оказывают существенное влияние на соотношение индивидуальных и публичных интересов, преодоление их негативных последствий предполагает расширение пределов государственно-правового воздействия, приводит к структурным и компетенционным изменениям в организации и функционировании системы органов публичной власти. Между тем кризисные ситуации относятся к числу малоисследованных категорий в отечественной правовой доктрине. Как следствие, в законодательстве отсутствуют универсальные критерии и определения кризисных ситуаций, меры их локализации и предупреждения расплывчаты, в текстах нормативных правовых актов используется несогласованная терминология, отсутствуют унифицированные принципы правового регулирования кризисных ситуаций.

В контексте исследования кризисов и кризисных ситуаций как объекта правового регулирования в статье обосновывается идея о том, что кризисные ситуации являются закономерными феноменами общественного и государственного развития, исследуются особенности правовой природы кризисных ситуаций, их характерные черты, принципы и элементы механизма предупреждения и преодоления кризисов и кризисных ситуаций,

ABSTRACT. Modern Russia is in a phase of global and regional political, economic, interfaith, environmental, and man-made crises. Crises and crisis situations have a significant impact on the relationship between individual and public interests, overcoming their negative consequences involves expanding the limits of state and legal influence, and lead to structural and competency-based changes in the organization and functioning of the system of public authorities. As a result, legislation lacks universal criteria and definitions of crisis situations, measures for their localization and prevention are vague, inconsistent terminology is used in the texts of regulatory legal acts, and there are no unified principles for the legal regulation of crisis situations.

In the context of the study of crises and crisis situations as an object of legal regulation, the article substantiates the idea that crisis situations are natural phenomena of social and state development, examines the features of the legal nature of crisis situations, their characteristic features, principles and elements of the mechanism for preventing and overcoming of crises and crisis situations, and makes proposals for formalizing criteria at the legislative level. and indicators of the crisis situation, the grounds for classifying crisis situations in regulatory legal acts are clarified. Special attention is paid to identifying the interdependence between the realization of citizens' rights and freedoms and the qualitative legal regulation of crisis situations.

вносятся предложения по формализации на законодательном уровне критериев и показателей кризисной ситуации, уточняются основания классификации кризисных ситуаций в нормативных правовых актах. Особое внимание уделяется выявлению взаимозависимости между реализацией прав и свобод граждан и качественным правовым регулированием кризисных ситуаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кризисные ситуации, правовое регулирование, права и свободы граждан, эффективность права, принципы права

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Фомин, А. А. Кризисы и кризисные ситуации как объект правового воздействия: понятие, признаки и принципы регулирования / А. А. Фомин. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 34–43. – DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-5

Кризисы и кризисные ситуации, несмотря на их очевидную значимость в силу перманентного присутствия в общественной жизни, тем не менее относятся к числу малоисследованных феноменов в рамках юридической науки. Кризисные ситуации, отражая нестабильность и изменчивость развития природы и общества, свойственны сложным организованным системам любой природы (техническим, биологическим, экологическим, социальным), влекут изменения в организации и функционировании в том числе и государственно-правовой сферы общественных отношений. Между тем без исследования детерминант, сущности, государственно-правовых механизмов предупреждения и преодоления негативных последствий кризисных ситуаций невозможно обеспечить эффективность правового регулирования и публичного управления в современном мире, который объективно находится в фазе глобальных и региональных политических, экономических, межконфессиональных, экологических и т. п. кризисов.

Прежде всего, необходимо ответить на вопрос о том, всякая ли негативного свойства нестабильность (изменчивость) может быть отнесена к категории «кризиса»? «Стабильность» и «изменчивость» являются парными категориями, в социальной философии характеризующими диалектический процесс существования и функционирования структуры (внутренней организации) общественно-политического организма в целом и его отдельных

KEYWORDS: crisis situations, legal regulation, citizens' rights and freedoms, effectiveness of law, principles of law

FOR CITATION:

Fomin, A. A. (2026) Crises and Crisis Situations as an Object of Legal Influence: Concept, Characteristics and Principles of Regulation. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 13(1): 34–43 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-5

частей и компонентов. Перефразируя один из законов гегелевской диалектики, мы можем говорить о том, что «существующая стабильность» постепенно накапливает противоречия и в какой-то момент происходит «разрыв», изменение имеющегося положения, которое может быть как положительным, так и отрицательным, причем само по себе изменение впоследствии «накапливает» некоторые стабилизационные элементы и формирует «новую стабильность». Нестабильность – ординарное, не чрезвычайное свойство современной динамичной, быстро изменяющейся общественной и государственной жизни.

Возникает и вопрос о том, любые ли кризисные изменения могут быть отнесены именно к негативным, ведь в кризисе, своего рода «болезни» государства и общества, скрыты и зерна их «выздоровления». Интересно в этой связи то обстоятельство, что этимологически слово «кризис» происходит от греческого понятия *krisis*, обозначающего решение, поворотный момент, перелом, исход, то есть древние изначально принимали на себя ответственность за собственные решения и понимали кризис как способ действия в конкретной обстановке, что, кстати, характерно и для современного понимания кризиса в экономике и науках об управлении [15, с. 105–107, 353–356; 27, с. 326–327; 32, с. 582–583]. Тем не менее в настоящее время в энциклопедических, толковых, философских словарях наибольшее распространение получило иное понимание кризиса, позволяющее

рассматривать его как: 1) резкое изменение, потрясение, перелом [16, с. 320], 2) затруднение в движении в позитивном направлении [28, с. 402], 3) перемены в общественной жизни негативного свойства [26, с. 302], 4) напряженность [2, с. 220], 5) совокупность негативных тенденций (явлений) [29, с. 421].

«Кризис» и «кризисная ситуация» рассматриваются в настоящей статье как синонимы и характеризуются следующими основными чертами, разграничивающими, с одной стороны, ординарные (стабильные, безопасные) и, с другой стороны, кризисные (чрезвычайные, экстраординарные) ситуации, что является необходимой теоретической основой для формирования эффективного механизма правового регулирования в условиях кризисных явлений политического, экономического, природно-техногенного и иного характера, преодоления дестабилизации общественного порядка, обеспечения безопасности прав и свобод граждан, законных интересов общества и государства. Кризисная ситуация представляет собой внезапно возникшую обстановку, характеризующуюся такими свойствами, как: неопределенность, остроконфликтность, значительные социально-экономические и политические последствия, создающую реальную или потенциальную угрозу для территориальной целостности, суверенитета и основ конституционного строя государства, безопасной жизнедеятельности граждан, препятствующую нормальному функционированию государственных и общественных институтов, требующую задействования в правовой политике чрезвычайных (исключительных) средств государственного управления [30, с. 11–17].

Среди официальных документов, в которых широко употребляются понятия «кризис» и «кризисная ситуация», выделяются ежегодные послания Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства (п. «е» ст. 84 Конституции РФ). Например, в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 г. упоминается миграционный кризис [17], в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. [22] – глобальный кризис, в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 г. [21] –

демографический и ценностный (глобальный) кризис, в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 22 декабря 2011 г. [20] – финансовый кризис, в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 6 марта 1997 г. «Порядок во власти – порядок в стране (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» [18] – кризис неплатежей, бюджетный кризис и кризис пенсионной системы. В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 30 марта 1999 г. «Россия на рубеже эпох (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» [19] термин «кризис» использовался более 25 раз. Правовая природа посланий Президента РФ Федеральному Собранию – предмет дискуссий в юридической доктрине. Однозначно можно утверждать, что исходя из текста Конституции (ст. 90), послания не относятся к числу нормативных правовых актов главы государства и не обладают юридической силой. В то же время очевидно значение послания Президента в качестве политического и программного документа, адресованного законодательным, исполнительно-распорядительным и даже судебным органам публичной власти и их должностным лицам. С позиций политического веса роль посланий Президента для законотворчества и правоприменения в стране трудно переоценить. Поэтому не эпизодическое, а систематическое употребление терминов «кризис» и «кризисная ситуация» в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию означает их введение в правовую лексику и нормативно-правовую материю для последующего использования в текстах законодательных, подзаконных и правоприменительных актов.

К сожалению, в законодательстве отсутствуют универсальные, общепринятые критерии и формулировки определения кризисных ситуаций, меры их локализации и предупреждения расплывчаты, в текстах законов используется несогласованная терминология, имеются разночтения. В одних и тех же или близких значениях, причем без четкого их разграничения, употребляются такие дефиниции как: «чрезвычайная ситуация», «угроза безопасности», «чрезвычайное положение», «бедствие», «стихийное бедствие», «авария», «вооруженное нападение», «угроза вооруженного нападения»,

«военное время», «состояние войны», «чрезвычайная экологическая ситуация», «зона экологического бедствия», «угроза интересам Российской Федерации на государственной границе», «угроза незаконного пересечения государственной границы», «режим контртеррористической операции» и др. [5, с. 274–275; 6, с. 9; 14; 33, с. 36–37]. Хотя названные термины описывают кризисные ситуации с помощью разноуровневых и различных по сути признаков [7, с. 74]. Затронутая проблема носит не только академический характер. От того, какие конкретно ситуации признаются кризисными, в какой мере изучены причины и механизм их возникновения, во многом зависит принятие правильных решений по своевременному предотвращению и максимальному сокращению риска возникновения кризисных ситуаций, эффективной ликвидации их последствий.

Полноценное внедрение понятий «кризис» и «кризисная ситуация» в оборот юридической терминологии – задача далекой перспективы. Сегодня законодательство не содержит определения кризисной ситуации, видимо, ввиду многогранности содержания данного понятия, отсутствия у него «четких границ», позволяющих формализовать указанную конструкцию. Законодатель использует термины, так или иначе характеризующие кризис и кризисную ситуацию, в рамках уже формально-определенных правовых режимов [13]. Речь идет о правовом режиме чрезвычайной ситуации и иных предусмотренных законом чрезвычайных (особых, специальных, исключительных) правовых режимах, направленных на предотвращение той или иной конкретной угрозы, снижение (минимизацию) рисков неблагоприятных последствий ввиду такой угрозы, устранение неблагоприятных последствий какого-либо происшествия. Этимологически «кризис», «чрезвычайность», «особое состояние или ситуация», «экстренность», «экстраординарность», «исключительность» близки. Например, согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (в ред. от 26.11.2024) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [23] чрезвычайная ситуация представляет собой обстановку на определенной территории, сложившуюся в результате аварии, опасного природного явления,

катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей.

Общественные отношения, являющиеся объектом правового регулирования, должны характеризоваться повторяемостью событий и действий (кризисы и кризисные ситуации могут быть вызваны и теми и другими: стихийное бедствие, техногенная авария, попытка захвата власти и т. п.), должны быть устойчивыми и типичными. Отсюда в контексте исследования кризисов и кризисных ситуаций как объекта правового регулирования требуется выяснить: является ли кризисная ситуация закономерностью, подлежащей нормативному правовому урегулированию, или же нет. Случайность, казуистичность, спорадический характер кризисов, как минимум, существенно осложняет выявление и последующую формализацию в нормативных правовых актах квалифицирующих признаков кризисных ситуаций.

Закономерность, в том числе и государственно-правовая закономерность, представляет собой однотипность, регулярность, повторяемость процессов и явлений. На первый взгляд, кризисам свойственны прямо противоположные черты: многообразие кризисных ситуаций характерны непохожесть и нетипичность. Здесь хотелось бы привести цепь рассуждений Ю. Ю. Ветютнева, внесшего значительный вклад в исследование теории государственно-правовых закономерностей, позволяющих нам отнести к таким закономерностям и кризисные ситуации. По мнению Ю. Ю. Ветютнева, наличие в сфере государства и права закономерно повторяющихся фактов и явлений связано с тем, что субъекты социального общения, попадая в схожие условия, поступают в соответствии со своими интересами. Поэтому закономерным будет то, что определяется социальными интересами. Но поскольку интересы членов общества разнородны и зачастую противоречивы, то они вызывают к жизни «противоречивые закономерности», в чем отражается идея нелинейности социального развития [3, с. 73–74]. Думается, эти «противоречивые закономерности», о которых пишет Ю. Ю. Ветютнев, при определенных условиях

и выступают в качестве кризисных ситуаций. Заслуживает внимание в контексте кризисных (чрезвычайных, исключительных) ситуаций и еще одно замечание Ю. Ю. Ветютнева о том, что каждый факт социальной жизни является, в известном смысле, закономерным (детерминирующим), случайностью же будет сочетание таких фактов, иными словами, случайное, с одной точки зрения, непременно будет закономерным, с другой [3, с. 94]. То есть кризисные ситуации в обществе не случайны, а закономерны, тогда как их конкретные характеристики уже обусловлены случайными факторами. Таким образом, и с позиций теории закономерностей создание нормативного правового механизма преодоления кризиса или его минимизации (в том числе, в свете обеспечения реализации гражданами прав и свобод в условиях кризиса) является объективно значимым и востребованным.

Без отражения в законодательстве дефиниций «кризис» и «кризисная ситуация» возникает достаточно много спорных вопросов относительно особенностей правовой природы кризисной ситуации, ее свойств и элементов, имеет место правовая неопределенность при применении законодательства, регламентирующего предупреждение и преодоление последствий кризисных ситуаций. Без соответствующего правового регулирования нет ясности и определенности с тем, кто именно и каким образом решает вопрос о том, находится ли государство (его конкретная территория, отрасль государственного управления и т. п.) в условиях кризисной ситуации или же нет, какими именно критериями должны руководствоваться уполномоченные должностные лица и органы власти, признавая ту или иную ситуацию кризисной. С точки зрения этимологии критерий (от др.-греч. «способность различения, средство суждения, мерило») представляет собой отличительный признак, на основании которого проводятся оценка, определение или классификация чего-либо. То есть критерии, в первую очередь, должны позволять определить, имеет ли место кризисная ситуация в реальной действительности. При наличии всего круга необходимых и достаточных критериев у уполномоченных на то Конституцией РФ и законом органов государственной власти и должностных лиц возникают обязанности перед об-

ществом и его членами, включая установление специальных правовых режимов, принятие мер по преодолению кризисной ситуации и ее последствий, минимизации причиненного кризисом вреда и т. д. Вместе с тем такого рода критерии и показатели однозначно не сформированы даже на уровне юридической доктрины. Без предварительной терминологической проработки решение задачи формализации в законе критериев и показателей кризисной ситуации невозможно. Сложившаяся правоприменительная практика, к сожалению, крайне скудна. Например, наличие форс-мажорных обстоятельств в экономике суд устанавливает с учетом заключения Торгово-промышленной палаты [11, с. 78–94]. Однако такие случаи (когда хотя бы приблизительно известны орган или учреждение, определяющие ситуацию как кризисную) редкость.

Законодательство указывает лишь те органы власти и должностных лиц, которые уполномочены на введение того или иного специального режима, его продление, одобрение (утверждение), отмену и прочие аналогичные действия, осуществляемые в условиях неоднозначности, неясности и противоречивости регулирования кризисных ситуаций. При отсутствии правовой определенности в толковании кризисных ситуаций мы не можем установить, когда именно у органов власти и должностных лиц возникает обязанность ввести предусмотренный законодательством специальный режим и в какой мере (какие имеющие общественное значение ограничения допустимо использовать, какие чрезвычайные меры, направленные на преодоление кризисной ситуации, будут осуществляться, в какие сроки и т. п.). Затруднительно (иногда – попросту невозможно) доказательное обжалование акта, на основании которого введен специальный режим. В частности, суды проверяют такие обстоятельства, как: были ли у органа власти или должностного лица, вводящего соответствующий специальный режим, на то полномочия, опубликовано ли в установленный законом срок решение о введении специального правового режима и другие формальные моменты, не обсуждая суть вопроса: правомерно ли признание ситуации кризисной, что, как следствие, неминуемо повлечет недействительность (ничтожность) решения о введении специального правового режима

[31]. Здесь не менее важен и обратный аспект: когда ситуация кризисная, но орган власти или должностное лицо не использует специальный правовой режим. Такое бездействие власти не только сложно признать неправомерным ввиду отсутствия четких оснований признания ситуации кризисной, но и создает «благоприятную почву» для возникновения конфликта между государством и обществом. Наглядный пример – события 2020 г. в связи с пандемией коронавируса до установления в законодательстве режима повышенной готовности [12, с. 32–34].

Особое практическое значение правовое регулирование кризисных ситуациях представляет в контексте реализации прав и свобод граждан. В условиях кризисной ситуации государство формирует для граждан особый порядок реализации ими своих прав и свобод, заключающийся в регламентации адекватного возникшим угрозам баланса интересов между государством, обществом и личностью, своего рода «общественного договора», заключаемого только в части и на время кризисной ситуации [8, с. 105–108; 9, с. 245]. Существовавший до кризиса порядок реализации гражданами своих прав и свобод не позволяет государству результативно и оптимально выполнять стоящие перед ним задачи. Государство вынуждено использовать временное приостановление реализации гражданами своих прав и свобод, их ограничение ввиду очевидности и значимости возникших угроз, причем угроз и для самой личности. В кризисной ситуации государство информировано о 1) характеристиках конкретной возникшей угрозы (ее локализации, скорости распространения, значимости и т. п. – в зависимости от вида и типа угрозы) и 2) о вероятности реализации этой угрозы в реальной действительности. Кроме того, ограничительный посыл государства не персонифицирован, а распространяется на широкий, чаще всего, неопределенный круг лиц. Изменяются не сами права и свободы, их сущностные и иные характеристики, а лишь пути их реализации. Согласно ч. 2 ст. 55 Конституции «в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина». Ограничения прав и свобод личности в условиях кризисной ситуации должны в полной мере соответствовать пространственно-временным, содержательным

и прочим характеристикам самой кризисной ситуации, не предполагать излишних или, напротив, недостаточных ограничений. Кризисная ситуация (кризис) выступает особого рода юридическим фактом установления особого правового режима [1].

Кризисные ситуации в государстве и обществе крайне разнообразны, их единый перечень или список отсутствует, только часть из них в самом минимальном виде формализована в виде оснований для введения особых (специальных) правовых режимов. Осложняет классификацию кризисных ситуаций момент их «комплексности», т. е. конкретная кризисная ситуация сочетает в себе элементы и (или) имеющиеся угрозы различного порядка и характера, например, военные и техногенные. Причем ввиду процесса глобализации, усложнения социальной и экономической жизни такого рода «комплексность» кризисной ситуации наблюдается все чаще и чаще.

Иногда, хотя и достаточно редко, в законодательстве прямо установлены классификации отдельных разновидностей кризисных ситуаций. Так, в п. 1 Постановления Правительства РФ от 21 мая 2007 г. № 304 (в ред. от 27.03.2025) «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [25] предлагается деление чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера на чрезвычайные ситуации локального, муниципального, межмуниципального, регионального, межрегионального и федерального характера в зависимости от следующих факторов: 1) зоны распространения чрезвычайной ситуации, 2) минимального и максимального количества людей, жизни и (или) здоровью которых причинен ущерб, и 3) минимального и максимального размера причиненного чрезвычайной ситуацией материального ущерба.

По нашему мнению, с некоторыми оговорками такая классификация возможна в отношении любых кризисных ситуаций, а не только чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. При этом следует согласиться с позицией И. Е. Ильичева о том, что предложенная в Постановлении Правительства Российской Федерации от 21 мая 2007 г. № 304 классификация чрезвычайных ситуаций излишне формальна, учитывает лишь три критерия и не может без соответствующей дора-

ботки стать универсальной для кризисных ситуаций других видов [10], что, кстати, повлекло дальнейшую нормативную разработку стандартов определения видов самой чрезвычайной ситуации [4]. О каких оговорках, дополнениях, терминологических уточнениях идет речь?

В частности, пространственный критерий (локализация зоны чрезвычайной ситуации) явно предусмотрен с учетом законодательного определения государственной территории, с одной стороны, и излишне привязан к федеративному и административному делению Российской Федерации, с другой. Даже в отношении природных кризисных ситуаций его применение затруднительно в ситуации критического загрязнения территориальных (не внутренних) морей Российской Федерации, может быть неоднозначно воспринят, когда речь идет об экологическом кризисе того или иного речного объекта, где учитывается весь бассейн соответствующей реки. При формулировке пространственного критерия ничего не сказано и об экстерриториальных катастрофах – катастрофах вне территории Российской Федерации, вроде арктической или антарктической дрейфующей станции, происшествий в нейтральных водах с участием морских судов или газонефтедобывающей инфраструктуры, на космических объектах и т. п. С точки зрения международного права экстерриториальный принцип (от лат. *ex* – «из, вне» и *territoralis* – «относящийся к данной территории») – распространение нормативных актов правотворческого органа за пределы территории его юрисдикции. Однако в рамки предложенных Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 мая 2007 г. № 304 локаций подобного рода кризисные ситуации не укладываются и требуют уточнения.

Критерий ущерба от кризисных ситуаций не сводим только к физическому или материальному вреду, существует еще и вред моральный, причем коллективный (народам, проживающим на соответствующей территории). Наличие прямого материального ущерба также нельзя признать достаточным, и здесь следует исходить из понятия так называемого «экономического ущерба», учитывающего любые альтернативные негативы, причем не только «классическую» упущенную выгоду, но и, например, потерю доли на рынке. Такая доля

может быть потеряна не просто юридическим лицом, пусть и с государственным участием, а, при значительной монополизации соответствующего вида экономической деятельности, самим российским государством в виде, к примеру, доли на международном рынке нефти или алмазов, европейском рынке газа и т. п. Нельзя забывать и о том, что у российского общества и российского государства есть и репутационные риски, лишь частично выражающиеся в материальной (денежной) форме и требующие другого измерения.

В ст. 3 Федерального конституционно-го закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 02.11.2023) «О чрезвычайном положении» [24] представлена классификация кризисных ситуаций, угрожающих жизни и безопасности граждан или конституционному строю Российской Федерации и являющихся обстоятельствами введения режима чрезвычайного положения. Здесь содержатся две группы кризисных ситуаций: 1) связанные со стремлением к незаконному захвату власти или иному вооруженному насилию и 2) возникшие в результате действия природных или техногенных факторов.

В отношении обстоятельств первой группы мы видим указание законодателя на то, что такие обстоятельства станут основаниями для объявления чрезвычайного положения лишь в ситуациях, когда они сопровождаются насильственными действиями, причем такие действия создают непосредственную угрозу, во-первых, жизни и безопасности граждан, и, во-вторых, обычной (нормальной – в терминах закона) деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления. К первой группе таких ситуаций относятся следующие обстоятельства: попытки насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, захвата или присвоения власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, террористические акты, блокирование или захват особо важных объектов или отдельных местностей, подготовка и деятельность незаконных вооруженных формирований, межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты.

Вторая группа чрезвычайных обстоятельств предполагает три вида кризисных ситуаций: 1) чрезвычайные ситуации природного характера, 2) чрезвычайные ситуации техногенного

характера и 3) чрезвычайные экологические ситуации. При этом законодатель не ограничивается перечислением кризисных ситуаций, конкретизируя примеры их возможных проявлений (эпидемии и эпизоотии), детерминанты кризисных ситуаций (аварии, опасные природные явления, катастрофы, стихийные бедствия и др.), условия признания их чрезвычайными обстоятельствами с точки зрения возможного (реального) ущерба и объективной необходимости деятельности по преодолению их негативных последствий (человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения).

Анализ развития кризисных ситуаций в России, их причин и последствий, официальных оценок и извлеченных уроков свидетельствует, к сожалению, об отсутствии реальных гарантий, которые могли бы предотвратить новые всплески дестабилизации и кризиса в стране (вооруженные конфликты, террористические акты, массовые беспорядки, природные и техногенные катастрофы и др.). Налицо широкий комплекс предпосылок социально-экономического, политического, экологического, международного, военного и т. п. характера, обуславливающих необходимость дальнейшего исследования кризисов и кризисных ситуаций как объектов правового воздействия, их отличительных особенностей и принципов регулирования.

Список использованных источников

1. Артамонова Г. К., Тураходжаев Т. Б. Юридическая ответственность при наступлении чрезвычайных ситуаций в градостроительной деятельности в дореволюционной России // *Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации*. 2011. № 3 (12). С. 5–11.
2. Большой психологический словарь / [Авдеева Н. Н. и др.]; под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. 4-е изд., расш. М.: АСТ; Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2009.
3. Ветютнев Ю. Ю. Государственно-правовые закономерности (введение в теорию): монография / под ред. А. Я. Рыженкова. Элиста: Джангар, 2006. 201 с.
4. ГОСТ Р 22.0.02-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Термины и определения (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.09.2016 № 1111-ст). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200139176> (дата обращения: 15.01.2026).

5. Громов М. А. О понятии «чрезвычайные правовые режимы», их виды и характеризующие признаки // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 274–275.

6. Жаворонкова Н. Г. Эколого-правовые проблемы обеспечения безопасности при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2007. 53 с.

7. Засыркин И. В. Об использовании терминов, определяющих кризисные ситуации // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2015. № 4. С. 74–76.

8. Захарихина А. А. Ограничение прав личности в условиях кризиса: этимологический и исторический аспекты // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: экономика и право. 2023. № 9. С. 105–108.

9. Захарихина А. А. Принципы обеспечения конституционных прав и свобод в чрезвычайных условиях // *Власть закона*. 2023. № 4. С. 245–254.

10. Ильичев И. Е. О понятии и классификации чрезвычайных ситуаций // *Проблемы правоохранительной деятельности*. 2020. № 1. С. 6–19.

11. Кислухина И. А. Методы государственного регулирования кризисных ситуаций в экономике // *Вестник Московского университета*. Серия 21. Управление (государство и общество). 2009. № 3. С. 78–94.

12. Коновалов А. М. Законно ли введены режим повышенной готовности и последовавшие за ним ограничения прав и свобод на территориях субъектов Российской Федерации? // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2020. № 7. С. 32–34.

13. Максуров А. А. Полномочия Президента Российской Федерации в условиях специальных режимов (военного и чрезвычайного положения) // *Военное право*. 2022. № 4 (74). С. 18–23.

14. Мелехин А. В. Особые правовые режимы Российской Федерации: монография. М.: Маркет ДС, 2005. 192 с.

15. Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента: классическое издание. М.; СПб.: Диалектика, 2020. 665 с.

16. Новый словарь иностранных слов / гл. ред. В. В. Адамчик. М.: АСТ, 2009.

17. Парламентская газета. 2016. 2–8 декабря. № 45.

18. Российская газета. 1997. 7 марта. № 47.

19. Российская газета. 1999. 31 марта. № 60.

20. Российская газета. 2011. 23 декабря. № 290.

21. Российская газета. 2012. 13 декабря. № 287.

22. Российская газета. 2013. 13 декабря. № 282.

23. Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 35. Ст. 3648.

24. Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2277.

25. Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 22. Ст. 2640.

26. Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова, Т. Х. Керимова. 4-е изд. М.: Академический проект, 2020.

27. Томпсон А. А., Стрикленд А. Дж. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии: учебник для вузов / пер. с англ. под ред. Л. Г. Зайцева, М. И. Соколовой. М.: Банки и биржи; ЮНИТИ, 2017. 576 с.

28. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя. 3-е изд. М.: Политиздат, 1975.

29. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. М.: ИНФРА-М, 2007.

30. Фомин А. А. Конституционно-правовые основы реализации мер безопасности в условиях кризисных ситуаций // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 5. С. 11–17.

31. Фомин А. А., Захарихина А. А. Допустимость ограничения конституционных прав и свобод в условиях кризисных ситуаций: понятие и основания // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2024. Т. 49. № 1. С. 98–106.

32. Хейне П., Боуттке П. Дж., Причитко Д. Л. Экономический образ мышления. М.; СПб.: Диалектика, 2019. 528 с.

33. Хохрин С. А. Формирование понятия кризисной ситуации применительно к уголовно-исполнительной системе // Вестник Югорского государственного университета. 2022. Вып. 3 (66). С. 35–47.

References

1. Artamonova G. K., Turakhodzhaev T. B. Legal liability in case of emergency situations in urban planning activities in pre-revolutionary Russia. *Law. Safety. Emergency Situations*. 2011. No. 3 (12). P. 5–11 [in Russ.].

2. Meshcheryakov B. G., Zinchenko V. P. (Ed.). Big psychological dictionary. 4th ed. Moscow; Saint Petersburg: AST; Praim-Evroznak, 2009 [in Russ.].

3. Vetyutnev Yu. Yu. State-legal regularities (introduction to theory): monograph. Ryzhenkov A. Ya. (Ed.). Elista: Dzhangar, 2006. 201 p. [in Russ.].

4. GOST R 22.0.02-2016. National Standard of the Russian Federation. Safety in emergency situations. Terms and definitions (approved by Order of Rosstandart No. 1111-st dated 12.09.2016). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1200139176> (date of access: 15.01.2026) [in Russ.].

5. Gromov M. A. On the concept of “extraordinary legal regimes”, their types and characteristic features. *Black Holes in Russian Legislation*. 2008. No. 2. P. 274–275 [in Russ.].

6. Zhavoronkova N. G. Environmental and legal problems of safety provision in natural and technogenic emergencies. Abstract of Dr. Sci. (Law) dissertation. Moscow, 2007. 53 p. [in Russ.].

7. Zasyrkin I. V. On the use of terms defining crisis situations. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015. No. 4. P. 74–76 [in Russ.].

8. Zakharikhina A. A. Restriction of individual rights under crisis conditions: etymological and historical aspects. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice*.

Series: Economics and Law. 2023. No. 9. P. 105–108 [in Russ.].

9. Zakharikhina A. A. Principles of ensuring constitutional rights and freedoms under emergency conditions. *Power of Law*. 2023. No. 4. P. 245–254 [in Russ.].

10. Ilyichev I. E. On the concept and classification of emergency situations. *Problems of Law Enforcement Activity*. 2020. No. 1. P. 6–19 [in Russ.].

11. Kislukhina I. A. Methods of state regulation of crisis situations in the economy. *Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*. 2009. No. 3. P. 78–94 [in Russ.].

12. Kononov A. M. Were the high alert regime and subsequent restrictions of rights and freedoms legally introduced in the constituent entities of the Russian Federation? *State Power and Local Self-Government*. 2020. No. 7. P. 32–34 [in Russ.].

13. Maksurov A. A. Powers of the President of the Russian Federation under special regimes (martial law and state of emergency). *Military Law*. 2022. No. 4 (74). P. 18–23 [in Russ.].

14. Melekhin A. V. Special legal regimes of the Russian Federation: monograph. Moscow: Market DS, 2005. 192 p. [in Russ.].

15. Mescon M. H., Albert M., Khedouri F. Management: classical edition. Moscow; Saint Petersburg: Dialektika, 2020. 665 p. [in Russ.].

16. Adamchik V. V. (Ed.). New dictionary of foreign words. Moscow: AST, 2009 [in Russ.].

17. Parliamentary Newspaper. 2016. December 2–8. No. 45 [in Russ.].

18. Rossiyskaya Gazeta. 1997. March 7. No. 47 [in Russ.].

19. Rossiyskaya Gazeta. 1999. March 31. No. 60 [in Russ.].

20. Rossiyskaya Gazeta. 2011. December 23. No. 290 [in Russ.].

21. Rossiyskaya Gazeta. 2012. December 13. No. 287 [in Russ.].

22. Rossiyskaya Gazeta. 2013. December 13. No. 282 [in Russ.].

23. Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 35. Art. 3648 [in Russ.].

24. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 23. Art. 2277 [in Russ.].

25. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 22. Art. 2640 [in Russ.].

26. Kemerov V. E., Kerimov T. Kh. (Ed.). Modern philosophical dictionary. 4th ed. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2020 [in Russ.].

27. Thompson A. A., Strickland A. J. Strategic management: concepts and cases. Moscow: Banki i Birzhi; UNITI, 2017. 576 p. [in Russ.].

28. Rozental M. M. (Ed.). Philosophical dictionary. 3rd ed. Moscow: Politizdat, 1975 [in Russ.].

29. Gubskii E. F., Korableva G. V., Lutchenko V. A. (Ed.). Philosophical encyclopedic dictionary. Moscow: INFRA-M, 2007 [in Russ.].

30. Fomin A. A. Constitutional and legal foundations for implementing security measures under crisis conditions. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2012. No. 5. P. 11–17 [in Russ.].

31. *Fomin A. A., Zakharikhina A. A.* Admissibility of restriction of constitutional rights and freedoms under crisis conditions: concept and grounds. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law.* 2024. Vol. 49. No. 1. P. 98–106 [in Russ.].

32. *Heyne P., Boettke P. J., Prychitko D. L.* The economic way of thinking. Moscow; Saint Petersburg: Dialektika, 2019. 528 p. [in Russ.].

33. *Khokhrin S. A.* Formation of the concept of a crisis situation in relation to the penal system. *Bulletin of Yugra State University.* 2022. Issue 3 (66). P. 35–47 [in Russ.].

Поступила в редакцию 27.01.2026

Received January 27, 2026

УДК 342.7

DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-6

Небратенко Ольга Олеговна,
кандидат юридических наук, доцент,
докторант 3 факультета подготовки
научных и научно-педагогических кадров,
Академия управления МВД России,
125993, г. Москва,
ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8,
email: onebratenko@yandex.ru

Nebratenko, Olga O.,
PhD in Law, Associate Professor,
Doctoral candidate, Faculty 3 of the Training
of Scientific and Academic-Pedagogical
Personnel, Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh Str.,
Moscow, 125993, Russian Federation,
email: onebratenko@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ПРАВА НА ЗАНЯТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В ПОРЯДКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

DEVELOPMENT OF THE RIGHT TO ENTER INTO ECONOMIC ACTIVITIES THROUGH CONSTITUTIONAL PROCEEDINGS

АННОТАЦИЯ. Права человека вне зависимости от их закрепления в Конституции Российской Федерации или международных актах носят открытый неисчерпывающий характер, что говорит о возможности их развития в отраслевом законодательстве, а также в итоговых судебных актах международных, наднациональных и высших национальных судебных органов. В России на самом высоком конституционном уровне развитие субъективных основных (конституционных) прав и свобод человека и гражданина, в том числе права на занятие экономической деятельностью, осуществляется посредством конституционного судопроизводства через расширение или сужение его содержания, выявление конституционно-правового смысла оспариваемых норм, обнаружение новых правомочий или, напротив, установление невозможности включения в содержание данного права определенных правомочий.

В настоящей статье рассматриваются правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, касающиеся защиты и развития прав граждан на занятие экономической деятельностью в сферах взаимодействия с банковской системой, оказания финансовых услуг, обращается внимание на особенности толкования исследуемых норм, на специфику обращений к органам публич-

ABSTRACT. Human rights, regardless of whether they are enshrined in the Constitution of the Russian Federation or international instruments, are open and non-exhaustive in nature, suggesting the possibility of their development in sectoral legislation, as well as in the final judicial decisions of international, supranational, and supreme national judicial bodies. In Russia, at the highest constitutional level, the development of subjective fundamental (constitutional) human and civil rights and freedoms, including the right to engage in economic activity, is realized through constitutional proceedings by expanding or narrowing their content, identifying the constitutional and legal meaning of contested norms, discovering new powers, or, conversely, establishing the impossibility of including certain powers within the content of a given right.

This article examines the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation regarding the protection and development of citizens' rights to engage in economic activity in the areas of interaction with the banking system and the provision of financial services. It also highlights the interpretation of the provisions under consideration and the specifics of appeals to public authorities. At the same time, the author acknowledges that the right to engage in economic activity is not limited to the areas examined in this article.

ной власти. В то же время автором признается, что право на занятие экономической деятельностью не исчерпывается рассмотренными в настоящей статье сферами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право на занятие экономической деятельностью, правовые позиции, Конституционный Суд РФ, развитие содержания права, правомочия, обращение

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Небратенко, О. О. Развитие права на занятие экономической деятельностью в порядке конституционного судопроизводства / О. О. Небратенко. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 44–50. – DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-6

Закрепленная в качестве основополагающего принципа рыночной экономики свобода экономической деятельности (ст. 8 Конституции РФ) коррелирует с правом каждого использовать свои способности для занятия экономической деятельностью и правом на защиту частной собственности (ч. 1 ст. 34 и ч. 1 ст. 35 Конституции РФ) как субъективными основными (конституционными) правами. Чрезвычайно богатое экономическое содержание действующей Конституции России, «пронизывающее практически все ее основные институты», отмечал профессор Н. С. Бондарь [1, с. 19]. Предшественниками современного права на занятие предпринимательской и иной экономической деятельностью по Конституции РСФСР 1978 г. являются положения об индивидуальной трудовой деятельности (ст. 17) и пределах свободы экономической деятельности (ст. 10) как элементах «основы дальнейшего развития экономических отношений», которые «обеспечивают существование и развитие рыночных отношений в стране» [4, с. 42].

Виды экономической деятельности, закрепленные в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности, ориентированы прежде всего на юридических лиц и предпринимателей, носят исчерпывающий характер. Экономическая деятельность, которой могут заниматься граждане вследствие свободного использования своих способностей, не носит исчерпывающего характера, ее основы рассредоточены в текущем законодательстве [2; 18; 21]. Целью экономической деятельности признают удовлетворение потребностей человека в пище, жилье, одежде, других материальных и духовных благах.

KEYWORDS: right to engage in economic activity, legal positions, Constitutional Court of the Russian Federation, development of the content of law, powers, appeal

FOR CITATION:

Nebratenko, O. O. (2026) Development of the Right to Enter into Economic Activities through Constitutional Proceedings. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 13(1): 44–50 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-6

В научной и учебной юридической литературе отмечают различное содержание конституционного понятия экономической деятельности, которое включает хозяйственную, предпринимательскую и коммерческую деятельность, либо вбирает в себя предпринимательскую деятельность, одновременно совпадает или уступает по объему хозяйственной деятельности, соотносимой с «имущественными интересами частных лиц» или «деятельностью по управлению имуществом, которая выражается в осуществлении правомочий по владению, пользованию и распоряжению имущественными объектами в гражданском обороте» [3, с. 13]. Согласно одному из подходов о разграничении хозяйственной, экономической и предпринимательской деятельности применительно к правам человека, для хозяйственной деятельности характерны любые формы управления имуществом, имеющие целью «удовлетворение повседневных нужд человека»; экономическую деятельность, будучи разновидностью хозяйственной, составляют формы управления имуществом, изначально направленные на «извлечение доходов и иных материальных выгод»; более узкий вид экономической деятельности – предпринимательская деятельность – направлена на систематическое извлечение прибыли [17, с. 3–4].

Право на экономическую деятельность можно сформулировать как право извлекать доходы и иные материальные выгоды от различного использования своих способностей, когда речь не идет о систематическом извлечении прибыли и нет зависимости от приобретения специального правового статуса как при осуществлении предпринимательской деятельно-

сти. Пределы свободы экономической деятельности определяются соответствием данной деятельности закону, а также недопустимостью монополизации и недобросовестной конкуренции (ст. 34 Конституции РФ).

Выявление наиболее полного содержания основного (конституционного) права на занятие экономической деятельностью в Российской Федерации, его развитие осуществляется в порядке конституционного судопроизводства. О субъективизации прав человека, которую обеспечивает конституционное правосудие, эволюции конституционно-правового статуса личности говорит профессор Ж. И. Овсепян [5, с. 717–742]. Учитывая аксиологический характер конституционных прав человека, отражающим замысел исследуемой тематики настоящей статьи следует признать высказывание профессора А. И. Овчинникова и других авторов о том, что «Конституционный Суд не просто определяет уже имеющиеся ценности, выстраивает их иерархию, но и формулирует новые, исходя, например, из конституционной практики» [6, с. 24].

Одним из видов экономической деятельности, неоднократно становившимся предметом разбирательства в Конституционном Суде РФ, является деятельность граждан, связанная с использованием своих способностей для получения дохода от размещения сбережений на банковских вкладах. Привлечение кредитными организациями денежных средств физических и юридических лиц, так же как и открытие и ведение ими банковских счетов, относят к банковским операциям (п. 1 ст. 5) [18].

Право на занятие экономической деятельностью (ч. 1 ст. 34 Конституции РФ) и одновременно право иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им (ч. 2 ст. 35 Конституции РФ) реализуются при заключении договоров банковского счета и его разновидности договора банковского вклада. При вынесении одних из первых решений в данной сфере Конституционный Суд РФ обращал внимание на некоторый риск экономической деятельности по заключению договоров банковского вклада, связанный с получением определенного дохода в виде процента по вкладу [9], а также сформулировал цель работы банков с населением – повышение доверия граждан к банковской системе путем при-

влечения дополнительных средств [8], которое в полной мере соответствует потребностям банковской системы и которое впоследствии нашло выражение в создании системы страхования банковских вкладов.

Конституционное судопроизводство в следующем Постановлении инициировали граждане, заключившие договор банковского вклада, впоследствии признанный не заключенным вследствие несоблюдения формы договора, поскольку лицо, его подписавшее на стороне банка, не имело на это соответствующих полномочий [11]. Здесь Конституционный Суд РФ разработал доктрину несения неблагоприятных последствий за несоблюдение формы договора банком как профессионалом в банковской сфере, требующей специальных познаний. На стыке права на занятие экономической деятельностью и права граждан иметь имущество в собственности формулируется право граждан на досрочный возврат денежных средств, а также на признание договора банковского вклада заключенным при изначальном несоблюдении письменной формы договора, когда 1) документы, выданные банком, подтверждают прием денежных средств; 2) лицо, с которым граждане-вкладчики заключали договор, воспринималось гражданами как представитель банка; 3) гражданин действовал разумно и добросовестно.

В двух следующих решениях Конституционный Суд РФ формулирует право граждан на оказание им финансовых услуг как неременное условие занятия иной экономической деятельностью, предпосылку участия граждан в имущественном обороте (ч. 1 ст. 34). В обоих Постановлениях формулируется обращение к отечественному представительному и законодательному органу – через формулировку «не препятствует федеральному законодательству» – внести изменение в действующее законодательство. В первом Постановлении [13] – по усовершенствованию порядка идентификации клиента, у которого отсутствовала регистрация по месту жительства и месту пребывания, но имелась потребность в открытии расчетного банковского счета и получении дебетовой банковской карты на свое имя. Выявленный конституционно-правовой смысл анализируемого положения [19] заключается в возможности подтвердить место жительства гражданина

иным, помимо регистрации, способом, что, однако, не препятствовало заявителю, гражданину Н. Г. Гришину, обратиться с заявлением в банк, а банку открыть расчетный счет и выдать дебетовую банковскую карту. Иные способы подтверждения проживания на территории Российской Федерации на сегодняшний день законодательством не определены, однако известны судебной практике, которая не отрицает возможности представлять иные, помимо регистрации, доказательства, способные подтвердить местонахождение гражданина [15; 16].

Инициаторами конституционного судебного производства во втором Постановлении [14] стали заявители, управляющий и главный бухгалтер, в отношении которых на основании ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)» (пп. 4 п. 12 ст. 189.49) были прекращены денежные обязательства (начисленные заработная плата, страховая пенсия на текущих счетах, личные денежные средства на депозитных счетах) ПАО Банком «ФК Открытие», где они занимали руководящие должности (банк в одностороннем порядке списал денежные средства сотрудников). Суд отмечает две презумпции, отражающие правовые позиции судей, которые вытекают из формулировки представленной нормы, – от действий и решений перечисленных должностных лиц зависит определение направлений экономической политики банка, поэтому они должны претерпевать неблагоприятные последствия, последовавшие вследствие введения процедур по финансовому оздоровлению банка. Отсюда вытекает вторая неопровержимая презумпция персональной причастности сотрудников должностной категории руководителей к предбанкротному состоянию организации, в которой они работали (п. 5). Обе презумпции лишают указанных лиц возможности обосновать надлежащее выполнение своих должностных обязанностей. Предметом рассмотрения явилась обнаружившаяся неопределенность регламентации законодательного требования о прекращении обязательств, которое предъявляется к потенциальным банкротам и в отношении которых Банк России принимает План участия банка в мероприятиях по предотвращению банкротства (пп. 4 п. 12 ст. 189.49) [20], как элемент механизма финансового оздоровления потенциальных банкротов. Особенность данного

Постановления заключается в установлении ретроактивного действия обжалуемой нормы, распространяющейся на все денежные требования, возникшие до ее отмены. Суд отмечает, что к моменту обращения заявителей в Конституционный Суд РФ указанная норма о прекращении денежных обязательств банков перед управляющими и контролирующими лицами уже была отменена, тем не менее Верховный Суд РФ и суды общей юрисдикции продолжали ее применять (п. 1.2). Кроме того, прекращение денежных обязательств банка перед своими сотрудниками следует рассматривать не как вид юридической ответственности, но как обязательную меру.

В данном деле Конституционный Суд РФ ориентируется на ранее высказанные им правовые позиции: понятие «имущество» включает, в том числе, безналичные денежные средства, представляющие по своей природе обязательственное требование к банку [10]; о фундаментальном значении финансовых услуг, доступность которых обеспечивает эффективное и равноправное участие граждан и юридических лиц в осуществлении экономической деятельности [13]; любые ограничения владения, пользования и распоряжения имуществом, свободы предпринимательской деятельности, свободы договора должны предопределяться необходимостью охраны конституционных ценностей, быть обоснованными и соразмерными, носить общий и абстрактный характер, не иметь обратной силы [12]. В итоге Суд приходит к выводу о несоответствии обжалуемой нормы Конституции Российской Федерации, как предписывающей в обязательном порядке прекращение денежных обязательств в части кредитов, займов, депозитов перед лицами, занимающими должности управляющего и главного бухгалтера, если они не относятся к контролирующим банк лицам, при утверждении Банком России плана по предупреждению банкротства.

В некоторых решениях Конституционный Суд РФ не формулирует экономические права, раскрывая их содержание, а, наоборот, прописывает, какие правомочия не могут быть включены в содержание какого-либо права, либо пресекает злоупотребление выявленным правом, прибегая к ограничительному, а не буквальному или расширительному толкованию.

Так, например, Конституционный Суд РФ формулирует, что стороны, вступающие в гражданско-правовые отношения, руководствуясь правом на свободное осуществление экономической и предпринимательской деятельности (ч. 1 ст. 34 Конституции РФ), а также основными началами гражданского законодательства (ст. 1 Гражданского кодекса РФ), обладают правом на свободное определение размера неустойки. Только Конституционный Суд РФ не напрямую подтверждает данное право, а через установление запрета на злоупотребление правом свободного определения размера неустойки [7].

Решения Конституционного Суда РФ способствуют развитию содержания субъективных основных (конституционных) социально-экономических прав и свобод, которое осуществляется посредством обнаружения Судом новых правомочий исследуемых прав, либо через указание правомочий, которые не могут быть включены в содержание права, через установление запрета на злоупотребление данным правом. Развитие права на занятие экономической деятельностью осуществляется за счет обнаружения в его содержании таких правомочий (прав), как право на получение процента по вкладу; право требовать досрочного возврата денежных средств; право граждан на оказание им финансовых услуг, в частности, открытие расчетного счета и получение дебетовой банковской карты вне зависимости от регистрации на территории РФ; на сохранение денежных обязательств банков перед лицами, занимающими руководящие должности, но не являющимися контролирующими банками. Говорить о развитии права на занятие экономической деятельностью можно также при установлении Судом правомочий, которые, напротив, не могут составлять содержание данного права.

Подводя итоги вышеизложенному, следует сказать, что конституционная регламентация права на осуществление экономической деятельности представлена в общем виде, без указания правомочий, входящих в него. В отношении данного права имеет место значительная отраслевая регламентация нормами как частного-правового характера, так и публично-правовыми нормами. Отсутствие детальной конституционной регламентации правомочий

права на занятие экономической деятельности не умаляет его существование как субъективного основного права и не исчерпывается рассмотренными сферами. Данное право эволюционирует в порядке конституционного судопроизводства, когда Конституционный Суд РФ наращивает потенциал конституционных положений, устанавливает новый смысл конституционных норм, расширяет или сужает содержание субъективных основных (конституционных) прав и свобод граждан.

Список использованных источников

1. Бондарь Н. С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М.: Норма: ИН-ФРА-М, 2018. 272 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027 (дата обращения: 27.12.2025).
3. Зинченко С. А. Предмет и метод хозяйственного права / отв. ред. В. Н. Гапеев. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1984. 128 с.
4. Лантев В. А. Конституция России как основной источник предпринимательского права // Lex russica. 2015. № 6. С. 39–47.
5. Овсепян Ж. И. Конституционно-правовой статус человека (гражданина) в России. Научно-исследовательская работа. Ростов-на-Дону, 2018. 1010 с. URL: <https://www.litres.ru/book/zh-i-ovsepyan/konstitucionno-pravovoy-status-cheloveka-grazhdanina-v-rossii-39831260> (дата обращения: 10.12.2025).
6. Овчинников А. И., Багдасаров В. Ю., Чухутова Н. А. Правотворческая и правоприменительная политика в сфере традиционных духовно-нравственных ценностей // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2024. Т. 11, № 2. С. 16–28.
7. Определение от 21 декабря 2000 г. № 263-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Наговицына Юрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33855 (дата обращения: 10.12.2025).
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 3 июля 2001 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений подпункта 3 пункта 2 статьи 13 Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций» и пунктов 1 и 2 статьи 26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» в связи с жалобами ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 6.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2002 № 14-П «По делу о проверке конституци-

онности ряда положений Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций», пунктов 5 и 6 статьи 120 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами граждан, жалобой региональной общественной организации «Ассоциация защиты прав акционеров и вкладчиков» и жалобой ОАО «Воронежское конструкторское бюро антенно-фидерных устройств» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 6.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.2010 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 3 и пункта 4 статьи 44 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобами открытых акционерных обществ «Газпром», «Газпром нефть», «Оренбургнефть» и Акционерного коммерческого Сберегательного банка Российской Федерации (ОАО)» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 3.

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.10.2015 № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 836 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. С. Билера, П. А. Гурьянова, Н. А. Гурьяновой, С. И. Каминской, А. М. Савенкова, Л. И. Савенковой и И. П. Степанюгиной» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 1.

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.05.2020 № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 123.22 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Лысьва-теплоэнерго»» // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2020. № 20. Ст. 3227.

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.06.2021 № 31-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго подпункта 1 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» в связи с жалобой гражданина Н. Г. Гришина» // СЗ РФ. 2021. № 28 (часть II). Ст. 5630.

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.12.2022 № 58-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 4 пункта 12 и пункта 12.1 статьи 189.49 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», части 4 статьи 9 Федерального закона от 1 мая 2017 года № 84-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», статьи 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца третьего подпункта «в» пункта 25 статьи 6 Федерального закона от 23 апреля 2018 года № 87-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой граждан Н. А. Коноваловой, В. А. Лычевой, Л. В. Магера и В. И. Питернова» // СЗ РФ. 2023. № 2. Ст. 546.

15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» (абз. 6 п. 11) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 9.

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

17. Сибгатуллина Г. М. Понятие и содержание конституционного права на занятие экономической деятельностью в Российской Федерации // Безопасность бизнеса. 2021. № 5. С. 3–7.

18. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 23.05.2025) «О банках и банковской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842 (дата обращения: 15.01.2026).

19. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (абз. 2 п. 1 п. 1 ст. 7) // СЗ РФ. 2023. № 29. Ст. 5326.

20. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2018) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

21. Федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89923 (дата обращения: 15.01.2026).

References

1. Bondar N. S. Economic constitutionalism of Russia: essays on theory and practice. Moscow: Norma: INFRA-M, 2018. 272 p. [in Russ.].
2. The Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on December 13, 2024). Reference and legal system "ConsultantPlus". Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027 (date of access: 27.12.2025) [in Russ.].
3. Zinchenko S. A. The subject and method of economic law. Ed. by V. N. Gapeev. Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House, 1984. 128 p. [in Russ.].
4. Laptev V. A. The Constitution of Russia as the main source of business law. *Lex russica*. 2015. No. 6. P. 39–47 [in Russ.].
5. Hovsepyan J. I. Constitutional and legal status of a person (citizen). Scientific research work. Rostov-on-Don. 2018. Available at: <https://www.litres.ru/book/zh-i-ovsepyan/konstitucionno-pravovoy-status-cheloveka-grazhdanina-v-rossi-39831260> (date of access: 10.12.2025) [in Russ.].
6. Ovchinnikov A. I., Bagdasarov V. Yu., Chukhutova N. A. Law-making and law enforcement policy in the field of traditional spiritual and moral values. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*. 2024. Vol. 11, No. 2. P. 16–28 [in Russ.].
7. Determination of December 21, 2000 No. 263-О "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Yuri Aleksandrovich Nagovitsyn regarding the violation of his constitutional rights by part one of Article 333 of the Civil

Code of the Russian Federation. *Reference and legal system "ConsultantPlus"*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33855 (date of access: 10.12.2025) [in Russ.].

8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 3, 2001 No. 10-P in the case of verification the constitutionality of certain provisions of paragraphs 3, paragraph 2, Article 13 "On the restructuring of credit institutions" and paragraphs 1 and 2 of Article 26 of the Federal Law "On the insolvency (Bankruptcy) of credit institutions" in connection with the complaints of a number of citizens. *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 2001. No. 6 [in Russ.].

9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 22.07.2002 No. 14-P "On the case of checking the constitutionality of a number of Provisions of the Federal Law "On Restructuring Credit Institutions", paragraphs 5 and 6 of Article 120 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" in connection with complaints from citizens, a complaint from the regional public organization "Association for the Protection of Shareholders' Rights and depositors" and the complaint of JSC Voronezh Design Bureau of Antenna-feeder Devices. *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 2002. No. 6 [in Russ.].

10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 28, 2010 No. 2-P "On the case of Checking the Constitutionality of the Provisions of Paragraph Two of Paragraph 3 and Paragraph 4 of Article 44 of the Federal Law "On Joint Stock Companies" in connection with the complaints of Open Joint Stock Companies Gazprom, Gazprom Neft, Orenburgneft and Joint Stock Commercial Savings Bank of the Russian Federation Federation (JSC)". *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 2010. No. 3 [in Russ.].

11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 27.10.2015 No. 28-P "In the case of Checking the Constitutionality of Paragraph 1 of Article 836 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with complaints from citizens I. S. Biler, P. A. Guryanov, N. A. Guryanova, S. I. Kaminskaya, A. M. Savenkov, L. I. Savenkova and I. P. Stepanyugina". *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 2016. No. 1 [in Russ.].

12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 12.05.2020 No. 23-P "In the case of checking the constitutionality of paragraph 5 of Article 123.22 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the Limited Liability Company Lysva-Teploenergo". *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2020. No. 20. Article 3227 [in Russ.].

13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 30.06.2021 No. 31-P "In the case of checking the constitutionality of paragraph two of subparagraph 1 of paragraph 1 of Article 7 of the Federal Law "On Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism" in connection with the complaint of citizen N. G. Grishin". *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2021. No. 28 (Part II). Article 5630 [in Russ.].

14. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 27, 2022 No. 58-P "On the Case of Verifying the Constitutionality of the Provisions of Subitems 4 of Paragraph 12 and Paragraph 12.1 of Article 189.49 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)", Part 4 of Article 9 of Federal Law No. 84-FZ of May 1, 2017 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation", Article 56 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation and paragraph three of subparagraph "b" of paragraph 25 of Article 6 of Federal Law No. 87-FZ of April 23, 2018 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" in connection with the complaint of citizens N. A. Konovalova, V. A. Lycheva, L. V. Magero and V. I. Piternova". *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2023. No. 2. Article 546 [in Russ.].

15. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02.07.2009 No. 14 "On some issues that have arisen in judicial practice in the application of the Housing Code of the Russian Federation" (paragraph 6, paragraph 11). *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2009. No. 9 [in Russ.].

16. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 29.05.2012 No. 9 (as amended on 24.12.2020) "On judicial practice in inheritance cases". *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2012. No. 7 [in Russ.].

17. *Sibgatullina G. M.* The concept and content of the constitutional right to engage in economic activity in the Russian Federation. *Business security*. 2021. No. 5. P. 3–7 [in Russ.].

18. Federal Law No. 395-1 of 02.12.1990 (as amended on 23.05.2025) "On Banks and Banking Activities". *Reference and legal system "ConsultantPlus"*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842 (date of access: 15.01.2026) [in Russ.].

19. Federal Law No. 115-FZ dated 07.08.2001 (as amended on 07.07.2023) "On Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism" (paragraph 2 of subparagraph 1 of paragraph 1 of Article 7). *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2023. No. 29. Article 5326 [in Russ.].

20. Federal Law No. 127-FZ of 26.10.2002 (as amended on 23.04.2018) "On Insolvency (Bankruptcy)" (with amendments and additions, entered into force 01.06.2018). *Federal Law of the Russian Federation*. 2002. No. 43. Article 4190 [in Russ.].

21. Federal Law No. 209-FZ of 24.07.2009 (as amended on 08.08.2024) "On Hunting and Conservation of Hunting Resources and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (with amendments and additions, entered into force 01.01.2025). *Reference and legal system "ConsultantPlus"*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89923 (date of access: 15.01.2026) [in Russ.].

*Поступила в редакцию 13.01.2026
Received January 13, 2026*

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 341.645.5(1-6)

DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-7

Владыкина Анна Юрьевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права
Казанского федерального
(Приволжского) университета,
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18;
доцент кафедры государственно-
правовых дисциплин
КФ РГУП им. В. М. Лебедева,
420088, г. Казань,
ул. 2-я Азинская, д. 7А,
email: vladykina.au@gmail.com

Vladykina, Anna Yu.,
PhD in Law, Associate Professor
at the Department of International Law,
Kazan Federal (Volga Region) University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008,
Russian Federation; Associate Professor
at the Department of State and Legal Disciplines
of the Kazan branch of the Russian University
of Justice named after V. M. Lebedev,
7A 2nd Azinskaya Str., Kazan,
420088, Russian Federation,
email: vladykina.au@gmail.com

ПРАВИЛА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОВАРОВ В АФРИКАНСКОЙ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЗОНЕ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

RULES OF ORIGIN IN THE AFRICAN CONTINENTAL FREE TRADE AREA: TRANSFORMING INTERNATIONAL PUBLIC LAW

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу концепции и правового регулирования правил происхождения товаров в контексте Африканской континентальной зоны свободной торговли (AfCFTA). Рассматриваются теоретические основания правил происхождения, их классификация на преференциальные и непреференциальные, а также особенности применения этих правил в условиях региональной интеграции. Особое внимание уделяется процедурам подтверждения происхождения, административным препятствиям для экспортеров, влиянию асимметричности экономического развития африканских государств на унификацию правил происхождения и конституционным вызовам, связанным с передачей полномочий наднациональным органам. На основе анализа выявляются ключевые трансформации норм публичного международного права: от абсолютного суверенитета к разделенному, от жесткого исполнения договоров к адаптивному механизму, от формального равенства государств к материальному и инклюзивному.

ABSTRACT. This article analyzes the concept and legal regulation of rules of origin in the context of the African Continental Free Trade Area (AfCFTA). It examines the theoretical foundations of rules of origin, their classification into preferential and non-preferential, and the specifics of their application in the context of regional integration. Particular attention is paid to origin verification procedures, administrative barriers for exporters, the impact of the asymmetry of economic development in African states on the harmonization of rules of origin, and the constitutional challenges associated with the transfer of powers to supranational bodies. The analysis identifies key transformations in public international law: from absolute sovereignty to divided sovereignty, from strict treaty enforcement to an adaptive mechanism, and from formal equality of states to substantive and inclusive equality.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: AfCFTA, правила происхождения, африканская интеграция, суверенитет, конституционализм, трансформация норм международного права

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Владыкина, А. Ю. Правила происхождения товаров в африканской континентальной зоне свободной торговли: трансформация норм международного публичного права / А. Ю. Владыкина. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 51–58. – DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-7

KEYWORDS: AfCFTA, rules of origin, African integration, sovereignty, constitutionalism, transformation of international law

FOR CITATION:

Vladykina, A. Yu. (2026) Rules of Origin in the African Continental Free Trade Area: Transforming International Public Law. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 13(1): 51–58 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-7

Введение. Африканская континентальная зона свободной торговли (AfCFTA), созданная в 2018 году в Кигали и вступившая в силу в 2019 году [9], представляет собой амбициозный проект региональной экономической интеграции, охватывающий более пятидесяти государств африканского континента. Соглашение AfCFTA является крупнейшей в мире зоной свободной торговли по числу участников после Всемирной торговой организации (ВТО) и служит инструментом для либерализации торговли, содействия притоку иностранных инвестиций, развития производственных цепочек и снижения уровня бедности на континенте.

Однако техническое содержание соглашения, в частности его положения о правилах происхождения товаров, отражает глубокие противоречия между интересами развитых и наименее развитых членов объединения. Правила происхождения, будучи процедурным механизмом для определения «экономической национальности» товара, приобретают центральное значение для функционирования преференциальных торговых режимов и в значительной мере определяют эффективность достижения целей AfCFTA.

Историческим предшественником AfCFTA служили многочисленные региональные экономические сообщества (РЭС), созданные на африканском континенте: Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС), Общий рынок Восточной и Южной Африки (КОМЕСА), Сообщество развития юга Африки (САДК), Восточноафриканское сообщество (ВАС) и другие. Несмотря на наличие формальных соглашений об экономической интеграции, эти организации не достигли достаточного уровня успеха в либерализации

внутриафриканской торговли, что во многом объясняется несогласованностью применяемых правил происхождения и различиями в национальных интересах государств-участников.

Российские специалисты в области международного торгового права, в первую очередь Г. М. Костюнина, рассматривают AfCFTA как систему норм, регулирующих торговые отношения в контексте теории права интеграции [8]. Ключевое внимание уделяется правилам происхождения товаров как центральному механизму торговой либерализации, который определяет право товаров на преференциальный режим. Костюнина отмечает, что преференциальные правила происхождения (применяемые в контексте AfCFTA) радикально отличаются от непреференциальных правил, применяемых при торговле с третьими странами [8, с. 37]. Процедуры подтверждения происхождения анализируются одновременно как административные препятствия для экспортеров и как инструмент защиты торговли. Значительное внимание уделяется роли субрегиональных экономических сообществ (КОМЕСА, ЭКОВАС, ВАС, САДК) как промежуточных уровней интеграции, которые должны быть гармонизированы на пути достижения панконтинентальной зоны свободной торговли.

Актуальность изучения правил происхождения в контексте AfCFTA обусловлена не только их техническим значением для функционирования торговых преференций, но и более глубокими процессами трансформации норм публичного международного права. Интеграционные процессы в Африке выявляют необходимость переосмысления классических постулатов суверенитета, обязательности международных договоров, равноправия го-

сударств и иерархии источников права. Введение единых правил происхождения требует добровольного ограничения каждым государством-участником своей законодательной дискреции, что порождает конституционные вызовы и угрозу демократическому контролю над процессом принятия решений, влияющих на материальное благосостояние граждан.

Теоретические основы и классификация правил происхождения товаров. Правила происхождения товаров представляют собой совокупность критериев или нормативных актов, устанавливающих экономическую идентичность и национальную принадлежность продукции. Они играют ключевую роль в международной торговле, поскольку на их основании таможенные органы импортирующих государств определяют, какие тарифные ставки и торговые преференции подлежат применению к ввозимым товарам.

С точки зрения доктрины международного торгового права правила происхождения служат несколькими целям: во-первых, они обеспечивают применение принципа наибольшего благоприятствования и преференциального режима в соответствии с Генеральным соглашением по тарифам и торговле (ГАТТ); во-вторых, они предотвращают трансдислокацию (*trade deflection*) – практику перенаправления торговли через третьи страны для избежания применения тарифов; в-третьих, они служат целям регулирования антидемпинговых и компенсационных мер; в-четвертых, они позволяют реализовать политику защиты внутреннего производства и облегчают администрирование таможенных режимов.

В условиях современной глобальной экономики значительная часть товаров производится из компонентов и сырья, импортируемых из различных стран. Товар считается происходящим из конкретной страны, если он полностью произведен на ее территории. Однако для промежуточных товаров, содержащих иностранные компоненты, необходимо применить критерии существенной переработки или других согласованных параметров, чтобы определить окончательное происхождение продукции.

В теории международного права принято различать два основных типа правил происхождения: непреференциальные и преференциальные.

Непреференциальные правила происхождения применяются в случаях, когда торговля осуществляется между странами, не связанными соглашениями о предоставлении торговых преференций. В условиях отсутствия специальных торговых соглашений каждое государство вправе самостоятельно определять критерии происхождения товаров, что обеспечивает национальную гибкость, но создает риск несогласованности и нарушения принципа MFN. Основными критериями здесь выступают: принцип полной выработки (*wholly obtained*) – товар считается происходящим из страны, если он полностью произведен на ее территории без использования иностранных компонентов; критерий существенной переработки (*substantial transformation*) – товар получает происхождение той страны, в которой он подвергся основной переработке, изменившей его экономическое назначение.

Преференциальные правила происхождения служат для определения, подпадает ли товар под условия льготного режима согласно торговым соглашениям. Только при выполнении установленных критериев товар может быть признан происходящим из страны-партнера по соглашению и получить торговые преференции. Каждое региональное торговое соглашение содержит собственный перечень правил происхождения, обычно оформленный в виде отдельного протокола или приложения. Преференциальные правила, как правило, более строги, чем непреференциальные, поскольку служат цели защиты внутреннего производства членов интеграционного объединения.

Правовой режим происхождения товаров в AfCFTA регулируется Протоколом о торговле товарами, в частности его Приложением 2 (*Annex 2 – Rules of Origin*) [10]. Этот протокол устанавливает процедуры определения происхождения, критерии классификации товаров, компетенцию органов по выдаче сертификатов происхождения и механизмы контроля и рассмотрения споров.

Согласно Протоколу, государства-участники AfCFTA обязуются применять единые продукт-специфические правила (*Product-Specific Rules – PSR*) для определенных категорий товаров [10]. Вышеуказанные правила устанавливают для каждой товарной группы конкретные критерии, которым должен соответствовать

товар, чтобы получить статус происходящего из страны-члена AfCFTA. Наряду с PSR предусмотрены также режимные (*regime-wide*) критерии, применяемые в качестве резервного механизма, если для конкретного товара отсутствует специальное правило.

Примеры продукт-специфических правил включают: требование минимального процента добавленной стоимости, созданной в странах-членах AfCFTA (*value added requirement*); требование изменения тарифной классификации при переработке (*tariff change requirement*); требование выполнения определенных технологических процессов в пределах региона (*processing requirement*).

Для использования преференциальных режимов в рамках AfCFTA экспортеры должны подтверждать происхождение товаров посредством получения сертификата установленного образца. Сертификат выдается компетентным органом, назначенным государством-участником, по заявлению экспортера или его уполномоченного представителя.

Процедура включает следующие этапы: 1) подготовка и подача декларации происхождения; 2) проверка компетентным органом соответствия товара критериям происхождения; 3) выдача сертификата (Form A или другой утвержденной формы); 4) представление сертификата в таможенный орган страны-импортера; 5) применение таможенным органом импортера преференциального тарифного режима при условии надлежащего оформления.

Сложность и формализованность этой процедуры могут снижать доступность льготных режимов для малых и средних предприятий, в особенности в развивающихся странах, и тем самым негативно сказываться на достижении целей AfCFTA.

Институциональные и экономические вызовы унификации правил происхождения в Африке. Одной из центральных проблем функционирования AfCFTA является неполнота охвата продукт-специфических правил и несогласованность их применения. Во-первых, правила происхождения разработаны для основных групп товаров, однако большой класс специализированной продукции остается без специальных критериев. Во-вторых, государства-участники, исторически применявшие различные подходы к определению проис-

хождения (например, КОМЕСА использует принцип изменения тарифной классификации, а ЭКОВАС применяет критерий добавленной стоимости), должны гармонизировать эти подходы, что требует политических компромиссов.

В-третьих, различие в интересах развивающихся и наименее развитых стран порождает противоречия при установлении степени строгости правил. Крупные экономики (Нигерия, ЮАР, Египет) заинтересованы в более строгих правилах происхождения для защиты локального производства промежуточных товаров. Напротив, наименее развитые страны (НРС) предпочитают либеральные правила, позволяющие им получать доступ к международным цепочкам добавленной стоимости и привлекать иностранные инвестиции.

Российские африканисты И. О. Абрамова [2, с. 400] и Д. А. Дегтерев [5, с. 70] подчеркивают комплексный характер асимметрии развития африканских государств. Члены AfCFTA варьируются от крупных развитых экономик (Нигерия, Южная Африка) до наименее развитых стран, включают как богатые ресурсами, так и бедные ресурсами государства. Торговая либерализация оказывает дифференцированное воздействие на эти страны, потенциально создавая асимметричные эффекты распределения, если эти различия не учитываются при разработке норм [2, с. 20]. Пробелы в инфраструктуре и информационные барьеры непропорционально сильно затрагивают малые и средние предприятия. Неравномерное распределение ресурсов и производственных мощностей требует долгосрочного сотрудничества в области инвестиционной и конкурентной политики [2, с. 280].

Данное противоречие хорошо описано в исследованиях российского правоведа М. М. Боднара, анализирующего асимметрию интересов в региональных торговых объединениях развивающихся стран [3, с. 107].

Традиционная доктрина международного права рассматривала суверенитет как абсолютное право государства на самоопределение, самостоятельное осуществление законодательной власти и исключительную юрисдикцию над внутренними делами. Афиширование абсолютного суверенитета служило основой системы Вестфальского мира и организации международных отношений.

Однако региональная интеграция под эгидой AfCFTA вносит значительные коррективы в данное понимание. Государства-участники добровольно ограничивают часть своей суверенной компетенции в области определения правил происхождения, передавая этот полномочие в пользу общих механизмов AfCFTA. Единые правила происхождения означают, что каждое государство отказывается от права самостоятельно устанавливать критерии национального происхождения товаров, подчиняясь вместо этого решениям региональных органов.

Это явление получило в науке название разделенного суверенитета (*shared sovereignty*). Суверенитет государства не исчезает, но трансформируется: он реализуется не через полный контроль над торговыми процедурами, а через участие в коллегиальном принятии решений, затрагивающих все государства-участники, и согласованное исполнение общих норм.

Российский исследователь в области международного права Р. А. Мюллерсон писал о данном феномене как о необходимой адаптации классического принципа суверенитета к реалиям постмодерного мира, где государства не могут достичь целей развития в изоляции [6, с. 15]. Концепция разделенного суверенитета (*shared sovereignty*), разработанная Мюллерсоном, не означает ослабления государства или его подчинения наднациональному центру власти, а скорее представляет собой добровольное ограничение государством своих полномочий в определенных областях (в частности, в торговой политике) с целью достижения общих благ через региональное сотрудничество. Это развивает идею, что в условиях глобальной экономики абсолютная независимость государства становится не только нереальной, но и контрпродуктивной для развития.

Развитие этой концепции в работах современных российских правоведов, в частности в анализе ЕАЭС А. Я. Капустиным, где наднациональные органы имеют координирующие, а не нормативно-установительные полномочия, показывает, что разделенный суверенитет может функционировать без создания сильного наднационального центра власти, как это произошло в Европейском союзе [7, с. 55]. Вместо этого на основе разделенного суверенитета могут быть построены более гибкие модели региональной интеграции, где координация и

согласование между государствами осуществляются через переговорные процессы с участием не только государственных органов, но и представителей гражданского общества, предпринимательских организаций и социальных партнеров.

В контексте AfCFTA разделенный суверенитет проявляется в том, что государства-участники добровольно ограничивают свою законодательную компетенцию в области определения правил происхождения и передают эту функцию в общие органы Африканского союза, но одновременно сохраняют возможность выхода из соглашения, если условия интеграции перестают отвечать их интересам, либо предусматривают двусторонние отступления от панконтинентальных норм происхождения. Это создает динамическое равновесие между национальным суверенитетом и региональной интеграцией. Ключевая особенность африканской модели по сравнению с европейской заключается в том, что власть остается в значительно большей мере приближена к национальному уровню, при этом наднациональные органы обладают преимущественно координирующими, а не нормативно-установительными полномочиями.

Практическое функционирование разделенного суверенитета в африканском контексте, как подчеркивает Капустин в своих исследованиях, требует не только юридического оформления в виде договоров и протоколов, но и развития новых механизмов контроля и мониторинга, справедливых процедур разрешения споров между участниками, а также механизмов санкционирования нарушений [4, с. 277]. Африканский опыт показывает, что для эффективного функционирования системы правил происхождения необходимо, чтобы единые правила достигались не через навязывание нормативных актов сверху вниз, но через переговорный процесс, в котором все заинтересованные стороны имели бы голос при формировании норм, которые затем должны реализовываться на практике.

Классическая норма *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться) в контексте AfCFTA приобретает новое содержание. Если традиционный подход требовал статичного, формального соблюдения договорных обязательств, то в рамках AfCFTA возникает дина-

мический механизм исполнения, предполагающий гибкость, адаптируемость и переходные периоды.

Соглашение AfCFTA предусматривает механизмы: выдачи отсрочек и льгот для наименее развитых стран при внедрении отдельных обязательств; создания специальных комитетов по гармонизации и адаптации правил; разрешения споров между государствами с возможностью согласованного пересмотра применяемых норм; переходных периодов, позволяющих странам постепенно адаптировать свое национальное законодательство к требованиям AfCFTA.

Таким образом, обязательность договора трансформируется из жесткого нормативного требования в адаптивный и гибкий механизм, позволяющий сбалансировать единство региональной системы с учетом различных уровней экономического развития участников.

Традиционный принцип равноправия государств в международном праве утверждает формальное равенство всех членов международного сообщества независимо от размера, экономической мощи, уровня развития и иных показателей. Это воплощается в принципе «*one state – one vote*» в органах международных организаций и в признании суверенного равенства государств в международных договорах.

AfCFTA вводит концепцию материального, или инклюзивного, равенства, которая признает фактическую асимметричность экономического развития и создает специальные механизмы для ее нивелирования: дифференцированные сроки внедрения обязательств для наименее развитых стран; специальные преференциальные режимы доступа на рынки для НРС; программы технической помощи и трансферта технологий; льготы при определении происхождения товаров для товаров, производимых в НРС; гибкое применение правил происхождения в зависимости от уровня развития страны.

Таким образом, равноправие перестает быть исключительно формальной процедурой и становится инструментом достижения материальной справедливости в региональной интеграции. Это отражает эволюцию в международно-правовой доктрине, которая, как отмечает российский ученый А. Х. Абашидзе, характеризуется признанием необходимости дифференциации прав и обязанностей госу-

дарств в зависимости от их конкретных возможностей и потребностей [1, с. 99].

Традиционная концепция иерархии источников международного права строилась на основе жесткого разделения: международные договоры выше национального права, резолюции международных организаций имеют определенный статус. AfCFTA порождает сложную многоуровневую систему источников: Устав Африканского союза и основополагающие документы (верхний уровень); Соглашение об учреждении AfCFTA и его протоколы; Решения региональных экономических сообществ (КОМЕСА, ЭКОВАС, САДК и др.), которые являются строительными блоками AfCFTA; национальные конституции и законодательство государств-участников; решения региональных органов разрешения споров и комитетов гармонизации; судебные прецеденты африканских судов; мягкое право (*soft law*) в виде деклараций, рекомендаций и руководств.

Возникает конкурирующая иерархия норм, где национальное право, региональное право и наднациональные нормы вступают в диалог, требующий новых доктринальных подходов к коллизионному регулированию. В этой ситуации конституции государств-участников остаются высшей нормой национального права, однако они вынуждены включать нормы, обязывающие имплементировать положения AfCFTA, создавая тем самым своеобразный механизм косвенного подчинения национального права региональным и наднациональным нормам.

Революционным аспектом AfCFTA является его попытка встроить в торговое право элементы защиты прав человека, трудовых стандартов и охраны окружающей среды. Это означает трансформацию торгового права из чисто экономической сферы в интегрированную систему, связанную с правами человека и целями устойчивого развития. Протоколы AfCFTA содержат положения, требующие от государств-участников: соблюдения минимальных стандартов трудовых прав (запрет на детский труд, принудительный труд, право на свободу объединения); внедрения минимальных экологических стандартов при производстве товаров, предназначенных для экспорта; обеспечения справедливого доступа на рынки независимо от пола, расы, национальности;

содействия достижению целей устойчивого развития ООН.

Таким образом, мягкое право (*soft law*) элементы встраиваются в обязательные торговые стандарты, создавая прецедент, при котором этические и социально-экологические ценности становятся неотделимой частью торгового режима.

Правила происхождения товаров в Африканской континентальной зоне свободной торговли (AfCFTA) являются не просто техническим инструментом администрирования торговых преференций, но становятся катализатором глубокой трансформации норм публичного международного права и национального конституционализма.

Во-первых, введение единых правил происхождения демонстрирует эволюцию концепции суверенитета от абсолютного права государства к разделенному суверенитету, при котором государства добровольно ограничивают часть своей законодательной компетенции в целях достижения региональных интеграционных целей. Это отражает объективные тенденции развития международного права и международных отношений в XXI веке.

Во-вторых, трансформируется понимание обязательности международных договоров: от жесткого формального требования к динамическому механизму, предусматривающему гибкость, переходные периоды и адаптацию к различиям в развитии государств-участников.

В-третьих, AfCFTA формирует многоуровневую систему источников права, требующую новых подходов к коллизионному регулированию и согласованию национального и наднационального правопорядков.

В-пятых, торговое право встраивает элементы защиты прав человека, трудовых стандартов и экологических норм, превращая ее из чисто экономической области в этически и социально нагруженную систему.

Успешное функционирование AfCFTA зависит не только от технической совершенности правил происхождения, но и от того, насколько эффективно государства-участники смогут разрешить противоречие между либерализацией торговли и защитой национальных интересов развивающихся экономик, между региональной интеграцией и национальным суверенитетом, между экономической эффективностью и социальной справедливостью.

Основные выводы и предложения. Проведенное исследование выявляет, что правила происхождения товаров в Африканской континентальной зоне свободной торговли (AfCFTA) выходят далеко за пределы технического администрирования торговых преференций и являются эффективным инструментом трансформации фундаментальных норм публичного международного права и национального конституционного порядка.

Введение единых континентальных правил происхождения демонстрирует объективную эволюцию концепции государственного суверенитета от абсолютного права на самоопределение к модели разделенного суверенитета, при которой государства добровольно ограничивают часть своих полномочий в целях достижения интеграционных благ.

В отличие от ЕС, где такая передача полномочий сопровождалась созданием мощного наднационального центра, в африканском контексте разделенный суверенитет реализуется через гибкие механизмы координации. Это подтверждает, что концепция разделенного суверенитета, теоретически обоснованная в работах А. Я. Капустина, имеет универсальный характер и может быть реализована различными способами.

Система правил происхождения демонстрирует возможность адаптивного механизма исполнения договорных обязательств с переходными периодами, дифференцированными сроками внедрения для групп государств с различными уровнями развития, механизмами согласованного пересмотра норм и возможностью временных исключений.

Такой подход не ослабляет обязательную силу договора, а скорее эволюционирует в направлении более чувствительного к реальностям развивающихся экономик механизма.

AfCFTA вводит концепцию материального равенства, которая признает фактическую асимметричность экономического развития и создает специальные механизмы ее коррекции. Признание необходимости дифференциации прав и обязанностей государств в зависимости от их конкретных возможностей и потребностей, как указывает А. Х. Абашидзе, становится не исключением, а новой нормой международного права.

AfCFTA создает сложную систему, в которой континентальные нормы, решения субре-

гиональных организаций, национальное законодательство и судебные прецеденты вступают во взаимодействие. Национальные конституции остаются высшей нормой национального правопорядка, но они вынуждены включать механизмы имплементации норм AfCFTA, создавая компромисс между конституционным верховенством и региональной интеграцией.

Список использованных источников

1. Абашидзе А. Х. Африканская система защиты прав человека и народов: учебное пособие для вузов / под ред. А. Х. Абашидзе. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024. 138 с. URL: <https://urait.ru/bcode/545382> (дата обращения: 22.11.2025).

2. Абрамова И. О., Фитуни Л. Л. Вопросы современной африканистики и проблемы развития. М.: ИАФР РАН, 2022. 480 с.

3. Боднар М. М. Асимметрия интересов в региональных торговых объединениях развивающихся стран: конституционные аспекты // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2021. № 4. С. 105–122.

4. Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование): монография / И. И. Шувалов, Т. Я. Хабриева, А. Я. Капустин и др.; под редакцией академика РАН Т. Я. Хабриевой. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2014. 333 с. DOI: 10.12737/4130.

5. Дегтерев Д. А. «Африканская агентность» в конструировании «африканской агентности»: международные исследования на Черном континенте // Международная аналитика. 2024. Т. 15, № 2. С. 57–73. DOI: 10.46272/2587-8476-2024-15-2-57-73.

6. Каланда В. А. О трансформации норм международного права в правовую систему Российской Федерации (конституционно-правовой анализ) // Московский журнал международного права. 1994. № 3. С. 12–27. DOI: 10.24833/0869-0049-1994-3-12-27.

7. Капустин А. Я. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 59–69.

8. Костюнина Г. М. Направления и результаты формирования Африканской континентальной зоны свободной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 4. С. 33–47. DOI: 10.24412/2072-8042-2020-00033.

9. African Union. Agreement Establishing the African Continental Free Trade Area (AfCFTA). Kigali, 2018. URL: <https://au.int/en/treaties/african-continental-free-trade-area-agreement> (дата обращения: 30.10.2025).

10. African Union. Protocol on Trade in Goods. Annex 2: Rules of Origin. 2018. URL: <https://au.int/en/documents/protocols> (дата обращения: 30.10.2025).

References

1. Abashidze A. Kh. (Ed.) The African System for the Protection of Human and Peoples' Rights: A Textbook for Universities. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing house, 2024. 138 p. Available at: <https://urait.ru/bcode/545382> (date of access: 22.11.2025) [in Russ.]

2. Abramova I. O., Fituni L. L. Issues of Contemporary African Studies and Problems of Development. Moscow: Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences, 2022. 480 p. [in Russ.]

3. Bodnar M. M. Asymmetry of Interests in Regional Trade Associations of Developing Countries: Constitutional Aspects. *Constitutional Law: East European Review*. 2021. No. 4. P. 105–122 [in Russ.]

4. Shuvalov I. I., Khabrieva T. Ya., Kapustin A. Ya., et al. Globalization and Integration Processes in the Asia-Pacific Region (Legal and Economic Research): Monograph. Edited by Academician of the Russian Academy of Sciences T. Ya. Khabrieva. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, 2014. 333 p. DOI: 10.12737/4130 [in Russ.]

5. Degterev D. A. "African Agency" in the Construction of "African Agentivity": International Research on the Black Continent. *International Analytics*. 2024. Vol. 15, No. 2. P. 57–73. DOI: 10.46272/2587-8476-2024-15-2-57-73 [in Russ.]

6. Kalanda V. A. On the Transformation of International Law Norms into the Legal System of the Russian Federation (Constitutional and Legal Analysis). *Moscow Journal of International Law*. 1994. No. 3. P. 12–27. DOI: 10.24833/0869-0049-1994-3-12-27 [in Russ.]

7. Kapustin A. Ya. Law of the Eurasian Economic Union: International Legal Discourse. *Journal of Russian Law*. 2015. No. 11. P. 59–69 [in Russ.]

8. Kostyunina G. M. Directions and Results of the Formation of the African Continental Free Trade Area. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2020. No. 4. P. 33–47. DOI: 10.24412/2072-8042-2020-00033 [in Russ.]

9. African Union. Agreement Establishing the African Continental Free Trade Area (AfCFTA). Kigali, 2018. Available at: <https://au.int/en/treaties/african-continental-free-trade-area-agreement> (date of access: 30.10.2025).

10. African Union. Protocol on Trade in Goods. Annex 2: Rules of Origin. 2018. Available at: <https://au.int/en/documents/protocols> (date of access: 30.10.2025).

Поступила в редакцию 09.12.2025
Received December 09, 2025

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

УДК 34.347

DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-8

Кулик Татьяна Юрьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского
процессуального и трудового права,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: tkulik@sfedu.ru

Kulik, Tatiana Yu.,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department
of Civil Procedure and Labor Law,
Law Faculty, Southern Federal University
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: tkulik@sfedu.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОСУДЕБНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

SOME ISSUES OF PRE-TRIAL DISPUTE SETTLEMENT IN THE ARBITRATION PROCESS

АННОТАЦИЯ. Досудебный порядок урегулирования споров давно известен как средство, позволяющее сторонам конфликта избежать обращения в суд, а также, что немаловажно в экономической сфере, сохранить взаимоотношения с контрагентами в будущем. С недавних пор в арбитражном процессе досудебный порядок урегулирования споров стал условием обращения за судебной защитой. А Верховный Суд РФ, понимая важность этого порядка, в обобщающем постановлении скомпилировал основные выводы, которые сформировались при рассмотрении дел в арбитражных судах и судах общей юрисдикции. Тем не менее интересными остаются ряд вопросов, касающихся применения досудебного порядка урегулирования споров. Так, законодатель исключил такой порядок применительно к некоторым категориям дел. Однако если ряд дел не вызывают сомнений, другие потенциально могут быть урегулированы во внесудебном порядке. В статье приведен анализ особенностей досудебного порядка урегулирования споров и рассмотрена возможность его применения к некоторым делам, до сих пор исключенным законодателем из этого перечня.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: арбитражный процесс, досудебное урегулирование споров, право на обращение в суд, примирительные процедуры, переговоры, медиация

ABSTRACT. Pre-trial dispute resolution has long been known as a means of allowing parties to a conflict to avoid going to court and, which is important in the economic sphere, to maintain relationships with counterparties in the future. Recently, pre-trial dispute resolution has become a condition for seeking judicial protection in arbitration proceedings. And the Supreme Court of the Russian Federation, understanding the importance of this procedure, compiled the main conclusions that were formed during the consideration of cases in arbitration courts and courts of general jurisdiction in a summary ruling. Nevertheless, a number of issues related to the application of pre-trial dispute resolution remain interesting. Thus, the legislator excluded such a procedure with respect to certain categories of cases. However, if a number of cases are not in doubt, others can potentially be settled out of court. The article provides an analysis of the features of the pre-trial dispute resolution procedure and considers the possibility of its application to certain cases that have so far been excluded from this list by the legislator.

KEYWORDS: arbitration process, pre-trial dispute resolution, right to appeal to court, conciliation procedures, negotiations, mediation

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Кулик, Т. Ю. Некоторые вопросы досудебного урегулирования споров в арбитражном процессе / Т. Ю. Кулик. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 59–63. – DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-8

FOR CITATION:

Kulik, T. Yu. (2026) Some Issues of Pre-Trial Dispute Settlement in the Arbitration Process. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 13(1): 59–63 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-8

Введение. В случае возникновения конфликта первое, что сразу приходит в голову конфликтующим сторонам, – возможность обратиться к лицу, которое своим волевым решением сразу решит все проблемы и уладит все спорные вопросы, которые к конфликту привели. Конечно, переложить ответственность за принятие решения на другое – независимое, лицо видится наиболее оптимальным, поскольку снижает ответственность самих сторон. Всегда можно сказать, что третье лицо некомпетентно, неправильно разобралось в ситуации, снисходительно отнеслось к оппоненту, и привести иные аргументы, которые могли бы оправдать нежелание самостоятельно разбираться в возникшем споре. Однако, как показывает практика и подтверждают психологи, в таком случае риск неисполнения решения, принятого другим лицом, многократно возрастает. Именно самостоятельно принятое решение, если не гарантирует, то повышает процент выполнения взятых на себя обязательств. Кроме того, субъекты экономической деятельности, споры между которыми и рассматривают арбитражные суды, должны уметь правильно оценивать риски, взятые на себя, строить взаимоотношения со своими контрагентами, рассчитывать последствия, к которым может привести их поведение (добросовестное или недобросовестное). Поэтому многие положения арбитражного процесса изначально были рассчитаны на самостоятельных инициативных субъектов спора, которые могут и должны быть заинтересованы в скорейшем его разрешении. Поэтому закрепление обязательного досудебного порядка урегулирования споров для большинства споров, вытекающих из гражданских правоотношений, стало логичным продолжением тенденции процессуального законодательства, направленной на стимулирование примирения сторон.

Понятие досудебного урегулирования споров. Досудебное урегулирование споров явля-

ется давно известным способом разрешения конфликтов, который позволяет достичь сразу нескольких целей, главные из которых – сокращение количества дел, рассматриваемых судами, и стимулирование добросовестных действий сторон конфликта по его самостоятельному урегулированию. Что касается дефиниции, то несмотря на то, что сам термин встречается неоднократно в действующих нормативных правовых актах, законодатель предпочел не закреплять ее в законодательстве.

В науке понимание досудебных процедур урегулирования спора долгое время оставалось достаточно дискуссионным. Точки зрения об их правовой природе прошли эволюцию от предпосылок права на судебную защиту в советском гражданском процессе до специальной предпосылки или условия реализации этого права в современном процессуальном праве [2, с. 101; 3, с. 37]. В арбитражном процессе, становление которого едва ли можно исчислять ранее середины 90-х годов прошлого столетия, роль досудебного порядка не может оцениваться сколь-нибудь значимой до принятия современного Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ). Действительно, в рамках плановой экономики, когда взаимодействие субъектов права было ограничено рамками, определяемыми компетентными органами государственной власти, обращение в суд хозяйствующих субъектов было, скорее, исключением из правил. Отсутствие системы арбитражных судов компенсировалось органами Госарбитража, которые и рассматривали споры между хозяйствующими субъектами. Именно эти органы выполняли роль лица, принимающего обязательное для исполнения решение. Соответственно, речи о досудебном урегулировании спора не шло.

И только после принятия Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), который уже в ст. 1 четко обозначил равенство и самостоятельность субъектов, вступающих в гражданских

правоотношения, свободу договора и действия их своей волей и в своих интересах в качестве основных принципов гражданского права, актуальным стало и стимулирование добросовестных действий участников гражданских правоотношений, направленных на разрешение конфликтных ситуаций. Осознанный и грамотный подход к заключению договоров, надлежащему исполнению обязательств, реализации своих прав на расторжение и изменение договора должен быть стать базой для развития гражданского права и смежных с ним отраслей, среди которых особое место занимают предпринимательское, корпоративное, коммерческое право, как отрасли, регулирующие отношения субъектов экономической деятельности. Устойчивое развитие общественных отношений невозможно без осознанного подхода субъектов этих отношений к своему поведению. Поэтому досудебный порядок стал тем звеном, которое призвано обеспечить такой подход.

Учитывая, что досудебный порядок урегулирования споров является важным условием, соблюдение которого необходимо для обращения в арбитражный суд, Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» (далее – Постановление № 18) [6] закрепил определение, которое может быть использовано в качестве критериев соблюдения этого порядка. Во-первых, он должен быть инициирован до обращения в суд. Это означает любое обращение с просьбой рассмотреть дело, которое осуществляется в порядке, закрепленном процессуальным законодательством Российской Федерации. Именно темпоральный аспект является ключевым при оценке соблюдения досудебного урегулирования спора. Во-вторых, несмотря на то, что Верховный Суд РФ приводит несколько вариантов досудебного урегулирования споров – с обращением и без обращения к третьему (независимому) лицу или даже органу, по сути, все они должны быть реализованы по взаимной инициативе и с участием всех сторон конфликта. Невозможно урегулировать спор, если в этом процессе не задействованы все его стороны. И даже бездействие одной из сторон (напри-

мер, нежелание участвовать в переговорах, отсутствие ответа на претензию) свидетельствует об отсутствии намерения разрешить спор. В-третьих, из анализируемого пункта Постановления № 18 следует, что это должны быть активные действия сторон, точнее, процесс, процедура, целью которой является согласование вопросов, возникших в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением обязательств или обязанностей, возложенных законодательством. Направленность таких действий должна сводиться не просто к уведомлению своих оппонентов о недовольстве их действиями (бездействием), а к попытке устранить спорные вопросы. Такой вывод следует из п. 4 Постановления № 18.

Таким образом, именно все эти условия в совокупности должны оцениваться судами при оценке соблюдения условия реализации права на обращение в суд.

Если анализировать нормы законодательства, в которых закрепляется обязательный досудебный порядок урегулирования споров, то можно увидеть, что акцент делается как раз на попытке достигнуть соглашения, не доводя дело до обращения в компетентный судебный орган. Досудебный порядок не просто сместил приоритет в сторону уменьшения количества рассматриваемых судами дел (цель, достижение которой можно рассматривать только гипотетически, анализируя данные судебной статистики после его введения и прогнозируя, какое количество споров в судах могло бы быть – ведь статистика досудебных отношений не ведется). Досудебный порядок, в первую очередь, нацелен на поддержание разумных взаимоотношений между сторонами даже после того, как возник конфликт. И задачи, которые закреплены в процессуальных кодексах, подразумевающие сохранение партнерских отношений в будущем и формирование соответствующей практики регулирования правоотношений в той или иной области, можно имплементировать и на сферу досудебного урегулирования споров. Действительно, обращаясь к предложенным механизмам урегулирования (претензионному порядку, переговорам, или прибегая к помощи медиатора), стороны показывают свою добросовестность, желание достигнуть соглашения самостоятельно, без вмешательства органа или лица, которые навязывают обязательное

для исполнения и не всегда выгодное решение. Наоборот, досудебные механизмы позволяют выбрать только те условия, которые выгодны всем сторонам конфликта. Несомненно, они не будут столь выгодны как надлежащее исполнение обязательств. Несомненно, раз зашла речь о конфликте, стороны вынуждены будут в чем-то идти на уступки. Но досудебный порядок урегулирования возникшего спора имеет все шансы сохранить взаимоотношения сторон в будущем, показав добросовестность и разумность спорящих (конечно, если таковые имеются изначально).

Описанные преимущества в теории имеют значительный перевес перед судебным рассмотрением спора. Но на практике роль досудебного порядка сводится в настоящее время к необходимому условию обращения в суд, которое выполняется сторонами спорного правоотношения, скорее, как вынужденная мера, без которой исковое заявление будет возвращено. К сожалению, расчет на добросовестность спорящих сторон конфликта не просто не всегда оправдан, но и зачастую вообще отсутствует. А принципы, которые заложены в основу гражданско-правового регулирования (а именно в этой сфере досудебный порядок урегулирования споров в большинстве отношений является обязательным), так и остаются принципами, закрепленными лишь в нормативных актах. Тем не менее в будущем видится расширение сферы досудебного урегулирования споров.

В связи с этим интересным является возможность распространения обязательного досудебного порядка не некоторые категории дел, которые в настоящее время из него исключены. Так, ст. 4 АПК РФ разрешает обращение в арбитражный суд, минуя досудебный порядок, по корпоративным спорам.

Как уже указывалось ранее, досудебный порядок чаще всего применяется в гражданско-правовых отношениях, базовыми принципами правового регулирования которых является равенство сторон, свобода договора и другие диспозитивные начала, которые позволяют сторонам таких отношений действовать своей волей и в своих интересах. И даже по делам, возникающим из публичных правоотношений, досудебное урегулирование конфликта возможно только там, где потенциально допускаются некая самостоятельность и диспози-

тивность. Следовательно, ключевым моментом для использования механизмов самостоятельного урегулирования спора является необходимая степень этой самостоятельности: в каких-то отношениях – больше, в каких-то – меньше, но она должна присутствовать. Это вполне объяснимо. Лицо не может договариваться, не имея оно возможности идти на уступки и принимать уступки с другой стороны. Если какая-то норма сформулирована императивно (например, обязательная государственная регистрация перехода права собственности на недвижимое имущество), то и договориться о том, что она может быть изменена под конкретное правоотношение, возможности нет. Поэтому все споры решаются только в административном или судебном порядке в зависимости от подведомственности дела.

В то же время перечень корпоративных споров достаточно обширен [1, с. 136]. Не будучи закреплен в ст. 225.1 АПК РФ исчерпывающим образом, он все равно дает представление о том, что некоторые корпоративные споры, исключая участие публично-властного субъекта (органа государственной власти, нотариуса и т. п.), могут подразумевать и попытку самостоятельного их урегулирования. И действительно все корпоративные споры могут быть поделены на две группы в зависимости от наличия в них публично-правового элемента [4, с. 2; 5, с. 14]. Тем более, что в корпоративных правоотношениях вполне допустимы гражданско-правовые начала правового регулирования. Нисколько не умаляя значение корпоративного права как самостоятельной отрасли и не вдаваясь в дискуссию относительно ее самостоятельности, этим вопросам посвящено достаточно статей, нельзя не признавать, что основы корпоративных правоотношений заложены в гражданском праве, а основы корпоративного законодательства берут начало в гражданском законодательстве. Поэтому решение исключить все корпоративные споры из перечня дел, требующих соблюдения досудебного порядка урегулирования споров, не столь однозначно.

Да и сам термин «споры», который использует законодатель, подтверждает наличие состоящих сторон, которые заинтересованы в разрешении возникшего конфликта. Гражданско-правовые начала корпоративных отношений свидетельствуют о том, что участ-

ники корпоративного спора могут самостоятельно урегулировать спор. Диспозитивные начала позволяют участникам корпоративных юридических лиц договориться, устранив или смягчив причины и последствия корпоративного конфликта. Корпоративные соглашения не только допустимы в процессе управления юридическим лицом, но и могут послужить эффективным механизмом разрешения корпоративных споров.

Заключение. Таким образом, исключение из перечня дел, требующих соблюдения обязательного досудебного урегулирования, всех корпоративных споров, как это предусмотрено в ст. 4 АПК РФ, требует уточнения. Те споры, которые имеют преимущественно гражданско-правовую природу, вполне могут быть урегулированы на досудебной стадии. В противном случае лицо вправе будет обратиться в суд. Но обязательность досудебного порядка применительно к некоторым корпоративным спорам позволит стимулировать участников корпоративных правоотношений к действиям, которые обеспечат стабильность корпоративных отношений и осознанность их участников.

Список использованных источников

1. Андреев В. К., Липтев В. А. Корпоративное право современной России: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. 432 с.
2. Ивакин В. Н. О правовой природе досудебного урегулирования спора, или Еще один спорный вопрос теории гражданского процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12. С. 101–106.

3. Луконина Ю. А. Правовая природа досудебного порядка урегулирования спора в цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 10. С. 37–41.

4. Михайлова Е. В. О критериях разграничения процессуальных форм защиты субъективных гражданских прав и законных интересов в Российской Федерации // Российская юстиция. 2024. № 2. С. 14–22.

5. Михайлова Е. В. Процессуальная форма разрешения корпоративных споров: материальный и процессуальный аспекты // Администратор суда. 2024. № 4. С. 2–6.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // Российская газета. 02.07.2021. № 144.

References

1. Andreev V. K., Liptev V. A. Corporate law of modern Russia: monograph. 3rd ed., revised and expanded. Moscow: Prospekt, 2023. 432 p. [in Russ.].
2. Ivakin V. N. On the legal nature of pre-trial dispute settlement, or another controversial issue of the theory of civil procedural law. *Actual Problems of Russian Law*. 2017. No. 12. P. 101–106 [in Russ.].
3. Lukonina Yu. A. Legal nature of the pre-trial dispute settlement procedure in civil proceedings. *Arbitration and Civil Procedure*. 2023. No. 10. P. 37–41 [in Russ.].
4. Mikhailova E. V. On criteria for distinguishing procedural forms of protection of subjective civil rights and legitimate interests in the Russian Federation. *Russian Justice*. 2024. No. 2. P. 14–22 [in Russ.].
5. Mikhailova E. V. Procedural form of resolving corporate disputes: substantive and procedural aspects. *Court Administrator*. 2024. No. 4. P. 2–6 [in Russ.].
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 22, 2021 No. 18 “On certain issues of pre-trial settlement of disputes considered under civil and arbitration proceedings”. *Rossiyskaya Gazeta*. 2021. No. 144 (July 2) [in Russ.].

Поступила в редакцию 27.08.2025

Received August 27, 2025

Левашов Владимир Константинович,
преподаватель кафедры гражданского
права и процесса, юридический
факультет, Федеральное государственное
автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный
исследовательский Нижегородский
государственный университет
им. Н. И. Лобачевского» (ННГУ),
603022, г. Нижний Новгород,
пр-т Гагарина, д. 23,
email: vovl99@mail.ru

Levashov, Vladimir K.,
Lecturer
at the Civil Law
and Process Department,
Law Faculty,
National Research Lobachevsky
State University
of Nizhni Novgorod (UNN),
23 Gagarin Ave.,
Nizhny Novgorod,
603950, Russian Federation,
email: vovl99@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ СВЕДЕНИЙ О РУКОВОДИТЕЛЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ДЛЯ ТРЕТЬИХ ЛИЦ

ON THE ISSUE OF THE IMPORTANCE OF STATE REGISTRATION OF INFORMATION ABOUT THE CHIEF EXECUTIVE OFFICER OF A LEGAL ENTITY FOR THIRD PARTIES

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу вопроса о том, какие правовые последствия порождает факт внесения в государственный реестр сведений о лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица, для взаимоотношений между юридическим лицом и третьими лицами. Делается вывод о том, что продвигаемый в настоящее время в судебной практике негативный подход, позволяющий признавать ничтожными действия руководителя (в том числе по отношению к добросовестным третьим лицам), сведения о котором размещены в государственном реестре, не соответствует логике корпоративного права. Предлагается заменить этот подход позитивным, предполагающим купировать появление несоответствующих действительности сведений в государственном реестре посредством обращения к механизму внесения отметок о недостоверности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юридические лица, реестр юридических лиц, публичная достоверность, директор, добросовестность

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Левашов, В. К. К вопросу о значении государственной регистрации сведений о руководителе юридического лица для третьих лиц / В. К. Левашов. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 64–69. – DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-9

ABSTRACT. The article analyses the legal consequences of the fact of entering into the register of legal entities information about a chief executive officer generates for the relations between the legal entity and third parties. It is concluded that the negative approach currently promoted in courts practice, which allows invalidating the actions of a director (including in relation to bona fide third parties), information about whom is posted in the state register, does not correspond to the logic of corporate law. It is proposed to replace this approach with a positive one, which assumes stopping the appearance of inconsistent information in the state register by a mechanism for making notes on unreliability.

KEYWORDS: legal entities, register of legal entities, public authenticity, director, good faith

FOR CITATION:

Levashov, V. K. (2026) On the Issue of the Importance of State Registration of Information about the Chief Executive Officer of a Legal Entity for Third Parties. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 13(1): 64–69 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-9

Существует несколько подходов к определению последствий государственной регистрации для третьих лиц. Один из них основывается на том, что без регистрации соответствующие отношения не могут ни возникнуть, ни измениться, ни прекратиться (конститутивная, правоустанавливающая регистрация). Другой основывается на том, что роль регистрации – подтвердить уже возникшие юридические отношения, создать фикцию их всеобщей известности (декларативная, правоподтверждающая регистрация) [1, с. 74–75]. В дальнейшем каждый из этих подходов может быть также подразделен на негативный, то есть лишаящий реестровую запись какого-либо значения в случае обнаружения порочности лежащего в основании записи волеизъявления, и позитивный, то есть защищающий доверие третьих лиц к реестру даже в том случае, когда соответствующая запись была внесена в него по ошибке [1, с. 80–82].

В российском правопорядке личность директоров компаний была подчинена особым правилам о гласности еще в XIX столетии, когда акционерные компании были обязаны публиковать в ведомостях информацию о произошедших переменах в составе правления компании (ст. 2178 Свода законов гражданских (Том X Свода законов Российской империи)), а полные товарищества и товарищества на вере для начала торговой деятельности были обязаны предоставлять в соответствующую управу информацию обо всех товарищах, составляющих соответствующее объединение (ст. 59 и 60 Устава торгового (Том XI Свода законов Российской империи)). В то же время в завершеном виде система государственной регистрации сведений о руководителях юридических лиц так и не сложилась, а произошедшее после окончания НЭПа полное огосударствление экономики привело к почти полному запрету даже индивидуальной предпринимательской (торговой) деятельности к 1936 году [13], что сделало саму идею государственной регистрации ненужной, и она была полностью отменена в 1956 году [1, с. 73].

Изменения произошли лишь в 1990-е годы, с завершением активного возвращения к рыночной экономике, когда момент возникновения юридического лица как субъекта права был вновь связан с моментом его государственной

регистрации (п. 3 ст. 13 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 года [9]; в дальнейшем аналогичная по смыслу норма вошла в состав ст. 51 Гражданского кодекса Российской Федерации 1994 года [3] (далее – ГК РФ)). Наряду с федеральным законом от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [14] (далее – закон о регистрации юридических лиц) эти нормативно-правовые акты заложили основу современной системы государственной регистрации юридических лиц, оставив, впрочем, без ответа вопрос о значении этой регистрации для третьих лиц.

Одни исследователи, например Н. Б. Щербаков, придавали ей конститутивное значение: как правоспособность юридического лица возникает только с момента его государственной регистрации, так и «право выступать в гражданском обороте от имени юридического лица», «право представлять юридическое лицо в отношениях с третьими лицами» у конкретного субъекта возникает лишь «при внесении записи в реестр» [17, с. 408].

Применительно к некоммерческим организациям легальное закрепление этот подход нашел в 2006 году с внесением изменений в федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [15] (далее – ФЗ об НКО), в соответствии с которым любые изменения, вносимые в сведения, указанные в п. 1 ст. 5 закона о регистрации юридических лиц, приобретают юридическую силу со дня их внесения в единый государственный реестр юридических лиц (п. 4 ст. 23). Применительно к коммерческим организациям аналогичное положение никогда в закон не включалось, однако практика регистрирующих органов в какой-то момент стала исходить именно из этого подхода [17, с. 424].

Против, однако, выступила судебная власть. В том же 2006 году Президиум Высшего Арбитражного суда РФ указал, что «закон не связывает возникновение либо прекращение полномочий единоличного исполнительного органа с фактом внесения в государственный реестр таких сведений» [10]. В 2025 году эту позицию фактически поддержал Конституционный суд РФ, отметив, что иное бы приводило к отстранению соответствующих юридических лиц и

их руководителей от участия в хозяйственной и иной деятельности «по сугубо формальным, не имеющим разумного оправдания, причинам» [11].

Таким образом, в России благодаря прецедентной практике высших судебных инстанций сложилась именно декларативная система государственной регистрации сведений о единоличном исполнительном органе [1, с. 74; 5]. Открытым остается лишь вопрос о ее позитивном или негативном характере.

С одной стороны, помещенные в реестр юридических лиц сведения, несмотря на декларативный характер регистрации, должны обладать свойством публичной достоверности, ведь закон прямо закрепляет, что третьи лица вправе исходить из соответствия действительности данных реестра, запрещая юридическому лицу ссылаться на данные, не включенные в реестр, а также на недостоверность данных, содержащихся в нем (абз. 2 п. 2 ст. 51 ГК РФ); только лицо, которому было известно о несоответствии действительности размещенных данных (недобросовестное лицо), не должно иметь права противопоставить сведения из реестра юридическому лицу. Такой подход полностью укладывается в рамки позитивной концепции.

С другой стороны, судебная практика толкует данную норму иначе, корректируя правила о публичной достоверности не только оговоркой о добросовестности, но и оговоркой о непротивопоставимости сведений, включенных в реестр в результате неправомερных действий третьих лиц или иным путем помимо воли юридического лица [12 (абз. 2 п. 22 и абз. 2 п. 122)]. Например, избрание единоличного исполнительного органа недостаточным большинством голосов судебной практикой рассматривается как однозначное свидетельство о ничтожности действий такого руководителя для третьих лиц даже в том случае, когда сведения о нем были включены в реестр, а третьи лица не могли знать об их порочности [6 (п. 13)].

Каждый из подходов имеет как своих сторонников, так и противников среди исследователей. Так, Р. С. Бевзенко, оправдывая негативный подход, утверждает, что он «является продолжением общеправового принципа недопустимости вменения лицу правовых последствий, образовавшихся вследствие действий, не находившихся в сфере его контроля» [1,

с. 86], в силу чего предлагает идти еще дальше и применять по аналогии ст. 302 ГК РФ, позволяя истребовать в качестве неосновательного обогащения со всякого, в том числе «добросовестно полагавшегося на записи реестра» лица, имущество, которое было приобретено по безвозмездной сделке, заключенной с «неуполномоченным директором», находя такое решение с точки зрения политики права «целесообразным» [1, с. 86–87].

Другие исследователи хотя и признают, что при позитивном подходе достаточно только выписки из реестра, чтобы «сделать мошенника для третьих лиц (контрагентов) управомоченным отчуждателем», но оговаривают, что нельзя «поставить действительность этих сделок в зависимость от пороков, имевших место при государственной регистрации», даже если «были представлены подложные документы», поскольку так бы «мы возложили на контрагентов любого юридического лица непосильное бремя проверки полномочий отчуждателей в ситуации, когда государственные реестры не имеют никакого решающего значения» [17, с. 418].

На наш взгляд, несмотря на наличие определенной «справедливости» в негативном подходе, он с цивилистической точки зрения не является корректным, а решаемая с его помощью проблема относится скорее к сфере административного или уголовного права, но не гражданского.

Правила ст. 302 ГК РФ ни в коем случае исторически не были рассчитаны на правоотношения с участием юридических лиц, с присутствием последним сложным механизмом волеобразования и волеизъявления [16]. Исходя из буквального смысла этой нормы, ее применение возможно по отношению к юридическому лицу только в отношении конкретного представителя (будь то руководитель или какое-либо иное лицо), но ни в коем случае не ко всей цепочке волеобразующих и волеизъявляющих факторов юридического лица, существование и действие которых остаются за рамками этой нормы.

Специфически же корпоративные правила негативного подхода не знают. Так, грубые нарушения, допущенные при создании юридического лица, являются основанием для его ликвидации лишь в случае их неустранимо-

сти (подп. 1 п. 3 ст. 61 ГК РФ), вследствие чего юридическое лицо продолжает существовать до момента внесения сведений о его прекращении (п. 9 ст. 63 ГК РФ). Этим корпоративная недействительность отличается от недействительности сделок, которая наступает с момента совершения, вне зависимости от того, признается ли эта сделка ничтожной в силу закона или только по решению суда (абз. 1 п. 1 ст. 167 ГК РФ). Вследствие этого абсолютно оправданной является позиция, в соответствии с которой сама по себе недействительность государственной регистрации юридического лица «не является основанием для того, чтобы считать ничтожными сделки этого юридического лица, совершенные до признания его регистрации недействительной» [4].

Не знают негативного подхода и нормы законодательства о регистрации юридических лиц, несмотря на описание трех видов недостоверных сведений («техническая ошибка», «ошибка», «описка и ошибка»), исправление которых без какой-либо проверки осуществляется по особым правилам [2, с. 214–226]. В то же время закону известна отметка о недостоверности внесенных сведений, которая может быть внесена в реестр по заявлению любого заинтересованного лица на основании проведенной проверки (п. 6 ст. 11 закона о регистрации юридических лиц) или без таковой (п. 5 ст. 11 закона о регистрации юридических лиц) [7 (п. 2.1)]. Если не брать во внимание законодательный пробел, в результате которого при судебном оспаривании внесенных в реестр юридических лиц сведений как недостоверных (абз. 2 п. 6 ст. 51 ГК РФ) в самом реестре не проставляется отметка о наличии судебного спора [8 (п. 3.1)], то данный механизм может в полной мере разрешить все проблемы, которые возникают при внесении в реестр недостоверных сведений о руководителе юридического лица.

В силу изложенного, необходимо признать, что проставление отметок о недостоверности или спорности сведений является действительно «универсальным способом устранения самой возможности появления фигуры добросовестного лица, ссылающегося на записи реестра» [1, с. 87] и потому тем самым механизмом, который позволяет скорректировать строгость правил о публичной достоверности, но не путем отказа от нее, а через предоставление ши-

рокому кругу лиц возможности использовать все ее преимущества. В наше время, когда информация об изменениях в реестре практически мгновенно становится известной заинтересованным лицам (через механизм поступления соответствующих уведомлений в электронных информационных системах), отсутствуют какие-либо препятствия к тому, чтобы через проставление необходимых отметок могла быть решена проблема внесения недостоверных сведений.

Таким образом, сложившаяся к настоящему времени система декларативной государственной регистрации сведений о руководителе юридического лица нуждается в дальнейшем совершенствовании, направленном на преодоление укоренившейся в судебной практике негативной трактовки этой системы. Наиболее соответствующей духу корпоративного права следует признать подход, при котором запись о единоличном исполнительном органе может быть противопоставлена юридическому лицу добросовестным контрагентом даже в том случае, когда основания для внесения этой записи имели неустранимые пороки. Корректировать же строгость этого подхода должно не увеличивающееся число исключения из правил о публичной достоверности, а механизм внесения отметок о недостоверности (спорности) сведений о руководителе юридического лица.

С учетом сделанных выводов считаем необходимым внести в действующее законодательство следующие изменения:

1) исключить из абз. 2 п. 2 ст. 51 ГК РФ слова «за исключением случаев, если соответствующие данные включены в указанный реестр в результате неправомερных действий третьих лиц или иным путем помимо воли юридического лица», заменив их на «за исключением случаев, если такому лицу известно или должно быть известно о неполноте или недостоверности указанных данных»;

2) дополнить ст. 5 Закона о регистрации юридических лиц положением, допускающим внесение в единый государственный реестр юридических лиц отметок о наличии судебного спора в отношении сведений о руководителе юридического лица.

Список использованных источников

1. Бевзенко Р. С. Торговая регистрация и торговые реестры: история и теория // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 6. С. 68–91.
2. Габов А. В. Ошибки в сведениях (данных), составляющих Единый государственный реестр юридических лиц: виды и способы устранения // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 2. С. 209–230.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть первая – четвертая // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 09.06.2000 № 54 «О сделках юридического лица, регистрация которого признана недействительной» // Вестник ВАС РФ. 2000. № 7.
5. Косякин И. А. Договор с генеральным директором в современных экономических условиях // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10. № 2. С. 30–41.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023) // Бюллетень ВС РФ. 2023. № 10.
7. Обзор судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 2 (2018) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302823/1189f6f025343ec1cfc646c94c04fd12852823cc (дата обращения: 02.09.2025).
8. Обзор судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 4 (2018) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317162/d5b6c55abbd116ccbca703369e1ec2ffc9820c49 (дата обращения: 02.09.2025).
9. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. Верховным советом СССР 31.05.1991 № 2211-1) // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 26. Ст. 733.
10. <Письмо> ФНС России от 23.08.2006 № ГВ-6-14/846@ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=62818> (дата обращения: 02.09.2025).
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.03.2025 № 12-П // СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1364.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2015. № 8.
13. Твердюкова Е. Д. Persona non grata: участник в советской торговле на рубеже 1920–1930-х гг. // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2010. № 4. С. 24–35.
14. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ. 2001. № 31 (часть I). Ст. 3431.
15. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
16. Черехахин Б. Б. Волеобразование и волеизъявление юридического лица // Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2020. С. 295–306.

17. Щербаков Н. Б. Недействительность и государственная регистрация юридических лиц // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: сборник статей. М.: Статут, 2006. С. 408–434.

References

1. Bevzenko R. S. Trade Registration and Trade Registers: History and Theory. *The Herald of Economic Justice*. 2019. No. 6. P. 68–91 [in Russ.].
2. Gabov A. V. Errors in the information (data) contained in the unified state register of legal entities: types and methods of elimination. *Law Enforcement Review*. 2021. Vol. 5. № 2. P. 209–230 [in Russ.].
3. The Civil Code of the Russian Federation: Part one – four. *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1994. No. 32. Art. 3301 [in Russ.].
4. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 09.06.2000 № 54 «On transactions of a legal entity whose registration has been declared invalid». *The Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation*. 2000. No. 7 [in Russ.].
5. Kosyakin I. A. The Contract with Managing Director in the Current Economic Conditions. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2020. No. 10 (2). P. 30–41 [in Russ.].
6. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2023) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 26.04.2023). *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2023. No. 10 [in Russ.].
7. Review of judicial practice on disputes involving registration authorities No. 2 (2018). *Reference and legal system “ConsultantPlus”*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302823/1189f6f025343ec1cfc646c94c04fd12852823cc (date of access: 02.09.2025) [in Russ.].
8. Review of judicial practice on disputes involving registration authorities No. 4 (2018). *Reference and legal system “ConsultantPlus”*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317162/d5b6c55abbd116ccbca703369e1ec2ffc9820c49 (date of access: 02.09.2025) [in Russ.].
9. Fundamentals of civil legislation of the USSR and the republics (approved by the Supreme Soviet of the USSR on 31.05.1991 № 2211-1). *Vedomosti of the Congress of People’s Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR*. 1991. No. 26. Art. 733 [in Russ.].
10. <Letter> of the Federal Tax Service of Russia dated 23.08.2006 No. GV-6-14/846@. *Reference and legal system “ConsultantPlus”*. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=62818> (date of access: 02.09.2025) [in Russ.].
11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18.03.2025 № 12-P. *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2025. No. 12. Art. 1364 [in Russ.].
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.06.2015 No. 25 «On the application by Courts of certain Provisions of Section I of Part

One of the Civil Code of the Russian Federation». *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2015. No. 8 [in Russ.].

13. *Tverdyukova E. D.* Persona non grata: private trader in Soviet trade at the turn of the 1920s and 1930s. *Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin*. 2010. No. 4. P. 24–35 [in Russ.].

14. Federal Law № 129-FL dated 08.08.2001 «On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs». *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2001. No. 31 (Part I). Art. 3431.

15. Federal Law № 7-FZ dated 12.01.1996 «On Non-Commercial Organizations». *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 3. Art. 145 [in Russ.].

16. *Cherepakhin B. B.* Formation of will and expression of will of a legal entity. In: *Cherepakhin B. B. Proceedings on civil law*. Moscow: Statute, 2020. P. 295–306 [in Russ.].

17. *Shcherbakov N. B.* Invalidity and state registration of legal entities. In: *Invalidity in civil law: problems, trends, practice: collection of articles*. Moscow: Statut, 2006. P. 408–434 [in Russ.].

Поступила в редакцию 20.11.2025

Received November 20, 2025

Шаповал Ольга Вячеславовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права,
юридический факультет, Федеральное
государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Кубанский государственный университет»,
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149,
email: olgashapoval@yandex.ru

Shapoval, Olga V.,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor
at the Department of Civil Law,
Law Faculty,
Kuban State University,
149 Stavropolskaya Str., Krasnodar,
350040, Russian Federation,
email: olgashapoval@yandex.ru

ИМЯ ГРАЖДАНИНА КАК СРЕДСТВО ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

CITIZEN'S NAME AS A MEANS OF INDIVIDUALIZATION IN THE ERA OF DIGITAL TRANSFORMATION

АННОТАЦИЯ. Имя гражданина выступает средством индивидуализации его как субъекта гражданских правоотношений. Имя человека является личным нематериальным благом, для которого характерны неотделимость от личности и невозможность передачи другим участникам гражданского оборота. В представленной статье автор анализирует теоретические и практические проблемы реализации и защиты прав на имя в современном гражданском обороте с учетом последних изменений законодательства: от регистрации имени ребенка родителями до передачи прав на имя в качестве товарного знака. В работе исследуются проблемы осуществления прав гражданина на имя, а также утраты данным нематериальным благом своих естественных характеристик.

В статье представлен анализ существующего законодательства, позиций цивилистов и практиков и предложены собственные подходы к решению проблемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: имя гражданина, нематериальные блага, средства индивидуализации, перемена имени, право на товарный знак, наследование, персональные данные

ABSTRACT. A citizen's name serves as a means of individualization for him as a subject of civil legal relations. A person's name is a personal intangible benefit characterized by its inseparability from the person's identity and its inability to be transferred to other participants in civil circulation. In this article, the author analyzes the theoretical and practical issues of the implementation and protection of rights to a name in modern civil circulation, taking into account the latest changes in legislation, from the registration of a child's name by its parents to the transfer of rights to a name as a trademark. The article explores the challenges of exercising a citizen's rights to a name and the loss of this intangible benefit's natural characteristics.

The article provides an analysis of the existing legislation, the positions of civilists and practitioners, and offers its own approaches to solving the problem.

KEYWORDS: citizen's name, intangible benefits, means of individualization, name change, trademark right, inheritance, personal data

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Шаповал, О. В. Имя гражданина как средство индивидуализации в эпоху цифровой трансформации / О. В. Шаповал. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 70–75. – DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-10

FOR CITATION:

Shapoval, O. V. (2026) Citizen's Name as a Means of Individualization in the Era of Digital Transformation. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 13(1): 70–75 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-10

Традиционно к средствам индивидуализации граждан в цивилистике относят имя гражданина, его место жительства, пол и возраст. Гражданский кодекс РФ закрепляет в ст. 19, что гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем, следовательно, в отсутствие имени гражданин не может реализовать свои права и обязанности, не может участвовать в гражданском обороте [1, с. 84].

«Что в имени тебе моем?» – восклицал А. С. Пушкин. Действительно, имя для каждого человека имеет сакральное значение. Большинство живущих проносит свое имя через всю жизнь, наполняя его содержанием не только для себя, но и для окружающих. Имя индивидуализирует человека, с течением времени оно связывает его с личными, профессиональными и социальными качествами. И именно потому, что имя ассоциируется с индивидуальными свойствами личности, которые неразрывно связаны с человеком, имя отнесено к нематериальным благам – неотчуждаемым и неотделимым от него. Однако в современном мире имя человека начинает вовлекаться в гражданский оборот и приобретать качество предмета сделки.

Гражданско-правовые проблемы, связанные с именем гражданина, начинаются с самого момента его рождения. В соответствии с Семейным законодательством и Федеральным законом «Об актах гражданского состояния» [11; 12] имя ребенку дается по соглашению родителей, отчество присваивается по имени отца, если иное не предусмотрено законами субъектов Российской Федерации или не основано на национальном обычае. Предотвращая потенциальные споры родителей между собой по поводу имени ребенка, законодатель закрепляет право органов опеки и попечительства самостоятельно указать имя ребенка в документах в случаях, когда родители не могут прийти к соглашению. В соответствии с п. 3 ст. 18 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», «при отсутствии соглашения между родителями имя ребенка и (или) его фамилия (при разных фамилиях родителей) записываются в записи акта о рождении ребенка по указанию органа опеки и попечительства».

С 2017 года установлены ограничения фантазии родителей относительно имени своего ребенка. В частности, при выборе родителями

имени ребенка не допускается использование в его имени цифр, буквенно-цифровых обозначений, числительных, символов и не являющихся буквами знаков, за исключением знака «дефис», или их любой комбинации либо бранных слов, указаний на ранги, должности, титулы. Следует отметить, что до введения указанных ограничений имена, полученные детьми, удивляли, если не шокировали сотрудников органов опеки и попечительства. Родители, желающие назвать детей странными именами, обращались в суд, который зачастую вставал нас сторону органов опеки и попечительства. Широко известна история с семьей Ворониных-Фроловых, требовавших зарегистрировать своего отпрыска под именем БОЧ рВФ 260602. И органы опеки и попечительства, и суд отказали в регистрации подобной именной аббревиатуры. И достаточно длительное время, пока шли судебные разбирательства, родители не могли оформить свидетельство о рождении, ребенок без имени не имел возможности получить элементарные социальные услуги.

Обязанностью родителей является регистрация ребенка и получение свидетельства о рождении, которую без определения имени выполнить невозможно. В соответствии со ст. 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», «заявление о рождении ребенка должно быть сделано не позднее чем через месяц со дня рождения ребенка» [12]. Если родители в течение указанного срока не регистрируют своего ребенка, они могут быть привлечены к административной ответственности по ст. 19.15.1 КоАП РФ [2]. При подаче заявления устанавливается нарушение срока регистрации и назначается штраф в размере от двух тысяч до трех тысяч рублей. Прямо скажем, не слишком суровое наказание. Однако никаких иных форм ответственности для родителей, не желающих получать свидетельство о рождении ребенка, не дающих ему имени, не предусмотрено. На наш взгляд, такой пробел может лишить ребенка его законных прав и нарушить его интересы. Подобное поведение родителей или родителя может привести, например, к исключению ребенка из числа наследников. В связи с чем следует, на наш взгляд, ужесточить санкцию за нарушение сроков регистрации имени ребенка и получения свидетельства. Если сумма с трех тысяч увеличится

до пятидесяти, это поможет стимулировать родителей к добросовестному исполнению своих обязанностей.

Следующим важным этапом развития данного вопроса является проблема перемены имени гражданина. Согласно той же ст. 19 ГК РФ, «гражданин вправе переменить свое имя в порядке, установленном законом. Перемена гражданином имени не является основанием для прекращения или изменения его прав и обязанностей, приобретенных под прежним именем» [1]. Причин перемены имени может быть множество: от личных до политических. В частности, один из руководителей стран постсоветского пространства при вступлении в должность Президента изменил свою фамилию в соответствии с национальным обычаем. В некоторых случаях изменение фамилий носит принудительный характер и нарушает права и законные интересы граждан. Наиболее вопиющим примером является так называемый «латвийский прецедент», речь в данном случае идет о принудительном изменении русских фамилий гражданам и иным лицам, постоянно проживающим в Латвии, когда в соответствии с национальным обычаем в конце всех имен и фамилий (если они мужского рода или заканчиваются на согласную) обязательно ставится буква «-с» (-s). Это окончание в документах сохраняется даже при переводе имени и фамилии на другие языки. Такие изменения при выдаче документов производились без уведомления со стороны государственных органов.

Из-за подобных изменений в документах у людей возникают проблемы – с иностранными денежными переводами, с правами на наследство, с оформлением недвижимости, и так далее. Обращения в латвийские суды граждан, чьи фамилии были принудительно искажены при выдаче документов, результатов не дали, как и обращение в ЕСПЧ. Однако следует отметить, что Комитет по правам человека в ООН осудил Латвию за грубые нарушения международного права.

Статья 17 Международного Пакта о гражданских и политических правах указывает, что никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его частную жизнь. Изменение же фамилии и имени в официальных документах произвольно со стороны государства без какого-либо уведом-

ления гражданина грубо нарушает данное положение [3].

Также к проблемам с реализацией своих интересов может привести написание фамилии российского гражданина в английской транскрипции в заграничном паспорте, что не позволит ему идентифицировать свою личность, а соответственно лишит его возможности осуществить или защитить свои права.

Однако наиболее распространенной причиной перемены фамилии является заключение брака. И если заключение брака между гражданами РФ не вызывает сложностей с переменной фамилии, достаточно желания супругов, то заключение брака с гражданами иностранных государств имеет массу проблем в свете рассматриваемого вопроса.

Различные правовые порядки по-разному решают вопрос о смене фамилии при заключении брака. В частности, в Греции с 1983 года действует закон о сохранении фамилии, согласно которому женщина не может менять свою девичью фамилию на фамилию мужа. В Исландии такая традиция сложилась в связи с этимологией фамилии ребенка, которая является производной от имени отца в соответствии с национальным обычаем, что исключает ее смену при вступлении в брак. В Японии же, наоборот, в семье супруги должны носить одну фамилию, за редким исключением [5].

Особый интерес вызывает постановка вопроса при заключении смешанных браков.

Как известно, в данном случае возникает коллизия выбора применимого права, которое будет определять право женщины на сохранение девичьей фамилии.

На этот счет мнения специалистов расходятся, поскольку возникает вопрос о том, какую норму следует применить:

1) статью 1198 ГК РФ, привязывающую право лица на имя к его личному закону,

2) или статью 161 СК РФ, регламентирующую выбор применимого права к личным неимущественным правам супругов посредством привязки к праву их совместного места жительства.

Современное гражданское законодательство РФ не только охраняет доброе имя гражданина и наделяет возможностями, в том числе связанными с правомерным использованием имени в различных целях, но и с 2012 г. допускает

вовлечения права пользования именем в гражданский оборот. В соответствии с внесенными в ст. 19 ГК РФ изменениями гражданин вправе разрешить использовать свое настоящее или вымышленное имя (псевдоним) другим лицам в их творческой деятельности, предпринимательской или иной экономической деятельности способами, исключающими введение в заблуждение третьих лиц относительно тождества граждан, а также исключающими злоупотребление правом в других формах [4, с. 85].

Отмеченная норма не только легализовала сделки, предметом которых является право пользования именем гражданина, но, по сути, вывела имя гражданина из ранга объектов, имеющих исключительно неимущественный характер. В итоге традиционное средство индивидуализации гражданина приобрело нетипичную форму. М. А. Рожкова в связи с новеллой ст. 19 ГК РФ справедливо отмечает, что «допущение использования имени или псевдонима гражданина другим лицом – ситуация для отечественной правоприменительной практики весьма непривычная и вызывающая подозрения» [9, с. 31]. Т. С. Яценко также выражает обеспокоенность наметившимися тенденциями коммерциализации имени гражданина и обоснованно обращает внимание на существующие противоречия между ст. 19 ГК РФ, разрешающей сделки, предметом которых является использование имени гражданина, и ст. 150 ГК РФ, закрепляющей неотчуждаемость и непередаваемость нематериальных благ [13, с. 120]. С учетом данной тенденции появился даже термин «коммодификация», означающий приобретение нематериальными благами качества товара [6, с. 35]. Следует согласиться с Т. С. Яценко в том, что в гражданском обороте ценность представляет не имя как таковое, а только его принадлежность конкретной личности, обладающей репутационными, профессиональными и иными характеристиками, делающими имя коммерчески привлекательным [4, с. 85].

Основным направлением использования имени в качестве предмета сделки является регистрация его в качестве товарного знака. А поскольку товарный знак является средством индивидуализации предпринимательской деятельности, мы опять сталкиваемся с вопросом использования такого нематериального блага,

как право на имя, в коммерческих целях. Статья 1477 ГК РФ прямо указывает, что на товарный знак, то есть на обозначение, служащее для индивидуализации товаров, признается исключительное право, удостоверяемое свидетельством на товарный знак. Правила настоящего Кодекса о товарных знаках соответственно применяются к знакам обслуживания, то есть к обозначениям, служащим для индивидуализации выполняемых работ или оказываемых услуг [1].

Сложности при регистрации фамилии в качестве товарного знака могут возникнуть у людей с распространенными фамилиями (Соколов, Медведев и т. п.). Это связано с тем, что подобная регистрация позволяет идентифицировать товар, работу или услугу под зарегистрированным именем, а в случае часто используемых фамилий признак индивидуализации теряется. В качестве исключения могут рассматриваться ситуации, когда данная распространенная фамилия достаточно долго и активно использовалась в привязке к определенным товарам или услугам, в связи с чем потребители ассоциируют фамилию конкретного человека с производимыми им товарами или оказываемыми услугами. Доказательства такого положения должны быть представлены в патентное ведомство [11, с. 66].

Таким образом имя гражданина напрямую увязывается с осуществлением предпринимательской деятельности, которая может осуществляться не самим гражданином, а, в том числе, и третьими лицами. Более того, законодательство предусматривает возможность передачи права на товарный знак на основании договора об отчуждении права на товарный знак или лицензионного договора. Данное положение напрямую разрушает правовую конструкцию имени гражданина как неотчуждаемого нематериального блага, неотделяемого от личности.

Но если допустить, что подобное решение гражданин может принять при жизни, самостоятельно используя свое имя, и это его волевой акт, то возможность использования его имени наследниками, приобретшими право на имя как товарный знак, на наш взгляд, полностью противоречит понятию имени как личного неотчуждаемого права человека.

Пункт 9 статьи 1483 ГК РФ устанавливает ограничения в отношении регистрации имен,

фамилий и псевдонимов: «Не могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков обозначения, тождественные: имени, псевдониму или производному от них обозначению, портрету или факсимиле известного в РФ на дату подачи заявки лица, без согласия этого лица или его наследника» [1].

По мнению А. В. Сальниковой, установление подобного ограничения обосновано необходимостью защиты репутации известного носителя фамилии, в том числе покойного, его личных прав при использовании ее однофамильцами в качестве товарного знака. Таким образом, для регистрации имени известного лица в качестве товарного знака необходимо получить согласие от него или его наследников [10, с. 67].

Статья 1487 ГК РФ указывает, что согласие необходимо получить у самого гражданина или его наследников, которые могут не иметь родственных связей с носителем имени. И если с таким положением можно согласиться в тех случаях, когда право на товарный знак уже зарегистрировано и переходит к наследнику в составе наследственной массы, что является выражением воли самого наследодателя – правообладателя, то весьма сомнительным является необходимость запрашивать согласие на регистрацию товарного знака после смерти гражданина у наследников, а не у родственников покойного гражданина. Безусловно, в большинстве случаев категории наследников и родственников являются совпадающими, но это не представляет из себя обязательное правило. Таким образом, родственники, при наличии иных наследников, не могут запретить использование имени своего близкого человека, поскольку в этом случае имеет значение только статус наследника.

Другая наметившаяся тенденция – неспособность имени в полной мере выполнять свои индивидуализирующие функции. Судебная практика сталкивается с многочисленными случаями неправомерного привлечения однофамильцев к ответственности или ошибочного вовлечения их в иные гражданско-правовые отношения. Так, в одном из случаев суд, разбираясь с вопросами удержания денежных средств из пенсии гражданки, установил, что списание произошло ошибочно, а исполнительное производство возбуждено в отношении однофамильца истца [8]. В другом деле суд

устанавливал истину в деле о принятии наследства, по которому истец указывал, что у наследодателя не было детей, а гражданин, указанный в свидетельстве о рождении ответчика как отец, является однофамильцем наследодателя, в связи с чем действия нотариуса по принятию заявления о принятии наследства являются незаконными [7]. И такие ситуации не единичны.

В этой связи законодатель вынужден при индивидуализации гражданина прибегать и к иным характеристикам, позволяющим провести более глубокую идентификацию личности [4, с. 87].

Все вышесказанное подчеркивает сложность и многогранность такого, казалось бы, очевидного нематериального блага, принадлежащего человеку, как имя. Современность вносит определенные коррективы в традиционные гражданско-правовые институты, однако, следуя нашим национальным и культурным традициям, хотелось бы сохранить имя каждого человека как неприкосновенное благо, отражающее исключительно его личные качества и достоинства, не превращая его в предмет сделок.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1).
3. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/2540295> (дата обращения: 30.10.2025).
4. Мигачева А. Ю., Шаповал О. В. Проблемы регламентации отдельных средств индивидуализации гражданина // Образование и право. 2025. № 7. С. 84–89. DOI: 10.24412/2076-1503-2025-7-84-89.
5. Михантьева М. Девичья фамилия: как паспортные данные связаны с гендерным равенством. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/434729-devichya-familiya-kak-pasportnye-dannye-svyazany-s-gendernym-ravenstvom?ysclid=mhypedk6732950702822> (дата обращения: 30.10.2025).
6. Нансо М. Д. Коммодификация как современный тип рациональности // Народное образование. 2020. № 3 (1480). С. 35–40.
7. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 03.10.2023 по делу № 88-34130/2023 (УИД 91RS0024-01-2022-004586-59) // СПС «Консультант».

тантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=145314#96QhDGVGJW5HE26n> (дата обращения: 30.10.2025).

8. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 24.01.2023 по делу № 88-1865/2023, 2-249/2022 (УИД 63MS0092-01-2021-003038-14) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=108445#EwYhDGVs3s5onp1w> (дата обращения: 30.10.2025).

9. Рожкова М. А. Использование имени и псевдонима, в том числе в качестве товарного знака // *Хозяйство и право*. 2017. № 8 (487). С. 25–34.

10. Сальникова А. В. Регистрация товарного знака на физическое лицо: анализ нововведений российского законодательства // *Информационная собственность. Промышленная собственность*. 2022. № 10. С. 65–71.

11. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

12. Федеральный закон «Об актах гражданского состояния РФ» от 15.11.1997 № 143-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.

13. Яценко Т. С. Имя физического лица как предмет сделки: от критики до признания в гражданском праве // *Вестник гражданского права*. 2022. № 3. С. 118–144.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 1994. No. 32. Article 3301 [in Russ.].

2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001, No. 195-FZ. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 1 (Part 1) [in Russ.].

3. International Covenant on Civil and Political Rights (Adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly). *Garant.ru*. Available at: <https://base.garant.ru/2540295> (date of access: 30.10.2025) [in Russ.].

4. Migacheva A. Yu., Shapoval O. V. Problems of regulating certain means of individualization of a citizen. *Education and Law*. 2025. No. 7. P. 84–89. DOI: 10.24412/2076-1503-2025-7-84-89 [in Russ.].

5. Mikhantieva M. Maiden name: how passport data is related to gender equality. Available at: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/434729-devichya-familiya-kak-pasportnyedannye-svyazany-s-gendernym-ravenstvom?ysclid=mhypdk6732950702822> (date of access: 30.10.2025) [in Russ.].

6. Napso M. D. Commodification as a Modern Type of Rationality. *Public Education*. 2020. No. 3 (1480). P. 35–40 [in Russ.].

7. Determination of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated October 3, 2023, in case No. 88-34130/2023 (UID 91RS0024-01-2022-004586-59). *Reference and legal system “ConsultantPlus”*. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=145314#96QhDGVGJW5HE26n> (date of access: 30.10.2025) [in Russ.].

8. Determination of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated January 24, 2023, in case No. 88-1865/2023, 2-249/2022 (UID 63MS0092-01-2021-003038-14). *Reference and legal system “ConsultantPlus”*. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=108445#EwYhDGVs3s5onp1w> (date of access: 30.10.2025) [in Russ.].

9. Rozhkova M. A. Use of a name and pseudonym, including as a trademark. *Business and Law*. 2017. No. 8 (487). P. 25–34 [in Russ.].

10. Salmnikova A. V. Trademark Registration for an Individual: Analysis of Innovations in Russian Legislation. *Information property. Industrial property*. 2022. No. 10. P. 65–71 [in Russ.].

11. Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 1. Article 16 [in Russ.].

12. Federal Law “On Acts of Civil Status of the Russian Federation” of 15.11.1997 No. 143-FZ. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 1997. No. 47. Article 5340 [in Russ.].

13. Yatsenko T. S. The Name of an Individual as a Subject of a Transaction: From Criticism to Recognition in Civil Law. *Bulletin of Civil Law*. 2022. No. 3. P. 118–144 [in Russ.].

Поступила в редакцию 15.11.2025

Received November 15, 2025

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.14

DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-11

Апостолова Наталья Николаевна,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса и
криминалистики, юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88,
email: napostolova@yandex.ru

Apostolova, Natalia N.,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor at the Department of Criminal
Procedure and Criminalistics, Law Faculty,
Southern Federal University, 88, M. Gorky Str.,
Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation,
email: napostolova@yandex.ru

Ляхов Юрий Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ,
профессор кафедры уголовного
процесса и криминалистики,
юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88,
email: yalyahov@sfedu.ru

Lyakhov, Yuri A.,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of Higher Education of the
Russian Federation, Professor at the Department
of Criminal Procedure and Forensic Science,
Faculty of Law, Southern Federal University,
88, M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: yalyahov@sfedu.ru

ДОСТОВЕРНОСТЬ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

THE RELIABILITY OF ELECTRONIC EVIDENCE

АННОТАЦИЯ. Электронные сведения, используемые в доказывании для установления обстоятельств уголовного дела, как и все доказательства, должны отвечать требованиям относимости, допустимости и достоверности. Достоверность доказательств в электронном виде должна пониматься как точное и правильное отражение ими фактов реальной действительности посредством цифровых технологий. В силу технологических особенностей цифровые доказательства требуют закрепления в УПК РФ таких требований к изъятию, фиксации и хранению, которые бы гарантировали их аутентичность, целостность (неизменность и сохранность в течение всего производства по уголовному делу), а также пригодность для использования путем применения сертифицированных IT-технологий. При установлении достоверности цифровых доказательств особое внимание должно уделяться исследованию источника их происхождения, способа их создания, а также анализу их содержательной обоснованности, последовательности, непротиворечивости, согласованности с другими доказательствами по уголовному делу. Соответствие электронных доказа-

ABSTRACT. Electronic information used in evidence to establish the circumstances of a criminal case, like all evidence, must meet the requirements of relevance, admissibility and reliability. The reliability of evidence in electronic form should be understood as an accurate and correct reflection of the facts of reality through digital technologies. Due to the technological features of digital evidence, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation requires such requirements for seizure, fixation and storage that would guarantee their authenticity, integrity (immutability and safety throughout the criminal proceedings), as well as suitability for use through the use of certified IT technologies. When establishing the reliability of digital evidence, special attention should be paid to the study of the source of their origin, the method of their creation, as well as the analysis of their substantial validity, consistency, consistency with other evidence in a criminal case. The compliance of electronic evidence with the technological requirements of authenticity and integrity is established by specialists (experts), and the relevance, admissibility and reliability of evidence in electronic form

тельств технологическим требованиям аутентичности и целостности устанавливается специалистами (экспертами), а относимость, допустимость и достоверность доказательств в электронной форме должны устанавливаться следователем, дознавателем и судом. Вынесение приговоров, решающих судьбы людей, на основе вызывающих обоснованные сомнения в достоверности цифровых доказательств недопустимо. Возможно, следовало бы закрепить в УПК РФ правило, согласно которому электронно-цифровые доказательства могут использоваться в доказывании в совокупности с другими указанными в ч. 2 ст. 74 УПК РФ доказательствами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: доказательства в электронной форме, аутентичность, целостность, пригодность, смысловая логичность, гарантии достоверности

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Апостолова, Н. Н. Достоверность электронных доказательств / Н. Н. Апостолова, Ю. А. Ляхов. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 76–82. – DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-11

Введение. В нормах действующего УПК РФ не содержится такого термина, как электронные доказательства. В ст. 474.1 и 474.2 уголовно-процессуального закона говорится об электронных документах досудебного и судебного производства по уголовному делу, в ст. 164.1 УПК РФ речь идет об электронных носителях информации, в ч. 7 ст. 185 УПК РФ – об электронных сообщениях. В других нормах УПК РФ, регламентирующих порядок проведения следственных действий, речь идет о фонограммах, фото, аудио- и видеозаписях, аудиопотоках судебных заседаний (в современных условиях – созданных посредством цифровых технологий и имеющих электронно-цифровую форму).

Согласно ст. 2 ФЗ № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» электронный документ – это информация в электронной форме, пригодной для восприятия человеком посредством электронно-вычислительных машин и передачи ее по информационно-телекоммуникационным сетям либо обработки в информационных системах.

В Национальном стандарте РФ ГОСТ Р 7.0.8-2013 электронный документ определен как представленная в электронной форме информация, характеризующаяся аутентичностью (содержащей гарантии идентичности (точного

must be established by the investigator, the inquirer and the court. Sentencing people who decide their fates on the basis of justifiable doubts about the reliability of digital evidence is not acceptable. Perhaps it would be necessary to fix the rule in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, according to which electronic digital evidence can be used in evidence in conjunction with other evidence specified in part 2 of Article 74 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

KEYWORDS: electronic evidence, authenticity, integrity, suitability, semantic consistency, reliability guarantees

FOR CITATION:

Apostolova, N. N., Lyakhov, Yu. A. (2026) The Reliability of Electronic Evidence. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 13(1): 76–82 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-11

соответствия) заявленному документу), достоверностью (полно и точно подтверждает факты), целостностью (сохранностью в первоначальном виде, без внесения изменений). В данном нормативном акте также дается понятие пригодности для использования электронного документа (его свойство, позволяющее его локализовать и воспроизвести в любое время) и понятие электронной копии обычного документа (скан или электронный образ документа, его фотокопия) [3].

В судах используется три понятия: электронный документ (документ, изначально созданный в электронной форме без использования бумажного носителя и подписанный электронной цифровой подписью в установленном законом порядке); электронный образ документа (отсканированная копия бумажного документа, заверенная электронной цифровой подписью) [13] и документ в электронном виде (т. е. электронный документ и электронный образ документа, заверенные соответствующей электронной цифровой подписью) [12].

В научной литературе используются такие термины, как «электронные доказательства» [5; 15] и «электронные следы» (компьютерные сведения, представленные в форме электрических сигналов), в числе которых файлы, IP-адреса, доменные имена, IMEI, SMS, MMS, криптокошельки, страницы сайтов и т. д. [10, с. 93].

Использование в доказывании электронных следов вызывает серьезные сложности, так как они лишь косвенно свидетельствуют о том, что их оставило то или иное лицо. Гаджетом, компьютером, иным цифровым устройством могли воспользоваться и посторонние лица, в том числе и путем взлома аккаунта или сайта, незаметной установки вредоносной программы, рассылающей запрещенный контент, и т. п.

Возникают сложности и с точным установлением участников переписки в мессенджере, не позволяющем определить номер сотового оператора. В научной литературе называются и другие проблемы установления аутентичности и достоверности доказательств в электронной форме [2; 8].

Основная часть. Множество используемых для обозначения электронных доказательств терминов не способствует единообразному их пониманию и правильному применению. Во избежание всевозможных злоупотреблений при использовании в судопроизводстве электронных доказательств было бы полезно привести все эти понятия и характеристики к единому определенному знаменателю.

Чтобы разобраться в такой обилии имеющейся терминологии, прежде всего следует иметь в виду, что информация в электронной форме может быть аналоговой (непрерывное изменение силы сигнала в течение времени) и цифровой (в виде кода, состоящего из последовательности двоичных цифр 0 и 1) [17].

Поскольку в настоящее время во всех сферах жизни используются цифровые технологии, то практически вся современная информация, полученная с их помощью, имеет электронно-цифровую (или просто цифровую) форму и зафиксирована на соответствующих электронно-цифровых носителях (материальных носителях, используемых для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники) [4].

Очевидно, общим родовым понятием будет термин «документ в электронной форме», подразумевающий как изначально созданную посредством электронно-цифровых технологий, так и цифровую копию информации, существующей в иных физических формах. Электронными документами могут быть текстовые, графические, таблицы, фото, аудио- и

видеозаписи и иные материалы уголовного дела в установленных электронных форматах (предполагающих структурирование информации определенным способом – XML, PDF, RTF, DOC, JPEG (JPG), PNG, MP4, APE и др.), которые могут быть использованы в доказывании с помощью соответствующих цифровых технологий.

Существовать любые документы в цифровой форме могут только на электронно-материальных носителях (жесткие диски (HDD), USB-накопители, облачные хранилища, цифровые (интернет) платформы и др.), на которых они записаны (зафиксированы) и хранятся, а также с помощью которых воспроизводятся и обрабатываются посредством соответствующих цифровых технологий [4].

В смысле ст. 164.1 УПК РФ изъятие электронных носителей информации при производстве следственных действий подразумевает их физическое изъятие вместе с находящимися на них имеющими доказательственное значение сведениями в электронной форме по уголовному делу. Копирование с них информации подразумевает скачивание электронной информации с одних электронно-материальных носителей информации на другие.

Причем копирование электронной информации не всегда позволяет получить ее точную цифровую копию: например, при копировании информации с мессенджера на мобильном устройстве на другие носители электронной информации могут меняться ее метаданные [1].

В ст. 474.1 и 474.2 УПК РФ речь идет о документах в электронной форме, которые по своему смыслу и назначению имеют разноплановый характер. Это и процессуальные решения должностных лиц, ведущих досудебное производство, и документы суда, и заявления, ходатайства, жалобы других участников процесса, и иные документы (материалы, сведения, имеющие доказательственное значение) в электронной форме (включая электронные образы документов), подтверждающие те или иные обстоятельства и факты. Для использования любого из данных документов в электронной форме требуется их подписание (подтверждение) указанной в законе электронной подписью.

Несмотря на различие в их назначении, все они имеют электронно-цифровую форму и при подаче одинаково требуют заверения соответ-

ствующей цифровой подписью. Однако при использовании в производстве по уголовному делу необходимо четко разделять их на два вида: на доказательства в электронной форме и на иные документы в электронной форме.

Дело в том, что сведения в электронной форме, используемые в качестве доказательств по уголовному делу, помимо соответствия таким технологическим свойствам электронных документов, как идентичность, достоверность и целостность, должны отвечать еще и требованиям УПК РФ к их относимости, допустимости и достоверности доказательств.

Соответствие электронных доказательств технологическим требованиям аутентичности и целостности подтверждается специалистами (экспертами), а устанавливать относимость, допустимость и достоверность доказательств в электронной форме должны следователь, дознаватель и суд.

Как известно, с определением относимости электронных доказательств проблем не возникает, из их содержания несложно выявить их смысловые логические связи с предметом доказывания.

С установлением допустимости доказательств в электронной форме сложнее. Согласно общему правилу, если цифровые сведения получены с соблюдением требований УПК РФ к порядку их получения и фиксации, то они являются допустимыми. Правда, есть нюанс, связанный с уязвимостью электронных доказательств при ненадлежащем их изъятии, фиксации и хранении, в силу чего они могут быть легко изменены, подменены, иным образом искажены.

Очевидно, что в ст. 164.1 и ч. 2.1 ст. 82 УПК РФ следует закрепить нормы, обязывающие изымать и фиксировать доказательства в электронной форме с использованием криптографических хеш-функций [16] (для их верификации).

Изъятие в результате следственных действий электронные носители информации, содержащие доказательства в электронной форме, должны не просто опечатываться и храниться в месте, исключающем доступ посторонних лиц. Они должны храниться с применением технологии, аналогичной идентификатору навигационной пломбы, применяющемуся для обеспечения сохранности электронных документов и (или) сведений из документов при осуществлении перевозок [14].

Такие технологии позволят отслеживать, кем, когда и какие манипуляции проводились с данными электронными носителями информации, и тем самым обеспечивать сохранность электронно-цифровых доказательств в неизменном виде. В УПК РФ должны быть закреплены такие правила изъятия, фиксации и хранения доказательств в электронной форме, которые гарантировали бы их подлинность, целостность и неизменность, что является обязательным требованием их допустимости и гарантией их достоверности.

Однако только лишь соблюдением технологических и формально-юридических правил изъятия, фиксации и хранения электронных доказательств их достоверность определяться не может. Дело в том, что зафиксированная в электронной форме информация изначально сама по себе не всегда может являться истинной, точно и правильно отражающей факты реальной действительности.

Помимо всевозможных дипфейков, результатов применения фотошопа и других программ преобразования и редактирования различной цифровой информации, может иметь место размещение в интернете заведомо (либо ошибочно) ложных сведений о каких-либо событиях, происшествиях, фактах, обстоятельствах жизни.

Содержащаяся в мессенджерах, на сайтах, в блогах, облачных хранилищах в иных местах интернета информация может как соответствовать действительности, так и не соответствовать. Даже на официальных сайтах и в базах данных государственных, общественных, коммерческих структур может быть размещена информация, содержащая ошибки.

Однако если дипфейки, применение фотошопа и другие способы создания подложного контента еще можно (хотя и сложно) определить экспертным путем посредством применения соответствующих цифровых технологий, то с установлением подлинности и достоверности не подвергавшейся никаким технологическим манипуляциям электронной информации, но неверно и неточно отражающей действительные факты, все намного сложнее.

Например, лицо могло воспользоваться чужим мобильным или иным цифровым устройством, провести постановочный разговор по телефону, разместить ложные сообщения в

мессенджере, продемонстрировать что-либо перед видеокамерой, создать по всем правилам в «нужном» месте подложный электронный документ и т. п.

Ложность таких электронных сведений только технологическим путем установить невозможно. С точки зрения технологических требований они могут быть безупречными, а по содержанию – не соответствующими действительности.

Что же касается достоверности контента, созданного искусственным интеллектом (ИИ), то такие сведения должны быть в п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ указаны как недопустимые. Даже если сгенерированная ИИ информация кажется логичной и известен исходный материал, который он использовал при ее создании, все равно невозможно проверить алгоритмы его суждений, их корректность, а следовательно, и достоверность созданного им контента. Очевидно, что такие сведения пока не могут использоваться в качестве доказательств по делу.

Выводы. Достоверность доказательств в электронном виде должна пониматься как точное и правильное отражение ими фактов реальной действительности посредством цифровых технологий.

Установление достоверности доказательств в электронной форме при их использовании в доказывании по уголовным делам должно представлять собой сложный поэтапный процесс [7].

Для начала требуется проанализировать их содержание и выявить логические смысловые связи данных доказательств с подлежащими доказыванию обстоятельствами дела.

Необходимо также убедиться в надежности источника электронных доказательств: официальный или неофициальный источник; правовой режим его работы; кем и как была создана электронная информация в данном источнике (человеком, ИИ или это автоматически фиксируемые сведения, например, в журнале истории браузера и т. п.); условия и правила размещения в данном источнике электронной информации и другие его особенности.

При использовании в доказывании взятой из различных мобильных приложений (мессенджеров, геолокации, навигаторов, распознавания лиц нейросетями и др.) и (или) компьютерных программ электронной информации надо учитывать особенности их работы

и допускаемые ими искажения либо ошибки, которые могут быть незаметны [6; 18].

Даже проведение соответствующих экспертных исследований не всегда позволяет убедиться в достоверности цифровой информации, тем более если она создана человеком. Для установления ее достоверности одной экспертизы может оказаться недостаточно и требуется проводить еще и допросы акторов электронных доказательств в целях выяснения обстоятельств размещения, появления проверяемых электронных сведений (что, как известно, не всегда возможно).

Подлежит установлению и соблюдению требований УПК РФ к порядку проведения следственных и иных процессуальных действий, в результате которых были изъяты доказательства в электронной форме, а также соблюдение формы их фиксации и правил их хранения, т. е. следует установить их процессуальную допустимость, являющуюся процессуальной гарантией их достоверности.

На этот счет, как известно, состоялось решение Конституционного Суда РФ, в котором указывается, что при изъятии в результате следственных действий информации, содержащейся в электронной памяти абонентских устройств, и ее использовании в доказывании по уголовным делам не требуется принятия отдельного судебного решения для ее осмотра (исследования). Соблюдения установленных УПК РФ требований к проведению таких следственных действий будет достаточно для признания изъятых электронных доказательств допустимыми. А если возникают вопросы о возможном нарушении предусмотренных ст. 23 Конституции РФ прав, то лицу следует обратиться в суд с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ [9].

Форма фиксации и хранения цифровых доказательств должна не только их обеспечивать сохранность в неизменном виде, но и быть пригодной для их использования по назначению. Формат (структура файла, заданная определенным расширением: DOC, PDF, XML, JPG, PNG и др.) электронных сведений должен позволять воспроизвести их в доступном для восприятия человеком виде посредством имеющихся цифровых технологий.

Неотъемлемым элементом электронной формы и гарантией достоверности электронных доказательств является и соответствующая

щая цифровая подпись. Как известно, в юриспруденции никакие доказательства не имеют силы, если они не подписаны и не заверены установленным в законе способом.

УПК РФ требует, чтобы любые документы в электронной форме были подписаны усиленной квалифицированной подписью либо в указанных в законе случаях простой электронной подписью (ч. 2 ст. 474.2 УПК РФ). Проверка подлинности цифровой электронной подписи, как правило, осуществляется экспертным путем, но она может быть проверена и на Портале уполномоченного федерального органа в сфере использования электронной подписи [11].

Для установления подлинности, истинности (точности и полноты отражения действительных фактов) электронно-цифровых доказательств необходимо также убедиться и в их содержательной обоснованности, последовательности, непротиворечивости. Делается это, как правило, путем их анализа и сопоставления с другими доказательствами (в их совокупности), с учетом имеющейся судебной практики использования в доказывании электронных доказательств в целях выявления несоответствий, противоречий, неполноты и иных смысловых изъянов либо степени их согласованности с другими имеющимися доказательствами.

Очевидно, что только успешно прошедшие такую сложную проверку и не вызывающие никаких сомнений доказательства в электронной форме могут считаться достоверными.

В настоящее время все больше и больше преступлений совершается с использованием цифровых технологий, и, соответственно, все больше становится электронно-цифровых доказательств в уголовных делах. С другой стороны, судебная практика показывает, что установить достоверность цифровых доказательств достаточно сложно и не всегда возможно, тем не менее в силу ч. 1 ст. 88 УПК РФ делать это необходимо.

Устанавливать достоверность электронных доказательств в досудебном производстве должны следователь и дознаватель по ходу их собирания, а в особенности – в завершение расследования. Прежде чем завершать следствие или дознание, им необходимо провести проверку и анализ совокупности собранных по уголовному делу доказательств (в том числе и электронных) и убедиться в их достоверности (ч. 1 ст. 88 УПК РФ).

Еще в большей степени обязан проверять на соответствие требованиям ч. 1 ст. 88 УПК РФ собранные по уголовному делу доказательства суд, призванный Конституцией России и УПК РФ осуществлять справедливое правосудие, в основе которого могут лежать только достоверные доказательства.

Список использованных источников

1. *Балашова А. А.* Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 216 с.
2. *Головкин Л. В.* Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.
3. ГОСТ Р 7.0.8-2013 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения». URL: <https://legalacts.ru/doc/gost-r-708-2013-natsionalnyi-standart-rossiiskoi-federatsii> (дата обращения: 20.09.2025).
4. ГОСТ 2.051-2006 «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения». URL: <https://www.minexp.ru/assets/files/GOST/gost-2-051-2006/gost-2-051-2006.pdf> (дата обращения: 20.09.2025).
5. *Зуев С. В., Моругина Н. А.* Электронное уголовное дело: теоретическая модель // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 3. С. 83–94.
6. *Касперская Н.* Искусственный интеллект может привести не к прогрессу, а к деградации. URL: <https://dzen.ru/a/aLlewDYKIXSEA41Z> (дата обращения: 25.09.2025).
7. *Колыченко А. А.* Свойство достоверности как критерий оценки электронных доказательств в современном уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4. С. 209–213.
8. *Новиков А.* Использование переписки в мессенджерах как доказательства по уголовному делу. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/ispolzovanie-perepiski-v-messendzherakh-kak-dokazatelstva-po-ugolovnomu-delu> (дата обращения: 20.09.2025).
9. Определение Конституционного Суда РФ от 24 июня 2021 г. № 1364-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фомина Евгения Петровича на нарушение его конституционных прав статьями 93, 176, 177 и частью второй статьи 184 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-24062021-n-1364-o> (дата обращения: 20.09.2025).
10. Основы теории электронных доказательств / под ред. С. В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2019. 400 с.
11. Портал уполномоченного федерального органа в сфере использования электронной подписи. URL: <https://e-trust.gosuslugi.ru/check/sign> (дата обращения: 20.09.2025).

12. Порядок подачи в Верховный Суд РФ документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/6665> (дата обращения: 20.09.2025).

13. Порядок подачи в федеральные суды общей юрисдикции в электронном виде, в том числе в форме электронного документа. URL: https://www.vsrfr.ru/about/info/documents_regulations/6796 (дата обращения: 20.09.2025).

14. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 9 сентября 2025 г. № 79 «О внесении изменений в Требования к организации хранения электронных документов и (или) сведений из документов, содержащихся в навигационной пломбе на период отслеживания конкретной перевозки». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=514458#re6gwWUSmG0vbtE5> (дата обращения: 20.09.2025).

15. Смирнов А. В. Электронные доказательства, электронное доказывание, искусственный интеллект: что далее? // Уголовное судопроизводство. 2024. № 1. С. 24–31.

16. Хеш-функция. URL: <https://bigenc.ru/c/khesh-funktsiia-06fde7> (дата обращения: 20.09.2025).

17. Цифровой и аналоговый электромагнитный сигнал. URL: <https://smc-emc.ru/czifrovoj-i-analogovyyj-elektromagnitnyj-signal.html> (дата обращения: 20.09.2025).

18. Шарипова А. Р. Новые источники уголовно-процессуальных и иных судебных доказательств в цифровой реальности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14, № 1. С. 73–89.

References

1. Balashova A. A. Electronic storage media and their use in criminal procedural evidence: a thesis for the degree of PhD in Law. Moscow, 2020. 216 p. [in Russ.].

2. Golovko L. V. Digitalization in criminal proceedings: local optimization or global revolution? *Bulletin of economic security*. 2019. No. 1. P. 15–25 [in Russ.].

3. National Standard of the Russian Federation 7.0.8-2013 “System of Standards for information, librarianship, and publishing. Records management and archival science. Terms and definitions”. Available at: <https://legalacts.ru/doc/gost-r-708-2013-natsionalnyi-standart-rossiiskoi-federatsii> (date of access: 20.09.2025) [in Russ.].

4. Interstate Standard 2.051-2006 “Unified system for design documentation. Electronic documents. General provisions”. Available at: <https://www.minexp.ru/assets/files/GOST/gost-2-051-2006/gost-2-051-2006.pdf> (date of access: 20.09.2025) [in Russ.].

5. Zuev S. V., Morugina N. A. Electronic criminal case: theoretical model. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024. Vol. 15, No. 3. P. 83–94 [in Russ.].

6. Kasperskaya N. Artificial Intelligence May Lead to Degradation, Not Progress. Available at: <https://dzen.ru/a/LlewDYKIXSEA41Z> (date of access: 25.09.2025) [in Russ.].

7. Kolichenko A. A. The property of reliability as a criterion for assessing electronic evidence in modern criminal proceedings. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. No. 4. P. 209–213 [in Russ.].

8. Novikov A. Using correspondence in instant messengers as evidence in a criminal case. Available at: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/ispolzovanie-perepiskiv-messendzherakh-kak-dokazatelstva-po-ugolovnomu-delu> (date of access: 20.09.2025) [in Russ.].

9. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 24, 2021 No. 1364-O “On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Evgeny Petrovich Fomin regarding the violation of his constitutional rights by Articles 93, 176, 177 and Part two of Article 184 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”. Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-24062021-n-1364-o> (date of access: 20.09.2025) [in Russ.].

10. Zuev S. V. (Ed.). Fundamentals of the theory of electronic evidence. Moscow: Yurlitinform, 2019. 400 p. [in Russ.].

11. Portal of the authorized federal body in the field of electronic signature use. Available at: <https://e-trust.gosuslugi.ru/check/sign> (date of access: 20.09.2025) [in Russ.].

12. Procedure for submitting documents to the Supreme Court of the Russian Federation in electronic form, including in the form of an electronic document. Available at: <https://www.vsrfr.ru/files/6665> (date of access: 20.09.2025) [in Russ.].

13. Procedure for filing with federal courts of general jurisdiction in electronic form, including in the form of an electronic document. Available at: https://www.vsrfr.ru/about/info/documents_regulations/6796 (date of access: 20.09.2025) [in Russ.].

14. Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission dated September 9, 2025 No. 79 “On amendments to the Requirements for the organization of storage of electronic documents and (or) information from documents contained in a navigation seal for the period of tracking of a specific shipment”. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=514458#re6gwWUSmG0vbtE5> (date of access: 20.09.2025) [in Russ.].

15. Smirnov A. V. Electronic evidence, electronic proof, artificial intelligence: What’s next? *Criminal Proceedings*. 2024. No. 1. P. 24–31 [in Russ.].

16. Hash function. Available at: <https://bigenc.ru/c/khesh-funktsiia-06fde7> (date of access: 20.09.2025) [in Russ.].

17. Digital and analog electromagnetic signal. Available at: <https://smc-emc.ru/czifrovoj-i-analogovyyj-elektromagnitnyj-signal.html> (date of access: 20.09.2025) [in Russ.].

18. Sharipova A. R. New sources of criminal procedure and other forensic evidence in digital reality. *Bulletin of St. Petersburg University. Law*. 2023. Vol. 14, No. 1. P. 73–89 [in Russ.].

Поступила в редакцию 17.10.2025

Received October 17, 2025

Кейдунова Елена Резовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии, юридический факультет,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южный федеральный
университет», 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: t2i8g1r2@yandex.ru

Keydunova, Elena R.,
PhD in Law,
Associate Professor
at the Department of Criminal Law
and Criminology,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: t2i8g1r2@yandex.ru

Мавренкова Елена Анатольевна,
кандидат психологических наук, доцент
кафедры административного права и
уголовно-правовых дисциплин, факультет
«Экономика, управление и право»,
Ростовский государственный университет
путей сообщения, 344038, г. Ростов-на-Дону,
пл. Ростовского Стрелкового
Полка Народного Ополчения, д. 2,
email: mea-1975@yandex.ru

Mavrenkova, Elena A.,
PhD in Psychology, Associate Professor
at the Department of Administrative Law
and Criminal Law Disciplines, Faculty
of Economics, Management and Law,
Rostov State Transport University,
2 Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo
Opolcheniya Square, Rostov-on-Don,
344038, Russian Federation,
email: mea-1975@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПАТОГЕННЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ АГЕНТОВ В ПРЕСТУПНЫХ ЦЕЛЯХ (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

THE USE OF PATHOGENIC BIOLOGICAL AGENTS FOR CRIMINAL PURPOSES (CRIMINOLOGICAL ASPECTS)

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются количественно-качественные характеристики преступлений, сопряженных с использованием патогенных биологических агентов в террористических, диверсионных, военных целях; оценивается уровень латентности этих посягательств и ее причины; определяются возможные преступные последствия, характерные средства, орудия, способы совершения и сокрытия преступлений, география и субъектный состав этих посягательств.

Эмпирический материал был получен посредством применения статистического и социологического методов, а также контент-анализа СМИ, анализа документов, в том числе материалов уголовных дел и отчетов правоохранительных и иных государственных органов, занимающихся борьбой с использованием патогенных биологических агентов в преступных целях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: патогенные биологические агенты, средства, орудия, способы совершения преступления, применение биологического оружия, террористический акт, диверсия, экоцид

ABSTRACT. The article analyzes the quantitative and qualitative characteristics of crimes involving the use of pathogenic biological agents for terrorist, sabotage, and military purposes; assesses the level of latency of these attacks and its causes; identifies possible criminal consequences, characteristic means, tools, methods of committing and concealing crimes, the geography and subject composition of these attacks.

Empirical material was obtained through the use of statistical and sociological methods, as well as media content analysis, analysis of documents, including materials from criminal cases and reports from law enforcement and other government agencies involved in countering the use of pathogenic biological agents for criminal purposes.

KEYWORDS: pathogenic biological agents, means, tools, methods of committing a crime, use of biological weapons, terrorist act, sabotage, ecocide

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Кейдунова, Е. Р. Использование патогенных биологических агентов в преступных целях (криминологические аспекты) / Е. Р. Кейдунова, Е. А. Мавренкова. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 83–89. – DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-12

FOR CITATION:

Keydunova, E. R., Mavrenkova, E. A. (2026) The Use of Pathogenic Biological Agents for Criminal Purposes (Criminological Aspects). *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 13(1): 83–89 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-12

Для национальной безопасности России серьезную угрозу представляют деяния, сопряженные с использованием патогенных биологических агентов (ПБА) в преступных целях: террористический акт (п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ), диверсия (п. «а» ч. 3 ст. 281 УК РФ); незаконная разработка биологического (токсинного) оружия (ст. 355 УК РФ); применение биологического (токсинного) оружия массового поражения (ч. 2 ст. 356 УК РФ), экоцид (ст. 358 УК РФ). Любое из указанных преступлений может привести к возникновению чрезвычайных биологических ситуаций уровня эпидемии, эпизоотии, эпифитотии и создать возможность причинения широкомасштабного физического, экологического, социально-экономического, морально-психологического, организационного и иного вреда.

Эффективное противодействие этим преступлениям возможно лишь при условии всестороннего криминологического изучения их особенностей. Подобное исследование предполагает анализ их количественно-качественных параметров, определение наиболее характерных средств, орудий, способов совершения деяний, географии и субъектного состава.

К сожалению, объективная оценка уровня и динамики данной разновидности преступлений невозможна в силу их заведомо высокой латентности. За последние пять лет было зарегистрировано всего пять подобных преступлений. Из них: три преступления, описанные ст. 355 УК РФ; одно – п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ; одно – ч. 2 ст. 356 УК РФ. Расследование по этим делам еще не окончено. Однако большинство опрошенных нами специалистов в области уголовного права (95 %) полагают, что выявленные преступления составляют не более 5 % от фактически совершенных.

Исторический анализ показывает, что разработка биологического (токсинного) оружия наиболее активно осуществлялась в 40–50-е годы прошлого века. В Великобритании, Фран-

ции, США появились установки для промышленного производства возбудителей сибирской язвы, туляремии, чумы, желтой лихорадки, бруцеллеза, пситтакоза, Ку-лихорадки, оспы, энцефаломиелитов, предназначенные для поражения людей, животных и растений. В этот же период были разработаны средства доставки ПБА (бомбы, прикрепленные к самолетам выливные баки и устройства для распыления боевых рецептур, др.) [16, с. 330].

После вступления в силу «Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении» (КБТО), одобренной Генассамблеей ООН в 1971 г., государства-участники официально заявили о прекращении разработки наступательных военно-биологических программ.

В действительности, США и страны НАТО не только сохранили военно-биологический арсенал, но и усовершенствовали его. Согласно экспертным оценкам, в мире имеется более 1 тыс. коллекций штаммов микроорганизмов, а готовое либо находящееся на заключительном этапе разработки биологическое оружие имеют 17 государств [15, с. 1].

Результаты исследований свидетельствуют, что после окончания Первой мировой войны было зафиксировано около 300 случаев применения биологического оружия и более 100 эпизодов использования ПБА для совершения террористических актов [7, с. 129].

Факты применения биологического и токсинного оружия против военного противника фиксировались во время Второй мировой войны (Германия, Япония, 1942–1944 гг.); в период Арабо-израильского конфликта (Израиль, 1948 г.); контртеррористической операции в Малайзии (Великобритания, 1948–1960 гг.), корейской войны (США, 1950–1953 гг.); Иламской войны (Шри-Ланка, 1983–1987 гг.) [15, с. 332; 16, с. 103].

Украина планировала использовать биологическое оружие против населения Донбасса и России. ВС РФ обнаружили документы, свидетельствующие о планах распространения холеры, брюшного тифа и гепатита через крупные реки и Северо-Крымский канал [13, с. 1] и применении беспилотных летательных аппаратов, способных нести и распылять патогенные биологические агенты [14, с. 1]. Скачкообразное увеличение случаев заболевания туберкулезом, вызванных новыми мультирезистентными штаммами, по мнению военных экспертов, убедительно свидетельствует о применении биологического оружия Украиной на территории ЛНР и ДНР. В настоящее время возбуждено одно уголовное дело по факту распространения с помощью беспилотника на территории села Степное Славяносербского района фальшивых денежных купюр, зараженных чрезвычайно опасными, высоковирулентными, устойчивыми штаммами туберкулеза. В розыске находятся шесть украинских военнослужащих [4, с. 1].

Случаи биотерроризма зарегистрированы во многих странах. Так, члены религиозной секты «Раджнишис», желая повлиять на ход выборной кампании в одном из штатов США, отравили ресторанный пищу бактериями сальмонеллы, пострадало 751 человек (1984 г.) [17, с. 24]. Члены экстремистского объединения «Патриотический совет» предприняли попытку применить фитотоксин – рицин, для отравления 100 сотрудников правоохранительных органов США (1991 г.) [20, с. 86]. Неустановленные лица отправили почтовые сообщения, инфицированные возбудителями сибирской язвы, в Конгресс США и некоторые офисы СМИ. Заразились 22 человека, 5 погибло (2001 г.). В 2003 г. письма с рицином были отправлены в Белый дом; в 2013 г. – одному из сенаторов [1, с. 23]. Террористическая организация «Коммандос темного урожая» угрожала британскому правительству распространением на материке почвы, зараженной сибирской язвой (1981 г.). В 1990 г. японская секта «АУМ Синрикё»¹ пыталась распространить ботулотоксин в парламенте, аэропорту «Наритана» и военно-морской базе «Йокосука», а в 1993 г. распылила бактерии сибирской язвы в г. Токио [10, с. 6]. В 2016 г. биологическое оружие

было обнаружено у боевиков террористических организаций в Королевстве Марокко [13, с. 28]. В 2020 г. сторонники радикальных группировок («Братья-мусульмане»², «Лашкар-И-Тайба»³, «National Socialism / White Power»⁴, и др.), пытались распространять коронавирус в целях дестабилизации политической обстановки [11, с. 1].

ПБА используются также для совершения диверсий в аграрной сфере. Так, во время восстания Мау-Мау (Кения, 1952 г.) повстанцы использовали растительный токсин африканского молочая для отравления домашнего скота. В 1980–1990-е годы США использовали биоружие для совершения экономических диверсий на Кубе. Результатом явились эпизоотии свиней, эпифитотии сахарного тростника, риса. В 1989 г. группа «Заводчики» в целях уничтожения урожая в Южной Калифорнии распространила мух-журчалок [12, с. 11]. По мнению экспертов, эпизоотии куриного гриппа, африканской чумы свиней (Китай, 2005–2006 гг.; Россия, 2007 г.), нанешие чувствительный ущерб экономикам названных стран, тоже результат биологических диверсий [12, с. 1]. В 2019 г. абхазские власти обвинили Грузию в биодиверсии, результатом которой стало распространение мраморного клопа, уничтожившего более половины урожая различных сельскохозяйственных культур [5, с. 1].

Криминологические исследования свидетельствуют, что в качестве средства совершения преступления подбираются биологические агенты (бактерии, вирусы, токсины, прионы, риккетсии и др.) с высокой патогенностью (1 и 2 класса) и вирулентностью, в отношении которых известны случаи летальных исходов заболевания и/или имеются сведения о высоком эпидемическом потенциале. Учитываются также способы распространения; быстрота передачи от животных к человеку; устойчивость к лекарственным препаратам; обнаружение; терапия; обратное действие и др. Как правило, используются возбудители оспы, чумы, туберкулеза и трансмиссивных болезней (туляремии, сибирской язвы, бешенства, куриного гриппа и др.); реже – вирусы Марбурга, лихорадки Ку, конго-крымской лихорадки, Эболы и др. [8, с. 2].

¹ Запрещенная в России террористическая организация.

² Запрещенная в России террористическая организация.

³ Запрещенная в России террористическая организация.

⁴ Запрещенная в России террористическая организация.

ПБА могут использоваться в виде сухих смесей или жидких растворов. В качестве средств доставки ПБА к объекту криминальной атаки могут выступать инфицированные москиты, блохи, вши, клещи, птицы, животные, люди. Для доставки ракет, бомб, снарядов, мин и других боеприпасов, оснащенных капсулой для ПБА или устройствами для распространения патогенного спрея, может использоваться воздушный транспорт (БПЛА, самолет и др.) [8, с. 3].

География рассматриваемых преступных посягательств определяется месторасположением источников патогенных биологических агентов (промышленные, научно-исследовательские объекты, лаборатории двойного назначения 3 и 4 уровней безопасности; нелегальные биологические лаборатории; очаги природных и внутрибольничных инфекций) и объектов криминальных атак (общественный транспорт и соответствующая инфраструктура, спортивные, развлекательные, торговые организации, предприятия общественного питания, системы водоснабжения и вентиляции, и т. д. [8, с. 2, 3].

Биопреступления могут совершать как отдельные физические лица, так и организации. Самыми большими возможностями для создания и использования ПБА обладают, безусловно, государства, желающие получить военное или политическое превосходство. Чтобы избежать обвинения в нарушении норм КБТО, запрещающих разработку и использование биооружия массового поражения, правительственные структуры прибегают к различным уловкам: доверяют разработку биологического оружия частным компаниям; переносят исследовательские работы на территорию других стран; используют ПБА без официального объявления состояния войны, маскируя применение ПБА под действие источников природного или техногенного характера, акции террористически-диверсионных групп и др. [3, с. 199].

На сегодняшний день в Грузии, Казахстане, Азербайджане, Армении, Молдавии, Узбекистане, Таджикистане, Украине и других постсоветских государствах действуют многочисленные учреждения и биологические лаборатории, участвующие в военно-биологической деятельности США и других западных стран. Ими реализовано более двух тысяч военно-биологических проектов. Например, в грузинской референс-лаборатории «Центр Лугара» биологи

из частных американских фирм «CH2M Hill», «Battelle» и «Metabiota», по заказу Пентагона, работали со штаммами возбудителей чумы, свиного гриппа, сибирской язвы. В сентябре 2018 г. бывший министр госбезопасности Грузии Игорь Гиоргадзе представил доказательства того, что в этой лаборатории создавались биологическое оружие и средства его доставки, а также проводились секретные эксперименты над людьми (из 340 подопытных 57 умерло) [2, с. 1, 2].

Особо активно создавались биологические лаборатории на Украине. По данным Минобороны РФ, в октябре 1993 года Украина, США, Канада и Швеция заключили межправительственное соглашение о создании Украинского научно-технологического центра (УНТЦ). В 1998 году к данному соглашению присоединились страны ЕС. С 2005 г. в биопрограммах на украинской территории задействованы немецкие организации (Институт Фридриха Леффлера и Институт тропической медицины имени Бернхарда Нохта) [4, с. 1].

Начальник войск радиационной, химической и биологической защиты ВС РФ И. А. Кириллов указывал, что в период СВО было получено более 20 000 документов, подтверждающих, что на территории Украины находилось до 40 биологических лабораторий, нацеленных на создание компонентов биологического оружия. С 2005 г. объем финансирования Вашингтоном биологических программ на Украине превысил 224 миллиона долларов. Следственный комитет России возбудил уголовное дело по факту разработки биологического оружия массового поражения. Круг лиц, причастных к совершению преступления, определен [8, с. 1].

Следствие установило, что в украинских биологических лабораториях были выделены шесть семейств вирусов, включая коронавирусы, а также три вида патогенных бактерий (возбудители чумы, бруцеллеза и лептоспироза), реализовывались проекты «П-782» «Изучение возможности передачи заболеваний человеку через летучих мышей»; «Ю-Пи-4» «Изучение возможности распространения особо опасных патогенов через мигрирующих птиц»; «Ю-Пи-10» «Изучение распространения африканской чумы свиней на Украине в дикой природе и через торговые пути» и др. В лабораториях были обнаружены патенты «Агентства США по па-

тентам и товарным знакам» на: беспилотный летательный аппарат для распространения в воздухе зараженных москитов (от 3 марта 2015 года № 8,967,029 В1); полые боеприпасы для огнестрельного оружия с отравляющими веществами или биоагентами (патент США – от 5 августа 2014 года № 8,794,155 В1) [9, с. 25].

Вплоть до 2021 г. сотрудники биологических лабораторий проводили эксперименты над пациентами психиатрических больниц, воспитанниками детских домов, военнослужащими и осужденными, заражая их новыми штаммами особо опасных инфекций и испытывая на них экспериментальные биопрепараты. По данным российских военных экспертов, 80 % украинских военнопленных были заражены гепатитом, конго-крымской лихорадкой, лихорадкой Западного Нила [9, с. 50, 51].

Тревожной тенденцией следует признать использование методов синтетической биологии для создания генетически модифицированных ПБА. По словам Роберта Кеннеди-младшего, США вкладывают миллиарды долларов в исследования, в ходе которых ученые синтезируют заданные модификации опасных вирусов и отбирают среди них летальные возбудители, обладающие высокой вирулентностью. Результаты: генетическая модификация вируса, способного вызывать эпидемию птичьего гриппа среди людей (2006 г.); создание на основе комбинации трех генов возбудителя испанского гриппа вируса, способного проникать в клетки легких людей и вырабатывать фермент, необходимый для его воспроизводства (2008 г.); создание посредством генетической модификации вируса летучих мышей вируса COVID-19 [9, с. 20].

С помощью методов геномной инженерии предпринимаются попытки разработать усовершенствованные ПБА направленного или универсального действия. Первые нацелены на определенные этнические группы, вторые – на людей, животных, растения. Благоприятные условия для создания оружия, позволяющего уничтожать человеческие популяции, по заданным ключевым генетическим признакам, создают программа «Протеом человека», нацеленная на расшифровку и изучение назначения и взаимодействия белков, и программа «Превентивная экспрессия защитных аллелей и элементов отклика», направленная на выявление врожденной генетической уязвимости [9, с. 51].

Выводы:

1. Биопреступления, сопряженные с использованием патогенных биологических агентов (бактерий, вирусов, риккетсий, прионов, токсинов и др.) в преступных целях, представляют серьезную угрозу для национальной безопасности. Любое из них может привести к возникновению чрезвычайных биологических ситуаций уровня эпидемии, эпизоотии, эпифитотии и причинить широкомасштабный физический, экологический, социально-экономический, морально-психологический, политический, организационный и иной преступный вред.

2. Криминологический анализ свидетельствует, что на этапе предварительной преступной деятельности выбираются орудия (ПБА, биологическое оружие), наиболее эффективные по своим поражающим свойствам, определяется источник их получения (незаконное приобретение, хищение, изготовление в биологической лаборатории); определяется мишень для криминальной атаки (общественное место; источники биоопасности), избираются способы, средства (приспособления, технические устройства) доставки ПБА к намеченному объекту атаки, подыскиваются исполнители и иные соучастники преступления, в том числе лица, обладающие специальными познаниями в области микробиологии, синтетической биологии, генетики; составляется план совершения преступления, продумываются возможные способы сокрытия следов преступления и др.

3. Биопреступления совершаются как отдельными физическими лицами, так и группами лиц (организациями). Самыми большими возможностями для совершения преступлений с использованием ПБА обладают государства, которые для маскировки своей преступной деятельности используют различные уловки, доверяют разработку биологического оружия частным компаниям; переносят исследовательские работы на территорию других стран; используют ПБА без официального объявления состояния войны, маскируя применение ПБА под действие источников природного или техногенного характера, акции террористически-диверсионных групп и др.

4. География рассматриваемых преступных посягательств определяется месторасположением источников патогенных биологических агентов (промышленные, научно-исследова-

тельные объекты, лаборатории двойного назначения 3 и 4 уровней безопасности; нелегальные биолaborатории; очаги природных и внутрибольничных инфекций) и объектов криминальных атак (общественный транспорт и соответствующая инфраструктура, спортивные, развлекательные, торговые организации, предприятия общественного питания, системы водоснабжения и вентиляции, и т. д.).

5. Высокая латентность биопреступлений связана с объективными трудностями их обнаружения, а также установления причинно-следственной связи между внезапно возникшими эпидемиями, эпизоотиями, эпифитотиями и преступными деяниями; их тщательной подготовкой, организацией, умелой маскировкой под естественные вспышки инфекционных заболеваний, аварии и др. Негативно влияют на показатели борьбы с этими общественно-опасными деяниями пробельность и несовершенство базового и уголовного законодательства, отсутствие хорошо налаженного оперативно-розыскного и агентурного аппарата; недостаточная подготовленность сотрудников правоохранительных органов.

Список использованных источников

1. Берд К. И. Почтовая биодиверсия // Компьютерра. 2008. № 31 (747). С. 21–26.
2. Биолaborатории США в республиках бывшего СССР. URL: <https://colonelcassad.livejournal.com/5985759.html> (дата обращения: 10.10.2025).
3. Биологическое оружие и глобальная система биологической безопасности / Андриков Б. Г., Беседнова Н. Н., Калинин А. В., Котельников В. Н., Крыжановский С. П. Владивосток: Дальнаука, 2017. 430 с.
4. В ЛНР разыскивают распространителей зараженных туберкулезом купюр // Известия. 28.05.2022. URL: <https://iz.ru/1341392/2022-05-28/v-lnr-razyskivaiut-rasprostranitelei-zarazhennykh-tuberkulezom-kupiur> (дата обращения: 10.10.2025).
5. Грузинская биодиверсия в Абхазии или как биология в наше время превращается в страшное оружие. URL: <https://respublikarso.org/analytics/2019-gruzinskaya-biodiversiya-v-abhazii-ili-kak-biologiya-v-nashe-vremya-prevrashaetsya-v-strashnoe-oruzhie.html> (дата обращения: 10.10.2025).
6. Жиганова Л. П. Биотерроризм и агротерроризм – реальная угроза биобезопасности общества // США и Канада: Экономика-политика-культура. 2004. № 9. С. 11–14.
7. Зайцев А. И. Терроризм – война будущего // Технико-технологические проблемы сервиса. 2018. № 1 (43). С. 126–133.
8. Информационно-аналитический обзор Анти-террористического центра СНГ «Особенности угрозы биологического терроризма в современных условиях». URL: <https://cisatc.org/ru/analiticheskie-materialy/informatsionno-analiticheskij-obzor-osobennosti-ugrozy-biologicheskogo-terrorizma-v-sovremennykh-usloviyakh> (дата обращения: 14.10.2025).
9. Итоговый доклад парламентской комиссии по расследованию обстоятельств, связанных с созданием американскими специалистами биологических лабораторий на территории Украины. М., 2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1873584 (дата обращения: 14.10.2025).
10. Лобзин Ю. В., Лукин Е. П., Лукин П. Е., Усков А. Н. Биотерроризм в ряду биологических угроз: прошлое и настоящее // Медицина экстремальных ситуаций. 2018. № 20 (1). С. 6–12.
11. ФССБ: COVID-19 помогает террористам. URL: <https://www.fssb.su/block-strategicheskoy-bezopasnosti/smi-monitor-terror/4931-covid-19-pomogaet-terroristam.html> (дата обращения: 10.10.2025).
12. МО РФ: Пентагон через украинский центр изучал способ сделать птичий грипп неуправляемым. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/17687835> (дата обращения: 14.10.2025).
13. МО РФ: на Украине изучали возможности заражения холерой воды в реках. URL: <https://crimea.ria.ru/20220414/mo-rf-na-ukraine-izuchali-vozmozhnosti-zarazheniya-kholeroi-vody-v-rekakh-1122949241.html?in=t> (дата обращения: 14.10.2025).
14. МО РФ: Украина закупила более 50 беспилотников для распыления токсичных химикатов. URL: <https://crimea.ria.ru/20220414/ukraina-zakupila-50-dronov-dlya-raspyleniya-yadovitykh-veschestv--mo-rf-1122948757.html?in=t> (дата обращения: 14.10.2025).
15. Названы страны-обладательницы биологического оружия // NEWS.ru. 20.12.2022. URL: <https://news.ru/world/nazvany-strany-obladatelniczy-biologicheskogo-oruzhiya> (дата обращения: 14.10.2025).
16. Рывльская М. А. Биологическое оружие: исторические реалии и гуманитарно-правовые проблемы // Военное право. 2021. № 2 (66). С. 329–336.
17. Салимов К. Н. Современные проблемы терроризма. М.: Щит-М., 2000. 215 с.
18. СК РФ установил причастных к разработке биологического оружия на Украине // Российская газета. 2022. 5 марта.
19. Стало известно о военно-биологической программе Германии на Украине // Известия. 12.04.2022. URL: <https://iz.ru/1319636/2022-04-12/stalo-izvestno-o-voenno-biologicheskoi-programme-germanii-na-ukraine> (дата обращения: 14.10.2025).
20. Ткаченко Н. Н., Ищенко Д. П. К вопросу о понятии и мерах по борьбе с биологическим терроризмом // Юристъ-Правовед. 2019. № 4 (91). С. 83–88.

References

1. Byrd K. I. Postal Biosabotage. *Komputerra*. 2008. No. 31 (747). P. 21–26 [in Russ.].
2. US Biolaboratories in the Republics of the Former USSR. Available at: <https://colonelcassad.livejournal.com/5985759.html> (date of access: 10.10.2025) [in Russ.].
3. Andryukov B. G., Besednova N. N., Kalinin A. V., Kotelnikov V. N., Kryzhanovsky S. P. Biological Weapons and the Global Biological Security System. Vladivostok: Dalnauka, 2017. 430 p. [in Russ.].
4. Distributors of Tuberculosis-Contaminated Banknotes Wanted in the LPR. *Izvestia*. 05.28.2022. Available at: <https://iz.ru/1341392/2022-05-28/v-lnr-razyskivaiut-rasprostranitelei-zarazhennykh-tuberkulezom-kupiur> (date of access: 10.10.2025) [in Russ.].
5. Georgian Biosabotage in Abkhazia, or How Biology Is Being Turned into a Terrible Weapon in Our Time. Available at: <https://respublikarso.org/analytics/2019-gruzinskaya-biodiversiya-v-abhazii-ili-kak-biologiya-v-nashe-vremya-prevrashaetsya-v-strashnoe-oruzhie.html> (date of access: 10.10.2025) [in Russ.].
6. Zhiganova L. P. Bioterrorism and Agroterrorism: A Real Threat to Society's Biosecurity. *USA and Canada: Economy-Politics-Culture*. 2004. No. 9. P. 11–14 [in Russ.].
7. Zaitsev A. I. Terrorism: The War of the Future. *Technical and Technological Problems of Service*. 2018. No. 1 (43). P. 126–133 [in Russ.].
8. Information and Analytical Review of the CIS Anti-Terrorism Center: "Characteristics of the Threat of Biological Terrorism in Modern Conditions". Available at: <https://cisatc.org/ru/analiticheskie-materialy/informatsionno-analiticheskij-obzor-osobennosti-ugrozy-biologicheskogo-terrorizma-v-sovremennykh-usloviyakh> (date of access: 14.10.2025) [in Russ.].
9. Final report of the parliamentary commission to investigate the circumstances related to the creation of biological laboratories by American specialists on the territory of Ukraine. Moscow, 2023. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1873584 (date of access: 14.10.2025) [in Russ.].
10. Lobzin Yu. V., Lukin E. P., Lukin P. E., Uskov A. N. Bioterrorism among biological threats: past and present. *Medicine of extreme situations*. 2018. No. 20 (1). P. 6–12 [in Russ.].
11. Interregional Public Fund for Assistance to Strategic Security: COVID-19 helps terrorists. Available at: <https://www.fssb.su/block-strategicheskoy-bezopasnosti/smi-monitor-terror/4931-covid-19-pomogaet-terroristam.html> (date of access: 10.10.2025).
12. Ministry of Defense of the Russian Federation: The Pentagon, through a Ukrainian center, studied a way to make bird flu uncontrollable. Available at: <https://tass.ru/armiya-i-opk/17687835> (date of access: 14.10.2025) [in Russ.].
13. Ministry of Defense of the Russian Federation: Ukraine studied the possibility of contaminating river water with cholera. Available at: <https://crimea.ria.ru/20220414/mo-rf-na-ukraine-izuchali-vozmozhnosti-zarazheniya-holeroy-vody-v-rekakh-1122949241.html?in=t> (date of access: 14.10.2025) [in Russ.].
14. Ministry of Defense of the Russian Federation: Ukraine has purchased more than 50 drones for spraying toxic chemicals. Available at: <https://crimea.ria.ru/20220414/ukraina-zakupila-50-dronov-dlya-raspyleniya-yadovitykh-veschestv--mo-rf-1122948757.html?in=t> (date of access: 14.10.2025) [in Russ.].
15. Countries possessing biological weapons have been named. *NEWS.ru*. 20.12.2022. Available at: <https://news.ru/world/nazvany-strany-obladatelnicy-biologicheskogo-oruzhiya> (date of access: 14.10.2025) [in Russ.].
16. Rylskaya M. A. Biological weapons: historical realities and humanitarian-legal problems. *Military law*. 2021. No. 2 (66). P. 329–336 [in Russ.].
17. Salimov K. N. Modern problems of terrorism. Moscow: Shchit-M, 2000. 215 p. [in Russ.].
18. The Investigative Committee of the Russian Federation has identified those involved in the development of biological weapons in Ukraine. *Rossiyskaya Gazeta*. 2022. March 5 [in Russ.].
19. Germany's military biological program in Ukraine has become known. *Izvestia*. 12.04.2022. Available at: <https://iz.ru/1319636/2022-04-12/stalo-izvestno-o-voenno-biologicheskoi-programme-germanii-na-ukraine> (date of access: 14.10.2025) [in Russ.].
20. Tkachenko N. N., Ishchenko D. P. On the issue of the concept and measures to combat biological terrorism. *Jurist-Pravoved*. 2019. No. 4 (91). P. 83–88 [in Russ.].

Поступила в редакцию 17.11.2025

Received November 17, 2025

Улитин Илья Николаевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии юридического
факультета им. А. А. Хмырова,
Кубанский государственный университет,
350000, г. Краснодар, ул. Рашипилевская, д. 43,
email: iliaylitin1994@gmail.com

Ulitin, Ilya N.,
PhD in Law, Associate Professor
at the Department of Criminal Law
and Criminology, A. A. Khmyrov
Faculty of Law, Kuban State University,
43 Rashpilevskaya Str., Krasnodar,
350000, Russian Federation,
email: iliaylitin1994@gmail.com

ТЕРРИТОРИЯ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ СУЖДЕНИЯ О МЕСТЕ В СОСТАВООБРАЗОВАНИИ

TERRITORY AS AN OBJECT OF CRIME: SOME REFLECTIONS ON ITS ROLE IN THE STRUCTURE OF AN OFFENCE

АННОТАЦИЯ. В работе представлены некоторые суждения о месте в составообразовании территории, рассматриваемой в качестве предмета преступления. Автором отмечено, что названный признак в уголовно-правовом учении о составе преступления имеет двойственную правовую природу, выступая в конкретных случаях предметом посягательства либо местом его совершения. В работе предлагается условная классификация территорий, выступающих предметом преступления, а также раскрывается ее уголовно-правовое значение. В результате проведенного исследования сделан ряд выводов. В частности, отмечено, что территория выступает самостоятельным видом предмета преступления, обладающим специфическими чертами, главная из которых – ее пространственная протяженность и связь с правовым режимом. Четкое разграничение территории как предмета преступления и как места его совершения является необходимым условием точной квалификации содеянного. Основным критерием их «размежевания» выступает направленность преступления. Если деяние направлено на причинение вреда территории, то она выступает предметом преступления. В других случаях территория является местом совершения общественно опасного посягательства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: территория, предмет преступления, состав преступления, место совершения преступления, факультативные признаки состава

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Улитин, И. Н. Территория как предмет преступления: некоторые суждения о месте в составообразовании / И. Н. Улитин. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 90–93. – DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-13

ABSTRACT. The paper presents some considerations regarding the place of territory considered as the subject of a crime in the formation of its constituent elements. The author notes that this element in the criminal law doctrine of the elements of a crime has a dual legal nature, acting in specific cases as the object of the offense or the place where it was committed. The paper proposes a conditional classification of territories serving as the subject of a crime and also reveals its criminal law significance. A number of conclusions have been drawn as a result of the conducted research. In particular, it is noted that territory acts as an independent type of subject of a crime, possessing specific characteristics, the main one being its spatial extent and connection with the legal regime. A clear delineation of territory as the subject of a crime and as the place where it was committed is a necessary condition for an accurate classification of the act. The primary criterion for their “demarcation” is the purpose of the crime. If the act is aimed at causing harm to territory, then it serves as the subject of the crime. In other cases, territory is the place where a socially dangerous offense is committed.

KEYWORDS: territory, subject of the crime, elements of the crime, place of the crime, optional elements of the element of the crime

FOR CITATION:

Ulitin, I. N. (2026) Territory as an Object of Crime: Some Reflections on Its Role in the Structure of an Offence. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 13(1): 90–93 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-13

Отечественное уголовное право отличается индивидуальностью и рядом особенностей, которые проявляются, в том числе, в учениях о составе преступления. Стоит признать, что таковым свойственна динамика, имеющая тенденцию постоянного совершенствования, местами – усложнения, а также формирования новых направлений. Не являются исключением факультативные признаки состава преступления, представляющие собой юридически значимые условия элемента либо элементов состава преступления (объекта, объективной стороны, субъекта, субъективной стороны), как законодательно закрепленные, так и нет [8, с. 605]. Одним из таких признаков, характеризующихся некоторой правовой неопределенностью, выступает место совершения преступления, а именно конкретная территория.

Стоит указать, что в настоящее время такой признак, как «место преступления», в рамках конкретной модели общественно опасного посягательства может выступать его предметом [7, с. 180], обозначаемым определенной территорией.

Требуется заметить, что в научных кругах ведутся дискуссии по вопросу отнесения территории к тому или иному признаку состава преступления. Например, А. А. Чугуновым и Е. Р. Власенко при исследовании положений ст. 259 УК РФ обращено внимание на правовую неопределенность категории «место обитания», которое специалистами относится как к предмету, так и к месту преступления [9, с. 199].

В системе уголовного права термин «территория» традиционно ассоциируется с действием уголовного закона в пространстве (ст. 11 УК РФ). Однако его роль не ограничивается вопросами юрисдикции, что демонстрирует двойственную правовую природу данного обстояательства. Кроме того, в рамках второго значения (с позиции состава образования) территория может быть отнесена как к месту, так и к предмету преступления.

В настоящее время в теории уголовного права уже сформирована позиция об отнесении определенной территории к признаку объекта преступного посягательства. Например, Г. А. Есаков обращает внимание, что предметом посягательства могут выступать российская государственная, частная или муниципальная собственность [2, с. 85]. С. И. Голубев отмеча-

ет уголовно-правовое значение особо охраняемых природных территорий и природных объектов, выступающих предметом преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 262 УК РФ [1].

Традиционно предметом общественно опасного посягательства признается определенный материальный объект внешнего мира и информация, существующие до совершения преступления и удовлетворяющие потребности людей, энергия и объекты экологии, доступные для восприятия и способные подвергаться воздействию, изменению и учету произошедших в них изменений [4, с. 261]. Таким образом, предмет преступления – некая «субстанция», воздействуя на которую виновный нарушает общественные отношения, охраняемые уголовным законом [6, с. 45].

Определение термина «территория» в отечественном законодательстве отсутствует. Однако заметим, что согласно ч. 1 ст. 67 Конституции РФ территория России включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними.

С позиции лексического значения под территорией (лат. *territorium*) в географическом (физическом) смысле этого слова обычно понимается земельное пространство с определенными границами [5, с. 649]. С учетом современных технологических возможностей было запрошено понимание рассматриваемого признака у системы искусственного интеллекта¹. В качестве такового предложено понимать пространство с четко определенными границами, обладающее совокупностью природных характеристик и ресурсов, а также свойств, сформированных в результате человеческой деятельности.

Рассматривая территорию в качестве предмета преступления, заметим, что она должна отвечать всем признакам названного структурного компонента состава преступления. В большинстве случаев к таковым относятся физические, социальные и юридические характеристики конкретного объекта материального мира [3, с. 257]. С учетом этого любая территория, выступающая признаком предмета посягательства, обладает определенным правовым режимом или состоянием, которое охраняется

¹ Нейросеть Алиса. URL: alice.yandex.ru/chat.

уголовным законом и на которое осуществляется непосредственное воздействие при совершении противоправного деяния. Таким образом, наиболее очевидная, но от того не менее важная роль территории проявляется в преступлениях, где она сама является так называемым «охраняемым благом».

В современном уголовном законодательстве можно встретить следующие виды (конфигурации) территорий, на которые могут быть осуществлены общественно опасные посяательства:

- символ государственного суверенитета и территориальной целостности (например, ст. 3221 УК РФ);
- природный ресурс и компонент окружающей среды (например, ст. 254 УК РФ);
- территория с особым правовым статусом (например, ст. 262 УК РФ);
- пространство для осуществления легитимной деятельности (например, ст. 330 УК РФ).

Представленная классификация может быть дополнена либо скорректирована с учетом законодательных изменений, а также иных позиций ученых по данному вопросу. В связи с этим она является неким прообразом разделения территории как предмета преступления ее по правовой принадлежности и значению.

Рассматривая уголовноправовое значение анализируемого признака состава преступления, заметим, что он может выступать в качестве составообразующего или квалифицирующего признака его модели. Первый вариант можно проследить на примере ст. 250 либо 254 УК РФ. В этих общественно опасных посяательствах территория выступает не просто неким правовым явлением, а необходимым условием, которое придает действию характер уголовно наказуемого.

В уголовном законе территориальный признак нередко указывает на повышенную общественную опасность преступления, тем самым выполняя роль квалифицирующего обстоятельства. Проиллюстрировать данное утверждение можно обращением к ч. 2 ст. 247 УК РФ.

Дискуссионной является проблема разграничения территории как предмета преступления и места его совершения. В данном случае требуется отметить, что в первом случае признак состава преступления отвечает на вопрос «на что?». Помимо этого, он является матери-

альным выражением объекта посяательства. Например, для преступления, предусмотренного ст. 3221 УК РФ, государственная граница выступает предметом, так как деяние направлено непосредственно на ее нарушение, а объектом выступают общественные отношения в сфере реализации установленного порядка пересечения таковой. Если преступление, например кража, совершено в приграничной зоне, то сама эта зона выступает местом (правда, не имеющим уголовно-правового значения) совершения преступления, а не его предметом.

Подводя итог представленным рассуждениям о месте территории в составообразовании как предмете преступления, можно сделать следующие выводы:

1. Категория «территория» в уголовном праве является «многослойной» и полифункциональной. Ее уголовно-правовое значение варьируется от признания ее фундаментальным условием юрисдикции до конкретного признака, определяющего наличие, отсутствие или повышенную степень общественной опасности преступления.

2. В настоящее время можно утверждать, что территория выступает самостоятельной разновидностью предмета преступления, обладающей специфическими чертами, главная из которых – ее пространственная протяженность и наличие определенного правового режима.

3. Уголовно-правовое значение территории в контексте состава преступления двойственное: она может выступать как местом преступления, так и его предметом. Во втором случае значение территории проявляется в ее криминообразующей (составообразующей), квалифицирующей и разграничительной функциях, что напрямую влияет на конструкцию конкретных составов и юридическую оценку посяательства.

4. Четкое разграничение территории как предмета преступления и как места его совершения является необходимым условием точной квалификации содеянного. Основным критерием их «размежевания» выступает направленность преступления. Если деяние направлено на причинение вреда территории, то она выступает предметом преступления, в других случаях – местом его совершения.

Стоит заметить, что представленные суждения являются собой лишь фрагментарный анализ

проблемы, свидетельствующий о достаточной сложности рассматриваемого правового явления, требующего более глубокого изучения. Дальнейшее исследование данного вопроса может быть связано с анализом виртуального пространства («кибертерритория»), а также с разработкой более детальных критериев для сложных случаев конвергенции соответствующих признаков.

Список использованных источников

1. Голубев С. И. Особо охраняемые природные территории и природные объекты: характеристика и уголовно-правовое значение // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2020. Т. 2. № 4 (97). С. 107–114.
2. Есаков Г. А. Экстратерриториальное действие уголовного закона: современные мировые тенденции // Закон. 2015. № 8. С. 82–89.
3. Коренная А. А. Определение признаков предмета преступления при теоретико-прикладном моделировании уголовно-правовой охраны // Актуальные проблемы укрепления законности и правопорядка в современной России: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Москва, 04 апреля 2024 года). М., 2024. С. 257–262.
4. Маслакова Е. А. Предмет преступления как форма выражения общественных отношений // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1 (64). С. 257–261.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 80 000 слов и фразеол. выражений; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. Б. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 939 с.
6. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. А. И. Рарога. М., 2023.
7. Улитин И. Н. К вопросу о месте как факультативном (особенном) признаке объективной стороны преступления // Преступление: сущность и содержание: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук, профессора А. И. Марцева (Омск, 28 февраля 2025 г.). Омск, 2025. С. 180–183.
8. Улитин И. Н. Понятие факультативных признаков состава преступления // Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях: материалы III международной научно-практической конференции (Донецк, 25–26 мая 2023 года). Донецк, 2023. С. 601–605.

9. Чугунов А. А., Власенко Е. Р. Критическое местообитание как объективный признак состава преступления, предусмотренного ст. 259 УК РФ // Криминологический журнал. 2024. № 4. С. 197–202. DOI: 10.24412/2687-0185-2024-4-197-202.

References

1. Golubev S. I. Specially protected natural territories and natural objects: characteristics and criminal law significance. *Bulletin of the Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*. 2020. Vol. 2. No. 4 (97). P. 107–114 [in Russ.].
2. Esakov G. A. Extraterritorial effect of criminal law: modern global trends. *Zakon*. 2015. No. 8. P. 82–89 [in Russ.].
3. Korennaya A. A. Determining features of the object of crime in theoretical and applied modeling of criminal law protection. In: *Actual Problems of Strengthening Legality and Law and Order in Modern Russia. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, April 4, 2024)*. Moscow, 2024. P. 257–262 [in Russ.].
4. Maslakova E. A. Object of crime as a form of expression of social relations. *Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2015. No. 1 (64). P. 257–261 [in Russ.].
5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language. 80,000 words and phraseological expressions; Russian Academy of Sciences, V. B. Vinogradov Institute of Russian Language. 4th ed., supplemented. Moscow: Azbukovnik, 1997. 939 p. [in Russ.].
6. Rarog A. I. (Ed.). Criminal law of Russia. Special part: textbook. Moscow, 2023 [in Russ.].
7. Ulitin I. N. On the issue of place as an optional (special) feature of the objective side of a crime. In: *Crime: Essence and Content. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 95th anniversary of Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor A. I. Martsev (Omsk, February 28, 2025)*. Omsk, 2025. P. 180–183 [in Russ.].
8. Ulitin I. N. Concept of optional elements of the corpus delicti. In: *Actual Problems of Theory and Practice of Criminal Law and Procedure in Modern Conditions. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference (Donetsk, May 25–26, 2023)*. Donetsk, 2023. P. 601–605 [in Russ.].
9. Chugunov A. A., Vlasenko E. R. Critical habitat as an objective feature of the corpus delicti under Article 259 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Criminological Journal*. 2024. No. 4. P. 197–202. DOI: 10.24412/2687-0185-2024-4-197-202 [in Russ.].

Поступила в редакцию 12.01.2026

Received January 12, 2026

Цыганенко Сергей Станиславович,
доктор юридических наук, профессор
кафедры уголовного процесса
и криминалистики, юридический факультет,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южный федеральный
университет», 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: zeross@rambler.ru

Tsyganenko, Sergey S.,
Doctor of Law, Professor
at the Department
of Criminal Procedure and Criminalistics,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: zeross@rambler.ru

Бирюков Валерий Васильевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики, юридический факультет,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южный федеральный
университет», 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88; профессор кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Ростовский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции, 344019,
г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, д. 32/2,
email: bvvkrimlavd@mail.ru

Biryukov, Valery V.,
Doctor of Law, Professor,
Professor at the Department of Criminal
Procedure and Forensics, Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation;
Professor at the Department of Criminal
Procedure and forensics, Rostov Institute
(branch) of the All-Russian State
University of Justice,
32/2 Sovetskaya, Rostov-on-Don,
344019, Russian Federation,
email: bvvkrimlavd@mail.ru

О МЕСТЕ И ЗНАЧЕНИИ КАТЕГОРИИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В СТРУКТУРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС»

THE PLACE AND IMPORTANCE OF DIFFERENTIATION CATEGORIES IN THE STRUCTURE OF TEACHING CRIMINAL PROCEDURE

АННОТАЦИЯ. Современное преподавание на юридических факультетах и в вузах дисциплины «Уголовный процесс» проводится, как правило, без изложения и изучения вопросов дифференциации уголовного процесса. Одной из причин этого положения является отсутствие в учебниках и в целом в учебной литературе контента о содержании и основных элементах дифференциации уголовного процесса. В то же время данная тема относится к числу актуальных и важных для изучения вопросов как Общей части дисциплины «Уголовный процесс», так и Особенной, без чего не может проводиться качественного уровня обучения по дисциплине «Уголовный процесс». В связи с этим в статье акцентировано внимание

ABSTRACT. Modern teaching at law faculties and universities of the discipline of criminal procedure is conducted, as a rule, without presentation and study of the issues of differentiation of criminal procedure. One of the reasons for this situation is the lack of content in textbooks and, in general, in the educational literature on the content and basic elements of differentiation of criminal procedure. At the same time, this topic is among the topical and important for the study of issues of the General part of the discipline of criminal procedure, as well as the Special, without which cannot be carried out a qualitative level of training in the discipline of criminal procedure. In this regard, the article focuses on some relevant aspects of the modern theory of

на отдельных актуальных аспектах современной теории дифференциации уголовного процесса и предложены решения часто возникающих при их рассмотрении проблем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальное право, дифференциация, учебный курс

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Цыганенко, С. С. О месте и значении категории дифференциации в структуре преподавания дисциплины «уголовный процесс» / С. С. Цыганенко, В. В. Бирюков. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 94–98. – DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-14

На юридическом факультете ЮФУ уже давно сложилась и не подвергается изменению при преподавании общеизвестная система положений в науке уголовного процесса, и прежде всего тех ее положений, которые выражают идеи и принципы двух частей – Общей и Особенной.

Общая часть принципиально сфокусирована и занимает ведущее место в области знаний о целях и задачах уголовного процесса, системе, источниках, субъектах, доказательствах и т. д.

Особенная часть посвящена целиком и полностью вопросам производства по уголовному делу.

Долгое время вызывают значительный интерес у обучающихся проблемы дифференциации уголовного процесса. Несколько лет назад в магистерскую программу по курсу «Уголовная юстиция» была введена дисциплина по выбору – «Дифференциация форм уголовного процесса».

Однако одна из актуальных проблем, на которую обращается внимание со стороны обучающихся, это то, что в учебниках и публикуемых курсах лекций, как правило, отсутствует тема дифференциации уголовного процесса.

При этом существуют курсы уголовного процесса, которые выступают исключением в этом отношении [2, с. 131–136; 3, с. 70–72; 4, с. 61–66; 10, с. 488; и др.]. В них очень выпукло выражено индивидуальное отношение авторов, собственная позиция по существу вопроса и в целом оценка его значимости.

Таким образом, создается впечатление, что вопросы дифференциации – это сугубо научные и дискуссионные вопросы развития уголовного

дифференциации уголовного процесса и предлагает решения к проблемам, которые часто возникают при их рассмотрении.

KEYWORDS: criminal procedure, criminal justice, criminal procedural law, differentiation, training course

FOR CITATION:

Tsyganenko, S. S., Biryukov, V. V. (2026) The Place and Importance of Differentiation Categories in the Structure of Teaching Criminal Procedure. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 13(1): 94–98 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-14

процесса, касающиеся узкого круга специалистов и интересующихся данной проблемой.

Представляется, что уже давно назрела потребность изменить отношение к этой области теории и включить ее вопросы в систему преподавания дисциплины «Уголовный процесс» на юридических факультетах и курсах, определив ей соответствующее место в учебных источниках.

Несколько слов в связи с этим и замечаний. Хотя изложение Особенной части, на первый взгляд, теснейшим образом связано с содержанием положений дифференциации, эта тема в первую очередь необходима для вопросов Общей части. С одной стороны, это крайне важно для характеристики уголовно-процессуальной формы. С другой стороны, она объясняет причины, по которым вносятся существенные изменения в порядок возбуждения, расследования и рассмотрения уголовного дела.

На юридическом факультете ЮФУ в 2017 и 2019 гг. вышел учебник кафедры уголовного процесса и криминалистики, посвященный вопросам уголовного процесса (Общая часть) [5], а в настоящее время подготовлено к опубликованию третье издание, охватывающее Общую и Особенную части курса «Уголовный процесс». В нем предпринята попытка изложения отдельных ключевых концептуальных идей вышеуказанной темы.

Во-первых, как представляется, необходимо отличать данную категорию от других употребляемых в теории внешне, казалось бы, сходных понятий и суждений. Дифференциация уголовно-процессуальной формы выражается в формировании и применении в зависимости

от категории уголовных дел и органа, осуществляющего процессуальную деятельность, самостоятельного порядка их расследования и рассмотрения [9, с. 3].

Во-вторых, дифференциация связана с системно-структурной основой уголовного судопроизводства. Ее ключевыми элементами являются процессуальные производства и процессуальные стадии.

Кроме того, в настоящее время в части вопросов дифференциации наиболее дискуссионной является категория особых порядков.

Как известно, УПК РСФСР 1960 г. не предусматривал категорию особых порядков (хотя в нем с 1966 г. присутствовала глава 40 – в отношении порядка производства по делам о хулиганстве, с 1977 г. – в отношении дел о хищениях, а с 1985 г. – раздел IX (ст. 414–419) «Протокольная форма досудебной подготовки материалов». Ранее особые порядки были предусмотрены в УПК РСФСР 1922 и 1923 гг.).

УПК РФ 2001 г. содержит часть четвертую – «Особый порядок уголовного судопроизводства», включающую раздел XVI «Особенности производства по отдельным категориям уголовных дел», в составе которого глава 50 (ст. 420–432), состоящая из правил производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, глава 51 (ст. 433–446), устанавливающая правила по производству о применении принудительных мер медицинского характера, и глава 51.1 (ст. 446.1–446.5) – новый в российском уголовном процессе порядок в виде производства о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности.

Также часть четвертая включает раздел XVII «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц» (глава 52, ст. 447–452) – посвященный особому порядку производства. Как показывает содержание данной части, в ней предусмотрены особенности – правила, касающиеся порядка досудебного и судебного производства по уголовным делам определенных категорий и некоторых категорий должностных лиц. В теории уголовного процесса существует два критерия – нормативный и функциональный, по которым принято выделять различные по своему характеру и назначению процессуальные порядки.

Так, по характеру правовых норм (нормативный критерий) выделяют прежде всего общий и особенный порядок производства [6, с. 42].

Общий порядок уголовного судопроизводства – основной вид уголовно-процессуальной деятельности, урегулированный наибольшим кругом правовых норм, содержащихся в уголовно-процессуальном законодательстве. По своим чертам – это публичный порядок, состоящий из досудебного и судебного производства по уголовному делу, применяющийся во всех случаях обнаружения и регистрации повода и оснований для возбуждения уголовного дела, за исключением тех обстоятельств, которые предусматривают применение иного порядка деятельности процессуальных органов. Общий порядок уголовного судопроизводства нормативно выражен в части второй и третьей УПК РФ (ст. 140–313) [6, с. 17].

Хотя особенный порядок уголовного судопроизводства – это процессуальный порядок, основанный на общих правилах, но для урегулирования действий по возбуждению, расследованию и рассмотрению уголовных дел в нем используются также специальные правила-нормы [6, с. 40–43]. К числу особенных порядков по УПК РФ относятся производство у мирового судьи, производство в суде с участием присяжных заседателей, производство по делам в отношении несовершеннолетних, порядок в виде производства о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности, а также порядок, включающий особенности производства по делам в отношении отдельных категорий должностных лиц.

В то же время в УПК РФ в отношении общего порядка производства по уголовным делам предусмотрены изъятия из установленных правил – это особый порядок судебного разбирательства (раздел X, гл. 40, 40.1). Таким образом, в УПК предусмотрена третья группа порядков – особые производства, для которых установлены исключения (изъятия) из общих правил производства.

Отдельное положение среди процессуальных порядков занимает производство по применению принудительных мер медицинского характера. Специфика его природы заключается в том, что это производство не связано с применением мер уголовной ответственности.

Вследствие этого производство о применении принудительных мер медицинского характера – это особый порядок по признаку субъекта.

Следует также отметить, что если особые порядки в своих правилах содержат дополнительные гарантии или иные процессуальные средства, то в особых порядках, наоборот, предусмотрены исключения и ограничения в отношении процессуальных прав участников и гарантий их осуществления. Поэтому вводятся дополнительные обязательные требования. Во-первых, особые порядки применяются только лишь на основе ходатайства обвиняемого либо письменного соглашения обвиняемого с прокурором. Во-вторых, требуется согласие других участников (обвинителя, потерпевшего), а также устанавливается определенная категория дел по тяжести, где они могут применяться. Наконец, устанавливается правило об обязательном снижении размера наказания в особом порядке, не допускается применение особого порядка отношении несовершеннолетних.

В кратком комментарии к УПК РФ, созданном разработчиками проекта УПК РФ 2001 г., по этому поводу отмечено в целом следующее: «И вторая, и третья части содержат главы, регулирующие те или иные особенности уголовного судопроизводства. Так, во второй части “дознание” (гл. 32) рассматривается как особая по отношению к предварительному следствию форма предварительного расследования. В третьей части к особым формам судебного разбирательства отнесены “особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением” (разд. X), производство у мирового судьи (разд. XI), производство в суде с участием присяжных заседателей (разд. XII). Однако все эти особенности имеют место применительно к досудебному или судебному производству и обусловлены различиями уголовных дел в зависимости от категории расследуемого или рассматриваемого преступления. В четвертую часть включены нормы о таких особых формах уголовного судопроизводства, которые, во-первых, охватывают досудебное и судебное производство, во-вторых, касаются отдельных категорий подозреваемых, обвиняемых, подсудимых» [1, с. 63–64].

Таким образом, разработчики УПК РФ в соответствующих его частях и разделах осу-

ществили систематизацию уголовно-процессуальных норм, с одной стороны, являющихся общими правилами, а с другой – той их группы, которая является по своему назначению специализированной, поскольку устанавливает те или иные особенности досудебной или судебной формы деятельности процессуальных органов.

Тем самым в УПК, прежде всего при конструировании процессуальных порядков, был использован нормативный критерий. Однако не был использован функциональный.

Очевидно, что между производством в суде присяжных и особым порядком судебного разбирательства имеются существенные различия, которые нельзя не учитывать. Первое – это сложная процессуальная форма, содержащая, наряду с общими, также и другие дополнительные по объему и характеру гарантии прав обвиняемого. Второе – упрощенная, редуцированная процессуальная форма, в которой имеет место определенное ограничение прав обвиняемого.

Таким образом, по нормативному критерию особый порядок должен отражать обособление группы специальных норм – правил, устанавливающих изъятия (исключения) из общего порядка производства по уголовному делу, в том числе и за счет гарантий прав обвиняемого.

В то же время, как видно, вместо обособления уголовно-процессуальных производств в УПК присутствует их «гибридизация», процессуальная эклектика. Так, в общем порядке уголовного процесса используются не различные группы дополняющих его признаки особенностей (формы предметной специализации), а целые элементы других процессуальных форм либо применяется категория особых порядков.

Что же касается функционального критерия, то, исходя из него, под особым порядком (производством) понимается вид уголовно-процессуальной деятельности и соответствующие правовые отношения, которые распространены законом только на некоторые категории уголовных дел, имеющих отличительную юридическую предметность и связанные с ней правовые задачи [6, с. 42–43; 7; 8]. Речь, в частности, идет о разделе X УПК РФ («Особый порядок судебного разбирательства»), включающем главу 40 (ст. 314–317) об особом порядке принятия судебного решения при согласии об-

виняемого с предъявленным ему обвинением и главу 40.1 (ст. 317.1–317.9) об особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Актуальным является вопрос о соответствии особых порядков основным конституционным принципам уголовного процесса и правам личности.

Список использованных источников

1. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. М.: Юрист, 2002. 1039 с.
2. Курс советского уголовного процесса: Общая часть. М.: Юридическая литература, 1980. 640 с.
3. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М.: Статут, 2017. 1280 с.
4. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М.: Наука, 1968. Т. 1. 470 с.
5. Уголовный процесс. Общая часть: учебник / под ред. Ю. А. Ляхова. Ростов н/Д: Книга, 2018. 400 с.
6. Цыганенко С. С. Общий и дифференцированные порядки уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. 46 с.
7. Цыганенко С. С. Ускоренное судопроизводство в свете дифференциации уголовно-процессуальной формы (Часть первая) // Вопросы регулирования экономики. 2022. Т. 13, № 4. С. 138–149.
8. Цыганенко С. С. Ускоренное судопроизводство в свете дифференциации уголовно-процессуальной формы (Часть вторая) // Вопросы регулирования экономики. 2023. Т. 14, № 2. С. 69–82.
9. Цыганенко С. С. Ускоренное судопроизводство: преступления, не представляющие большой общественной опасности. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1992. 80 с.

10. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. 607 с.

References

1. Kozak D. N., Mizulina E. B. (Ed.). Commentary to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. Moscow: Yurist. 2002. 1039 p. [in Russ.].
2. The course of Soviet criminal procedure: General part. Moscow: Yuridicheskaya litetatura, 1980. 640 p. [in Russ.].
3. Golovko L. V. (Ed.). The course of criminal procedure. Moscow: Statute, 2017. 1280 p. [in Russ.].
4. Strogovich M. S. The course of Soviet criminal procedure: in 2 vols. Moscow: Nauka, 1968. Vol. 1. 470 p. [in Russ.].
5. Lyakhov Yu. A. (Ed.). Criminal procedure. General part: textbook. Rostov-on-Don: Kniga, 2018. 400 p. [in Russ.].
6. Tsyganenko S. S. General and differentiated orders of criminal proceedings: synopsis of a thesis for the degree of Doctor in Law. St. Petersburg, 2005. 46 p. [in Russ.].
7. Tsyganenko S. S. Accelerated legal proceedings in the light of the differentiation of the criminal procedure form (Part 1). *Journal of Economic Regulation*. 2022. Vol. 13, No. 4. P. 138–149 [in Russ.].
8. Tsyganenko S. S. Accelerated legal proceedings in the light of differentiation of criminal procedure form (Part 2). *Journal of Economic Regulation*. 2022. Vol. 14, No. 2. P. 69–82 [in Russ.].
9. Tsyganenko S. S. Accelerated legal proceedings: crimes that do not represent a great public danger. Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House, 1992. 80 s. [in Russ.].
10. Foynitsky I. Ya. The course of criminal proceedings: in 2 vols. St. Petersburg: Alfa, 1996. Vol. 2. 607 p. [in Russ.].

Поступила в редакцию 25.05.2025

Received May 25, 2025

УДК 342.9

DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-15

Авакян Аlesia Мнацакановна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
университет», 350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, д. 149,
email: Avakyan.alesya@mail.ru

Avakyan, Alesya M.,
PhD in Law, Associate Professor
at the Department of Civil Law,
Kuban State University,
149 Stavropolskaya Str., Krasnodar,
350040, Russian Federation,
email: Avakyan.alesya@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕГО УЧАСТИЕ В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ

ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF THE CENTRAL BANK OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS PARTICIPATION IN THE INSURANCE SECTOR

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается административно-правовой статус Центрального Банка Российской Федерации и его участие в сфере страхования. Аргументирован особый статус Банка России, показаны полномочия в сфере страхования. Выявлены проблемы реализации контроля и надзора в сфере страхования. Деятельность Банка России в сфере страхового надзора представляется неэффективной. Отсутствие реализации принципа эффективности ставит под сомнение целесообразность наделяния Банка России полномочиями по страховому надзору, и позволяет сделать вывод о целесообразности создания Службы страхового надзора. Так, необходимо разграничение полномочий по финансовому и административному контролю и надзору, где финансово-правовая составляющая в части контроля за финансовой устойчивостью и развития страхового рынка должна быть сосредоточена в компетенции Банка России и частично возложена на саморегулируемые организации, тогда как функции по нормативному правовому регулированию в соответствии с системой организации органов исполнительной власти должны быть сосредоточены на уровне министерства, а функции по контролю и надзору – на уровне федеральной службы, имеющей территориальные подразделения в каждом субъекте Российской Федерации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Центральный Банк Российской Федерации, административно-правовой статус, полномочия, страхование, контроль, надзор, финансовый рынок, федеральная служба

ABSTRACT. The article examines the administrative and legal status of the Central Bank of the Russian Federation and its participation in the insurance sector. The special status of the Bank of Russia is argued, and its powers in the insurance sector are shown. The problems of implementing control and supervision in the insurance sector are identified. The activities of the Bank of Russia in the field of insurance supervision appear to be ineffective. The lack of implementation of the principle of efficiency raises doubts about the appropriateness of granting the Bank of Russia powers in the field of insurance supervision, and allows us to conclude that it is advisable to establish a Service for Insurance Supervision. Thus, it is necessary to delineate the powers of financial and administrative control and supervision, where the financial and legal component of financial stability and insurance market development should be concentrated in the competence of the Bank of Russia and partially delegated to self-regulatory organizations, while the functions of regulatory legal regulation should be concentrated at the level of the Ministry in accordance with the system of organization of executive authorities, and the functions of control and supervision should be concentrated at the level of the Federal Service, which has territorial divisions in each constituent entity of the Russian Federation.

KEYWORDS: Central Bank of the Russian Federation, administrative and legal status, powers, insurance, control, supervision, financial market, federal service

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Авакян, А. М. Административно-правовой статус Центрального Банка Российской Федерации и его участие в сфере страхования / А. М. Авакян. – Текст: непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 99–107. – DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-15

FOR CITATION:

Avakyan, A. M. (2026) Administrative and Legal Status of the Central Bank of the Russian Federation and Its Participation in the Insurance Sector. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 13(1): 99–107 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-15

Введение. Центральный Банк Российской Федерации имеет особый статус, который обусловлен его ролью в экономической системе Российской Федерации. Банк России не входит в систему органов исполнительной власти, однако такое мнение среди ученых встречается [22, с. 46].

В то же время Законом о страховом деле [14] Банк России наделен полномочиями по реализации страхового надзора и контроля. Помимо контроля и надзора в сфере страхования, Банк России как финансовый мегарегулятор обладает рядом иных полномочий, к числу которых относятся полномочия по нормативному правовому регулированию. Такой подход в организации системы страхового надзора вызывает немало вопросов, среди которых определение правового статуса Банка России и природы его полномочий. Частично ответ на данный вопрос вытекает из определения природы реализуемого Банком России надзора и контроля в сфере страхования.

В юридической доктрине встречаются дискуссии относительно того, имеют ли данный надзор и контроль административно-правовую или финансово-правовую природу [8, с. 163]. К примеру, Е. В. Покачалова, А. Ю. Рыбкова указывают на наличие финансово-правовой природы страхового надзора [16, с. 218; 18].

Как отмечает А. В. Козачёк, аргументация в юридической доктрине в пользу финансового надзора, реализуемого Банком России в сфере страхования, связана с обоснованием специфики финансового надзора, направленного на регулирование отношений в сфере финансовых рынков, которую не учитывают особенности и методы реализации административного надзора. Вместе с тем подход самого автора вызывает интерес, поскольку он утверждает о наличии административно-правовой природы в надзоре Банка России за страховой деятельностью [8, с. 165]. При этом позиция в литературе о рассмотрении страхового надзора как административно-правового надзора была преиму-

щественно распространена в работах авторов до проведения реформы по передаче полномочий Росстрахнадзора в сфере осуществления страхового надзора Банку России, поскольку система страхового надзора до проведения реформы функционировала в рамках системы органов исполнительной власти. К примеру, на административно-правовую природу страхового надзора в диссертационном исследовании указывали Ю. А. Колесников [9, с. 6], О. В. Кононенко [11, с. 16].

При этом отметим, что традиционно для Банка России характерна реализация банковского надзора, одной из приоритетных целей которого выступает обеспечение финансовой стабильности банковской системы и обращения национальной валюты. Особенности такого регулирования, осуществляемого ЦБ РФ, выражаются в том, что оно направлено непосредственно на хозяйствующих субъектов и преследует цели обеспечения их финансовой устойчивости на рынке, имеет большую степень контроля за деятельностью субъектов финансового рынка. Данное направление банковского надзора по обеспечению финансовой устойчивости участников финансового рынка в науке именуется пруденциальным надзором, что включает в себя такие методы, как установление требований к капиталу, к осуществлению и контролю за операциями, к обороту ценных бумаг, иные меры, имеющие в своей сущности финансово-правовую природу. Так, постепенно полномочия Банка России расширялись на сферу регулирования всего финансового рынка и обеспечения финансовой стабильности субъектов финансового рынка, расширились также контрольные и надзорные полномочия Банка России, которые были направлены на мониторинг деятельности субъектов финансового рынка и контроль за их поведением на финансовом рынке. При этом некоторые авторы настаивают, что большая часть именно финансово-правового регулирования на финансовых

рынках может реализовываться саморегулируемыми организациями [18, с. 231]. В последние годы в науке такое направление деятельности Банка России авторы именуют как поведенческий надзор, указывая на его финансово-правовую природу [12, с. 1–9]. При этом анализируя Закон о Банке России, можно проследить, что к сфере регулирования ЦБ РФ финансовых рынков законодатель, в том числе, относит сферу регулирования страховых отношений. В частности, из положений ст. 3 Закона о Банке России, в которых указаны основные направления его деятельности, реализация страхового надзора или регулирование страховой сферы отдельно не выделяется, тогда как указывается на обеспечение развития и стабильности финансового рынка. Непосредственная реализация контроля и надзора Банка России в сфере страхования осуществляется Департаментом страхового рынка ЦБ РФ, за исключением ряда полномочий в сфере легализации преступных доходов, инспекционной деятельности и защиты прав потребителей финансовых услуг. Реализацию надзора за финансовыми рынками А. Г. Гузнов называет видом контрольной деятельности, который направлен на обеспечение устойчивости всего финансового рынка и его отдельных сфер, а также направлен на защиту прав и законных интересов участников отношений. Тем не менее надзор за финансовыми рынками не предполагает непосредственного вмешательства в деятельность хозяйствующего субъекта [5, с. 14; 6]. В то же время деятельность субъектов страхового сектора также предполагает сосредоточение крупных денежных фондов, что позволяет относить деятельность страховщиков к реализуемой на финансовом рынке деятельности [22, с. 41–42]. О том, что обеспечение финансовой устойчивости страховщиков является приоритетной задачей в деятельности Департамента страхового рынка, заявлено ЦБ РФ [7]. Кроме того, Положением Банка России от 10 января 2020 года, номер 710-П [17] регулируются требования к финансовой устойчивости страховщиков, устанавливающие методику определения капитала страховщиков, перечень разрешенных для инвестирования активов, а также устанавливается ряд иных мер финансового правового характера. Таким образом, отрицать наличие полномочий финансово-правового характера

Банка России при регулировании сферы страховых отношений трудно. Вместе с тем и отрицать наличие административно-правового элемента в страховом регулировании ЦБ РФ также представляется недопустимым, что обуславливается закреплением полномочий административно-правового характера при реализации страхового надзора.

Как отмечают А. Г. Гузнов и Т. Э. Рождественская, страховой надзор включает в себя несколько направлений, среди которых реализация мер принуждения, лицензирование и контроль за соблюдением законодательства при осуществлении страховщиками своей деятельности [5, с. 268]. Кроме того, ст. 30 Закона о страховом деле раскрывается содержание страхового надзора, указывается также на реализацию органом страхового надзора аккредитации филиалов иностранных страховых организаций, на право введения временной администрации в случаях банкротства, выдачу разрешений в случаях иностранного инвестирования в уставной капитал страховой организации. Данный перечень, а также меры по лицензированию и выявлению правонарушений отражают административно-правовую составляющую страхового надзора. Применительно к компетенции Банка России в целом, анализ положений ст. 30 Закона о страховом деле позволяет сделать вывод, что наряду с указанными направлениями можно также выделить направление по развитию страхового дела и контроль за финансовой устойчивостью страховых организаций, что также указывает на государственную деятельность по стратегическому развитию сферы страхования и по ее финансовому контролю. Примечательно, что законодатель в ст. 4.1 Закона о страховом деле также указывает, что наряду со страховым надзором, ЦБ РФ осуществляет регулирование и контроль в сфере страхования, что не вносит ясности в разграничение этих функций. Вместе с тем, исходя из природы надзора, реализуемого Банком России, можно говорить об одновременной реализации и административного, и финансового контроля и надзора в сфере страхования, а также функций по нормативному правовому регулированию в рамках предоставленной законодательством компетенции.

Таким образом, несмотря на то, что ЦБ РФ является независимым субъектом и не входит

в систему государственных органов, в силу закона ему были переданы государственные полномочия административно-правового характера в сфере страхового надзора. С учетом сказанного передача государством административно-правовых полномочий ЦБ РФ свидетельствует о наличии у Банка России в соответствии с действующим законодательством особого административно-правового статуса в сфере управления страховым сектором. О наличии административно-правового статуса Банка России свидетельствуют не только реализация им непосредственной управленческой деятельности в сфере страхования, характерной для систем органов исполнительной власти, но также и регулирование его деятельности и нормами административного правового регулирования. О наличии административных полномочий Банка России свидетельствуют положения ст. 23.74 КоАП, допускающие привлечение им при осуществлении контроля надзора за финансовыми рынками к ответственности участников финансового рынка, включая страховые организации. О последнем, в том числе, свидетельствуют положения ст. ст. 15.34, 15.34.1 КоАП, устанавливающие ответственность для страховщиков.

Рассмотрение ЦБ РФ как субъекта, обладающего административно-правовым статусом, осложняет также наличие у него организационно-правовой формы юридического лица. Таким образом, возникает еще один вопрос, касающийся возможности признания у юридического лица административно-правового статуса. В зарубежной доктрине можно встретить подход, согласно которому государственными органами или с их согласия полномочия по контролю могут быть переданы организациям, «отличным от государства», а также юридическим лицам публичного и частного права, включая СРО [22, с. 78].

Банк России, являясь самостоятельным и независимым субъектом, неподконтролен органам исполнительной власти, но одновременно реализует компетенцию, свойственную органам исполнительной власти [2, с. 69]. Еще больше вопросов вызывают полномочия Банка России в рамках реализации управленческой деятельности в сфере страхования по делегированию отдельной компетенции другим юридическим лицам, к числу которых можно

отнести Агентство по страхованию вкладов, Национальную перестраховочную компанию, а также, например, АО «Национальную страховую информационную систему», выступающую оператором АИС «Страхование». При этом, как отмечает А. В. Козачёк, Банк России ввиду того, что не является органом исполнительной власти, не может передавать государственно-властные полномочия [8, с. 169]. Отсутствуют сомнения в том, что данные организации обладают особым публичным правовым статусом в сфере страхования. Однако создание Банком России данных субъектов, в том числе, предусмотрено федеральным законодательством. Таким образом, законодатель наделил Банк России, помимо страхового надзора и страхового регулирования, также полномочиями по созданию и управлению публичными юридическими лицами. В данном случае можно говорить также о функциях Банка России по корпоративному управлению юридическими лицами, осуществляющими публичные функции в сфере страхования.

В свою очередь, в науке нет однозначного подхода к пониманию публичного юридического лица, наделенного административным статусом. При этом очевидно, что в сравнении с административно-правовым статусом государственного органа административно-правовой статус юридических лиц будет иметь отличия, в том числе связанные с ограничением реализуемой ими деятельности. В доктрине имеется подход, определяющий административно-правовой статус юридических лиц как совокупность прав, обязанностей и ответственности организации, а также ограничения в части реализации переданных им компетенций [10, с. 88]. Как представляется, такой подход не учитывает особенности, связанные с организационно-правовой формой организаций, которые, несмотря на наличие публичных функций, учреждаются, реорганизуются, ликвидируются в специальном порядке в зависимости от создаваемой организационно-правовой формы юридического лица, осуществляют хозяйствующую деятельность, могут осуществлять предпринимательскую деятельность. Структура и управление в таких организациях также имеет особенности, связанные с организационно-правовой формой. Существуют также подходы в юридической доктрине, включающие эти особен-

ности функционирования юридического лица в структуру их административно-правового статуса [3, с. 27]. Некоторые из авторов также отмечают необходимость учитывать, в том числе, меры принуждения при осуществлении деятельности организации в структуре административно-правового статуса [19, с. 204].

Таким образом, Банк России выступает юридическим лицом, имеющим особый административно-правовой статус. Несмотря на подходы ряда авторов, утверждающих, что статус Банка России аналогичен статусу государственного органа, такой вывод не подтверждается законодательным регулированием, прямо указывающим на организационно-правовую форму ЦБ РФ как юридического лица. Более того, на основании положений ст. 75 Конституции РФ Банк России имеет также конституционно-правовой статус. В судебной практике вопрос о статусе Банка России подробно рассматривался Конституционным Судом РФ в Определении КС РФ от 14.12.2000 № 268-О [15]. КС РФ обозначил, что исключительная компетенция Банка России в сфере эмиссии и обеспечении устойчивости и защиты национальной валюты подтверждается Конституцией РФ. Кроме того, КС РФ отметил, что наделение Конституцией РФ Банка России соответствующими полномочиями и наличие механизмов государственного принуждения при реализации его деятельности позволяет рассматривать полномочия ЦБ РФ как государственно-властные полномочия. Особый интерес правовой позиции КС РФ относительно статуса Банка России вызывает подтверждение легитимности осуществления им нормативно-правового регулирования вопросам его компетенции. На момент рассмотрения дела Банку России еще не были переданы полномочия в сфере осуществления страхового надзора. Фабула данного дела заключалась в оспаривании полномочий Банка России на отзыв лицензии кредитных организаций, что, по мнению заявителя, нарушает право на судебную защиту и ограничивает реализацию предпринимательской деятельности. Еще один вывод КС РФ по анализируемому делу, заслуживающий внимания, заключается в указании суда на то, что предписания Банка России носят административно-властный характер, что не исключает право кредитных организаций, лишенных лицензий, обратиться

в суд с заявлением об обжаловании административного решения. Как представляется, рассмотренные позиции КС РФ, с учетом нормативно-правового значения выводов Конституционного суда РФ, можно по аналогии также распространить на сферу управления страховым сектором. Данный вывод подтверждает выводы КС РФ, отраженные в Определении КС РФ от 19 октября 2021 г. № 2133-О [13], где КС РФ усмотрел особый конституционный статус Банка России в сфере регулирования страховых отношений. Однако в рассматриваемом случае оспаривались полномочия по нормативному правовому регулированию Банка России в сфере страхования. Заявитель (страховая организация) обратилась в КС РФ, обжалуя решение ЦБ РФ о внесении заявителя в перечень лиц, не отвечающих требованиям к деловой репутации, а также обжалуя полномочия ЦБ РФ по регулированию и ведению соответствующего реестра. Основанием для внесения заявителя в данный перечень послужило то, что он владел 17,4 % акций другой страховой организации, у которой Банком России была отозвана лицензия. Нормативным правовым регулированием Банка России установлено, что для признания лица, отвечающего условиям деловой репутации, доля акций не должна превышать 10 %. Заявитель указывал на формальный подход к определению деловой репутации страховых организаций без анализа воздействия со стороны заявителя на деятельность другой страховой организации, у которой была отозвана лицензия. В свою очередь, КС РФ не принял заявление и указал на наличие у Банка России полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере страхования. КС РФ отметил, что полномочия, реализуемые Банком России, относятся к функциям государственной власти, предполагают применение государственного принуждения. Также КС РФ отметил, что реализация полномочий по регулированию, контролю, надзору за некредитными организациями, к которым относятся страховые организации, осуществляется Банком России посредством принятия нормативных и индивидуальных актов. Наличие конституционного статуса в сфере реализации данных полномочий Банка России КС РФ обосновал защитой прав и интересов участников страховых отношений. Данный подход в очередной раз подтверждает наличие адми-

нистративно-правового статуса Банка России в сфере страхования, обусловленного его особым конституционно-правовым положением, и наделение его административно-властными полномочиями в силу закона, несмотря на то, что Банк России не является государственным органом власти.

В целом структура полномочий Банка России является уникальной, что обусловлено совокупно и наличием статуса Банка России как юридического лица, и как субъекта, наделенного государственно-властными полномочиями, и одновременной реализацией полномочий по нормативному правовому регулированию. При этом подход, соединяющий описанные полномочия, к примеру, не характерен для организации системы исполнительной власти, где каждое ведомство, как правило, дифференцировано в зависимости от наличия у него функций по нормативному правовому регулированию или функций по контролю и надзору. Широта данных полномочий ЦБ РФ в сфере страхования может в действительности повлечь необоснованное вмешательство в хозяйственную деятельность страховых организаций. В связи с этим важным представляется вывод КС РФ в вышеобозначенном Определении № 2133-О о том, что административные решения ЦБ РФ могут оспариваться в судебном порядке, если принимаемые им меры свидетельствуют о непропорциональном государственном вмешательстве в деятельность хозяйствующих субъектов. Однако возможность судебного обжалования не отменяет тот факт, что Банком России сосредоточены чрезмерные административно-правовые полномочия в сфере страхования, которые ввиду отсутствия четко урегулированной компетенции в сфере страхового надзора открывают возможность чрезмерного вмешательства в экономическую деятельность хозяйствующих субъектов.

Полномочия по нормативному регулированию ЦБ РФ закреплены в ст. 7 Закона о Банке России. При этом нормативные акты в пределах компетенции ЦБ РФ обязательны для федеральных региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления, граждан и юридических лиц. Так, данные нормативные акты имеют правовой характер. Федеральное законодательство указывает на такие формы нормативных актов ЦБ РФ как

указания, положения и инструкции. Некоторые из авторов отмечают, что нормативные правовые акты Банка России являются отдельной группой источников права [8, с. 169]. При этом неоднозначным является вопрос, о том какую нормативную силу имеют данные акты, в случае их противоречия, к примеру, актам Министерства финансов РФ, также уполномоченного на издание нормативных правовых актов в сфере страхования. Н. Е. Алёнкин в своем исследовании приходит к выводу, что, несмотря на различия в правовом статусе ЦБ РФ и федеральных органов исполнительной власти, юридическая сила актов данных субъектов не отличается [1, с. 78]. В данном случае остается спорным, какие предметы ведения в сфере страхования отнесены к регулированию Банка России, а какие к Министерству финансов. К примеру, практика нормативного правового регулирования Банка России сферы страхования свидетельствует, что по ранее принятым Минфином РФ до проведения реформы актам, Банк России не признает их утратившими силу, а указывает на вступление в силу нового акта лишь после отмены предыдущего акта Минфином РФ. К примеру, по аналогичному принципу Банк России издал Положение Банка России от 16 ноября 2016 г. № 558-П [20], которое с 2016 года до сих пор не вступило в силу ввиду того, что предыдущий акт Минфином РФ не отменен. Все это свидетельствует о проблеме неурегулированного характера межведомственного сотрудничества и разделении компетенции Банка России и Минфина России по вопросам принятия нормативных правовых актов. При этом практика урегулированного межведомственного взаимодействия, например, использовалась Банком России при сотрудничестве с Министерством здравоохранения РФ и ФОМС по вопросам совершенствования регулирования медицинского страхования, в связи с чем была создана рабочая группа по рассмотрению проблем осуществления страховыми медицинскими организациями деятельности по вопросам лицензирования, информационного межведомственного взаимодействия [21].

В юридической доктрине нет однозначной оценки того, является ли удачным решение по передаче компетенции в сфере регулирования и страхового надзора Банку России от органов исполнительной власти. Некоторые авторы

ссылаются на успешный опыт развития сферы страхового надзора Банком России [23, с. 45–47]. Существует также подход, указывающий на необходимость смягчения контрольно-надзорной политики ЦБ РФ в сфере страхования [4, с. 43]. В то же время анализ показал, что основные проблемы заключаются в сосредоточении широких полномочий у Банка России в сфере страхования, неоднозначности его статуса, а также в неопределенности правового регулирования страхового надзора.

Заключение. Как представляется, решение данной проблемы должно заключаться в разграничении полномочий по финансовому и административному контролю и надзору, где финансово-правовая составляющая в части контроля за финансовой устойчивостью и развития страхового рынка должна быть сосредоточена в компетенции Банка России и частично возложена на саморегулируемые организации, тогда как функции по нормативному правовому регулированию в соответствии с системой организации органов исполнительной власти должны быть сосредоточены на уровне министерства, а функции по контролю и надзору – на уровне федеральной службы, имеющей территориальные подразделения в каждом субъекте Российской Федерации. Только в таком случае и при наличии эффективного межведомственного взаимодействия и комплексной системы контроля, и надзора можно говорить о полноценном механизме финансового и административного регулирования в сфере страхования.

Несмотря на то, что ЦБ РФ является независимым субъектом и не входит в систему государственных органов, в силу закона ему были переданы государственные полномочия административно-правового характера в сфере страхового надзора, что позволяет говорить о наличии у него административно-правового статуса в силу закона. В то же время ЦБ РФ реализует финансовый контроль и надзор в сфере страхования. Таким образом, Банк России выступает юридическим лицом, имеющим особый административно-правовой статус.

Список использованных источников

1. Алёнкин Н. Е. О юридической силе нормативных актов банка России // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2020. № 4. С. 67–78.

2. Алиева Л. А. Правовое положение центрального Банка России // Научный вестник Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». 2019. № 3. С. 68–73.

3. Аржанов В. В. Понятие административно-правового статуса организации // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 4. С. 22–29.

4. Валиев В. Р. Ключевые особенности осуществления страхового надзора в Российской Федерации // Аудиторские ведомости. 2022. № 1. С. 41–43.

5. Гузнов А. Г., Рождественская Т. Э. Публично-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2023. 500 с.

6. Гузнов А. Г. Финансово-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации: автореферат дис. ... докт. юрид. наук: М., 2016. 48 с.

7. Департамент страхового рынка // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/about_br/bankstructute/dsr (дата обращения: 15.09.2025).

8. Козачёк А. В. Компетенция Центрального Банка Российской Федерации в сфере организации деятельности субъектов страхового дела: административно-правовой аспект // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 162–172.

9. Колесников Ю. А. Административно-правовое регулирование страховой деятельности: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. 43 с.

10. Конин Н. М., Маторина Е. И. Административное право: учебник для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 454 с.

11. Кононенко О. В. Административно-правовое регулирование страхового надзора в Российской Федерации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: Тюмень, 2010. 26 с.

12. Литовко А. С. Правовая природа поведенческого надзора Центрального банка Российской Федерации // Право и политика. 2023. № 2. С. 1–9.

13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Республиканская инвестиционная компания» на нарушение его конституционных прав отдельными положениями статей 76.1 и 76.7 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», пункта 6.1 статьи 32.1 Закона Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации», пункта 9 статьи 38, пунктов 1 и 3 статьи 38.1 Федерального закона «Об инвестиционных фондах», а также статьями 51, 53, 55, 68 и 71 Федерального закона «Об акционерных обществах»: Определение Конституционного Суда РФ от 19 октября 2021 г. № 2133-О // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=687995#kcgcsOUeIcuaSCZw> (дата обращения: 15.09.2025).

14. Об организации страхового дела в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 (ред. от 28.02.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307 (дата обращения: 15.09.2025).

15. По запросу Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности части третьей статьи 75 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»: Определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2000 г. № 268-О // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30584 (дата обращения: 15.09.2025).
16. Покачалова Е. В. Страховой надзор как универсальный финансово-правовой институт предупреждения правонарушений в сфере страхования и организации страхового дела // *Финансовое право*. 2018. № 10. С. 212–223.
17. Положение Центрального Банка РФ от 10 января 2020 г. № 710-П «Об отдельных требованиях к финансовой устойчивости и платежеспособности страховщиков» // Официальный сайт Банка России. URL: <https://cbr.ru/statichtml/file/33036/710-p.pdf> (дата обращения: 15.09.2025).
18. Рыбкова А. Ю. Особенности финансово-правового регулирования страхового контроля и надзора, осуществляемого саморегулируемой организацией на финансовом рынке // *Вестник СГЮА*. 2018. № 1 (120). С. 228–235.
19. Соколов А. Ю. Административное право РФ: учебник для бакалавров. М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2018. 352 с.
20. Пункт 8.2 Положения Банка России от 16 ноября 2016 г. № 558-П «О правилах формирования страховых резервов по страхованию иному, чем страхование жизни» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/71589184> (дата обращения: 15.09.2025).
21. Приказ Банка России, Министерства здравоохранения РФ и Федерального фонда обязательного медицинского страхования от 4 апреля 2017 г. № ОД-860/149/79 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/71655564> (дата обращения: 15.09.2025).
22. Тронская С. С. Субъекты публичного права финансового рынка: понятие и виды // *Государство и право*. 2020. № 9. С. 41–49.
23. Файзрахманова Л. М. Особенности осуществления надзора на рынке страховых услуг // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 10 (107). С. 47–55.
5. Guznov A. G., Rozhdestvenskaya T. E. Public law regulation of the financial market in the Russian Federation: a monograph. 2nd ed., revised and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. 500 p. [in Russ.].
6. Guznov A. G. Financial and legal regulation of the financial market in the Russian Federation: abstract of the dissertation ... of the Doctor of Law. Moscow, 2016. 48 p. [in Russ.].
7. Insurance Market Department. *Official website of the Bank of Russia*. Available at: https://cbr.ru/about_br/bankstructute/dsr (date of access: 15.09.2025) [in Russ.].
8. Kozachek A. V. Competence of the central bank of the Russian Federation in the field of organization of insurance business entities: administrative and legal aspect. *Legal policy and legal life*. 2021. No. 3. P. 162–172 [in Russ.].
9. Kolesnikov Yu. A. Administrative and legal regulation of insurance activity: abstract of the dissertation ... of the Doctor of Law. M., 2006. 43 p. [in Russ.].
10. Konin N. M., Matorina E. I. Administrative law: textbook for universities. 7th ed., revised and additional Moscow: Yurait, 2024. 454 p. [in Russ.].
11. Kononenko O. V. Administrative and legal regulation of insurance supervision in the Russian Federation: abstract of the dissertation ... of the PhD in Law. Tyumen, 2010. 26 p. [in Russ.].
12. Litovko A. S. The legal nature of behavioral supervision of the Central Bank of the Russian Federation. *Law and Policy*. 2023. No. 2. P. 1–9 [in Russ.].
13. On the refusal to accept for consideration the complaint of the Republican Investment Company Joint Stock Company for violation of its constitutional rights by certain provisions of Articles 76.1 and 76.7 of the Federal Law “On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)”, paragraph 6.1 of Article 32.1 of the Law of the Russian Federation “On the Organization of Insurance Business in the Russian Federation”, paragraph 9 of Article 38, paragraphs 1 and 3 of Article 38.1 of the Federal Law “On Investment Funds”, as well as Articles 51, 53, 55, 68 and 71 of the Federal Law “On Joint Stock Companies”: Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 19, 2021 No. 2133-О. *Reference and legal system “ConsultantPlus”*. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=687995#kcgcsOUeIcuaSCZw> (date of access: 15.09.2025) [in Russ.].
14. On the organization of insurance business in the Russian Federation: The Law of the Russian Federation of November 27, 1992 No. 4015-1 (as amended on 02/28/2025). *Reference and legal system “ConsultantPlus”*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307 (date of access: 15.09.2025) [in Russ.].
15. At the request of the Supreme Court of the Russian Federation to verify the constitutionality of Part Three of Article 75 of the Federal Law “On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)”: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 268-О dated December 14, 2000. *Reference and legal system “ConsultantPlus”*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30584 16 (date of access: 15.09.2025) [in Russ.].

References

1. Alenkin N. E. On the legal force of regulatory acts of the Bank of Russia. *Bulletin of the Moscow University. Episode 11. Right*. 2020. No. 4. P. 67–78 [in Russ.].
2. Alieva L. A. The legal status of the Central Bank of Russia. *Scientific Bulletin of the State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute”*. 2019. No. 3. P. 68–73 [in Russ.].
3. Arzhanov V. V. The concept of the administrative and legal status of an organization. *Legal policy and legal life*. 2023. No. 4. P. 22–29 [in Russ.].
4. Valiev V. R. Key features of insurance supervision in the Russian Federation. *Audit statements*. 2022. No. 1. P. 41–43 [in Russ.].

16. Pokachalova E. V. Insurance supervision as a universal financial and legal institution for the prevention of offenses in the field of insurance and insurance business organization. *Financial law*. 2018. No. 10. P. 212–223 [in Russ.].

17. Regulation of the Central Bank of the Russian Federation dated January 10, 2020 No. 710-P “On certain requirements for financial stability and solvency of insurers”. *Official website of the Bank of Russia*. Available at: <https://cbr.ru/statichhtml/file/33036/710-p.pdf> (date of access: 15.09.2025) [in Russ.].

18. Rybkova A. Yu. Features of financial and legal regulation of insurance control and supervision carried out by a self-regulating organization in the financial market. *Bulletin of the State Law Service of the Russian Federation*. 2018. No. 1 (120). P. 228–235 [in Russ.].

19. Sokolov A. Yu. Administrative law of the Russian Federation. Textbook for bachelors. Moscow: Jur. Norma, SIC INFRA-M, 2018. 352 p. [in Russ.].

20. Clause 8.2 of the Regulation of the Bank of Russia dated November 16, 2016 No. 558-P “On the Rules for the formation of insurance reserves for insurance other than life insurance”. *Reference and legal system “Garant”*. Available at: <https://base.garant.ru/71589184> (date of access: 15.09.2025) [in Russ.].

21. See the Order of the Bank of Russia, the Ministry of Health of the Russian Federation and the Federal Compulsory Medical Insurance Fund dated April 4, 2017 No. OD-860/149/79. *Reference and legal system “Garant”*. Available at: <https://base.garant.ru/71655564> (date of access: 15.09.2025) [in Russ.].

22. Tropkaya S. S. Subjects of public law of the financial market: concept and types. *State and law*. 2020. No. 9. P. 41–49 [in Russ.].

23. Fayzrakhmanova L. M. Peculiarities of supervision in the insurance market. *Actual problems of Russian law*. 2019. No. 10 (107). P. 47–55 [in Russ.].

Поступила в редакцию 27.10.2025

Received October 27, 2025

Трибуна молодого ученого

УДК 347.211

DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-16

Гиринович Ксения Евгеньевна,
аспирант, Костромской государственный
университет, Юридический институт
им. Ю. П. Новицкого, помощник
руководителя ФГБУ «Костромская
лаборатория судебной экспертизы Минюста
России», 156005, г. Кострома,
ул. Дзержинского, д. 17/11,
email: heykseni@rambler.ru

Girinovich, Kseniya E.
Postgraduate Student, Kostroma State University,
Novitsky Law Institute, Assistant to the Head
of the Kostroma Laboratory of Forensic
Examination of the Ministry of Justice
of the Russian Federation,
17/11 Dzerzhinskiy Str., Kostroma,
156005, Russian Federation,
email: heykseni@rambler.ru

Журавлев Кирилл Андреевич,
аспирант, Костромской государственный
университет, Юридический институт
им. Ю. П. Новицкого, начальник отдела № 1
ФГБУ «Костромская лаборатория судебной
экспертизы Минюста России»,
156005, г. Кострома,
ул. Дзержинского, д. 17/11,
email: mr.Zhuravlevkirill@mail.ru

Zhuravlev, Kirill A.,
Postgraduate Student, Kostroma State University,
Novitsky Law Institute, Head of Department
No. 1 of the Kostroma Laboratory of Forensic
Examination of the Ministry of Justice
of the Russian Federation,
17/11 Dzerzhinskiy Str., Kostroma,
156005, Russian Federation
email: mr.Zhuravlevkirill@mail.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ДЕМАТЕРИАЛИЗАЦИИ ОБЪЕКТОВ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

DIGITALIZATION AS A FACTOR OF DEMATERIALIZATION OF OBJECTS IN PUBLIC ADMINISTRATION

АННОТАЦИЯ. В представленной работе исследуется процесс цифровизации как фактора дематериализации объектов в государственном управлении. Авторы рассматривают вопрос стремительного внедрения цифровых инструментов в структуру отечественного права. Основное внимание уделяется феномену дематериализации – системному замещению традиционных материальных объектов (документов, процедур, самих субъектов) их цифровыми аналогами. На основе применения системного подхода и различных методологических методов авторы выявляют и детально исследуют ключевые проявления дематериализации: переход к электронному документообороту, формирование цифровых профилей граждан и организаций, автоматизацию административных процедур и создание «цифровых двойников». В результате исследования доказывается, что дематериализация является не технологическим трендом, а фактором, меняющим онтологические основы государственного управления. Обосновывается наличие системного про-

ABSTRACT. The presented paper examines the process of digitalization as a factor of dematerialization of objects in public administration. The authors consider the issue of the rapid introduction of digital tools into the structure of domestic law. The main attention is paid to the phenomenon of dematerialization – the systemic replacement of traditional material objects (documents, procedures, subjects themselves) with their digital counterparts. Based on the application of a systematic approach and various methodological methods, the authors identify and examine in detail the key manifestations of dematerialization: the transition to electronic document management, the formation of digital profiles of citizens and organizations, the automation of administrative procedures and the creation of «digital twins». As a result of the research, it is proved that dematerialization is not a technological trend, but a factor changing the ontological foundations of public administration. The author substantiates the existence of a systemic contradiction between the new digital reality and the existing legal field. The article outlines a set of legal

тиворечия между новой цифровой реальностью и существующим правовым полем. В статье сформулирован комплекс правовых последствий и вызовов, включая проблемы кибербезопасности, цифровой ответственности и адаптации законодательства. Делается вывод о необходимости разработки новой доктрины административного права, адекватной вызовам цифровой эпохи. Отдельным элементом работы авторы выделяют перспективные последствия и вызовы, которые вносит в правовой оборот использование цифровых инструментов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: объекты цифровых прав, государственное управление, цифровизация, дематериализация правовых институтов, цифровые сервисы, цифровая правовая система, цифровая трансформация, цифровой профиль, право, нормативно-правовое регулирование

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Гиринович, К. Е. Цифровизация как фактор дематериализации объектов в государственном управлении / К. Е. Гиринович, К. А. Журавлев. – Текст: непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 108–113. – DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-16

Современная эпоха характеризуется глубокой интеграцией цифровых технологий во все сферы общественной жизни, что детерминирует фундаментальные изменения в системе государственного управления. Одним из наиболее значимых, но недостаточно изученных аспектов данной трансформации является феномен дематериализации – процесса замещения физических объектов, материальных носителей информации и очных взаимодействий их цифровыми аналогами [1].

Актуальность выбранной темы обусловлена стремительным развитием концепции «цифрового государства» и практической реализацией принципа «once-only» (единого раза) [9, р. 1–2], предполагающего, что гражданин и бизнес передают информацию органам власти только один раз, а в дальнейшем она используется в цифровой форме. Необходимо также учитывать тот факт, что цифровая трансформация публичного управления, ведущая к дематериализации его основных объектов (документов, процедур, решений), вступает в конфликт с консервативными нормами административного и иного законодательства, сформулированными для «аналоговой» эпохи и оперирующими материальными категориями. Как следствие, суды и иные правоприменительные органы сталкиваются с отсутствием едино-

consequences and challenges, including cybersecurity, digital responsibility, and legislative adaptation. It is concluded that it is necessary to develop a new doctrine of administrative law, adequate to the challenges of the digital age. As a separate element of the work, the authors highlight the promising consequences and challenges that the use of digital tools introduces into legal circulation.

KEYWORDS: objects of digital rights, public administration, digitalization, dematerialization of legal institutions, digital services, digital legal system, digital transformation, digital profile, law, regulatory regulation

FOR CITATION:

*Girinovich, K. E., Zhuravlev, K. A. (2026) Digitalization as a Factor of Dematerialization of Objects in Public Administration. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 13(1): 108–113 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-16*

образных подходов к квалификации электронных доказательств, определению юрисдикции, моменту совершения действий в цифровой среде и установлению ответственности за решения, принятые автоматизированными системами и искусственным интеллектом. Кроме того, потребность в повышении эффективности и скорости предоставления государственных услуг через их автоматизацию и дематериализацию сталкивается с необходимостью обеспечения фундаментальных прав граждан, включая право на человеческое участие в принятии затрагивающих их решений, защиту персональных данных и недопущение цифровой дискриминации.

Научная проблема исследования состоит в преодолении системного кризиса правового регулирования, вызванного дематериализацией объектов государственного управления, и в выработке концептуальных основ для адаптации публично-правового инструментария к условиям цифровой среды. Соответственно, мы поставили перед собой цель провести комплексный анализ цифровизации как ключевого фактора дематериализации объектов, в частности, в государственном управлении, и выявить возникающие в связи с этим правовые и управленческие изменения.

Методическое обеспечение исследования обусловлено необходимостью достижения

цели исследования. В работе применяются взаимодополняющие общенаучные и частно-правовые методы, такие как диалектический, дедукция/индукция, системно-структурный, формально-юридический, метод правового моделирования и иные.

Говоря непосредственно о таком явлении как цифровизация с точки зрения юриспруденции, следует отметить, что в российском правовом поле «цифровизация права» имеет два основных значения:

1. Цифровое право как *отрасль*, которая определяется как формирующаяся подотрасль информационного права, представляющая собой совокупность правовых норм, которые регулируют отношения в цифровой среде и изучают новые цифровые явления, такие как криптовалюта, токены, элементы Индустрии 4.0 и другие [7, с. 35]. Некоторые исследователи рассматривают ее как комплексную отрасль или институт права.

2. Цифровые права как *объект* – конкретные объекты гражданских прав, закрепленные в статье 141.1 Гражданского кодекса РФ [2]. К ним относятся обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы. Осуществление и распоряжение такими правами возможны только в рамках этой системы, например, с использованием технологии блокчейн [3].

Процесс цифровой трансформации приводит к детрадиционализации привычных нам объектов в государственном управлении, создавая их цифровые аналоги. В качестве примера в таблице 1 приведены объекты, которые прошли подобную трансформацию.

В России «цифровизация права» представляет собой формирование новой правовой подотрасли, которая регулирует общественные отношения в цифровой среде, а также вводит правовой режим для новых цифровых сущно-

Таблица 1

Сфера	Традиционный объект	Цифровой аналог	Сущностная характеристика
Идентификация	Бумажный паспорт	Электронный паспорт (ID), цифровой профиль	Цифровой идентификатор, позволяющий дистанционно подтверждать личность для получения госуслуг и совершения юридически значимых действий
Документооборот	На бумаге	Электронный документ с электронной подписью, не имеющий физического воплощения	Обладает равной юридической силой с бумажным аналогом
Государственные услуги	Личное посещение государственных и муниципальных органов	Портал «Госуслуги»	Интеграция услуг в онлайн-среду, создание «цифровых двойников» административных процедур
Управление и контроль	Личное посещение представителей контрольных и надзорных органов	Посредством интернет-платформ дистанционного надзора и контроля за деятельностью (BigData, СЭД «Дело»)	Прогнозная аналитика и удаленный мониторинг на основе анализа цифровых данных, а не выборочных проверок
Реестры прав	Бумажные журналы и кадастровые книги	Электронные реестры	Централизованные базы данных, обеспечивающие мгновенный доступ к актуальной информации и прозрачность документооборота

стей [6, с. 40]. Это комплексный процесс, затрагивающий как саму правовую систему, так и сферу государственного управления.

Далее предлагаем рассмотреть концептуальные основы дематериализации в контексте государственного управления.

Дематериализацию в государственном управлении следует понимать как системный процесс, в рамках которого традиционные материальные артефакты (бумажные документы, физические носители, пространственно локализованные процедуры) утрачивают свою первичную функциональную значимость, уступая место электронным данным, виртуальным сервисам и автоматизированным процессам [5, с. 7–10].

Этот процесс имеет двуединую природу:

1. Физическая дематериализация: замена бумажного документа электронным, печати и подписи – усиленной квалифицированной электронной подписью, очного обращения – удаленным электронным взаимодействием.

2. Функциональная дематериализация: изменение сущности самих административных действий. Процедура, которая ранее требовала последовательности физических действий (подача заявления, его регистрация, визирование, передача между инстанциями), теперь реализуется как единый алгоритмический процесс в информационной системе.

Таким образом, дематериализация ведет к изменению онтологии управления: его объектом все чаще выступают не физические лица и организации, а их цифровые образы (профили).

На практике дематериализация в государственном секторе проявляется в нескольких ключевых формах.

Во-первых, дематериализация документа и документарного оборота. Электронный документ, подписанный квалифицированной электронной подписью, приобретает полную юридическую силу, эквивалентную бумажному аналогу. Это влечет за собой: а) исчезновение физического носителя (информация отделяется от материального объекта (бумаги), б) изменение процедур регистрации и учета (вместо журналов и картотек возникают электронные реестры и базы данных, доступ к которым может осуществляться в режиме реального времени), в) трансформацию доказательственного значения (доказательством в административном или судебном процессе становится не сам

документ как вещь, а запись в распределенном реестре или криптографически защищенный файл).

Во-вторых, дематериализация субъекта управления, то есть создание цифровых профилей. Гражданин и юридическое лицо в цифровой среде предстают в виде агрегированного цифрового профиля, который консолидирует данные о них из различных государственных информационных систем (налоговой, реестра недвижимости, здравоохранения и т. д.). Этот профиль становится основным объектом взаимодействия с государством. Физическое лицо дематериализуется до набора атрибутов в базе данных, что, с одной стороны, повышает эффективность предоставления госуслуг (проактивный формат), а с другой – порождает риски, связанные с цифровой идентичностью и ее возможной компрометацией.

В-третьих, дематериализация административных процедур и решений. Цифровизация приводит к автоматизации принятия рутинных административных решений. Например, предоставление многих государственных услуг осуществляется по экстерриториальному принципу, без привязки к месту жительства или нахождения органа власти. Сама процедура превращается в «черный ящик» – алгоритм, который на основе данных из цифровых профилей и реестров выносит решение. Это ставит новые вопросы об административной ответственности за решения, принятые автоматизированными системами, и о праве гражданина на человеческое вмешательство.

В-четвертых, формирование «цифровых двойников» в публичной сфере. На макроуровне дематериализация проявляется в создании «цифровых двойников» целых отраслей или территорий. Это комплексные модели, агрегирующие данные для симуляции, прогнозирования и управления (например, «умный город»). Объектом управления здесь становится не физическая городская среда сама по себе, а ее виртуальная копия, оперируя данными в которой, органы власти принимают решения для материального мира.

Кроме этого, в рамках настоящего исследования предлагаем разобраться, какие же правовые последствия влечет дематериализация и какие вызовы существуют в современных реалиях. Это связано с тем, что переход к циф-

ровым аналогам имеет серьезные правовые последствия, которые являются предметом современных исследований, а именно:

а) создание новых правовых режимов. Цифровые объекты (например, данные, виртуальные активы) зачастую не укладываются в традиционные вещно-правовые конструкции. Это порождает дискуссии о необходимости создания для них самостоятельного правового режима [8].

б) изменение баланса интересов. В цифровой среде, как отмечается в контексте авторского права, обостряется конфликт между интересами правообладателей и общества. Это требует пересмотра системы ограничений исключительных прав для сохранения справедливого баланса [4].

в) появление новых вызовов. Дематериализация порождает специфические проблемы, такие как существование «сиротских произведений» (объектов авторского права, правообладателей которых невозможно найти), а также сложности с защитой прав в условиях анонимности и легкости копирования в интернете.

Таким образом, можно обозначить следующие выводы. Цифровизация выступает в качестве системообразующего фактора, ведущего к глубокой дематериализации объектов правоотношений, в том числе в сфере государственного управления. Этот процесс носит объективный и необратимый характер, кардинально меняя природу административных отношений. Дематериализация документов, процедур и самих субъектов управления позволяет резко повысить эффективность, прозрачность и удобство взаимодействия между государством и обществом. При этом следует помнить, что в настоящее время сохраняется необходимость дублирования цифровой информации на твердый бумажный носитель. Подчеркнем, что параллельно с этим возникают серьезные правовые и социальные вызовы, связанные с адаптацией законодательства, обеспечением кибербезопасности, защитой персональных данных и предотвращением цифровой дискриминации. То есть обсуждение результатов подтверждает тезис о том, что дематериализация является системным фактором, требующим не точечной коррекции, а концептуального обновления административно-правовой доктрины. Дальнейшее научное исследование должно

быть сконцентрировано на разработке новой, «цифровой» доктрины административного права, которая сможет адекватно регулировать отношения в условиях, когда ключевые объекты управления утратили свою материальную форму, обретая виртуальное бытие. Успех цифровой трансформации государства будет зависеть не только от технологического прогресса, но и от способности правовой системы осмыслить и легитимировать феномен дематериализации.

Список использованных источников

1. Братчикова С. В., Миннуллина К. А. Дематериализация объектов гражданского права и проблема защиты их обладателей в условиях цифровизации // E-Scio. 2023. № 6 (81). URL: <https://e-scio.ru/wp-content/uploads/2023/06/Братчикова-С.-В.-Миннуллина-К.-А.pdf> (дата обращения: 03.10.2025).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. 11.03.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата обращения: 11.10.2025).
3. Иванникова А. Цифровые права: какие отношения регулируют и как защищаются законом // «MITM»: официальный сайт. URL: <https://mitm.institute/journal-yurisprudenciya--czifrovye-prava-kakie-otnosheniya-reguliruyut-i-kak-zashhishhayutsya-zakonom> (дата обращения 05.10.2025).
4. Лосев С. С. Влияние цифровизации на развитие института авторского права и смежных прав // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravo-sovremennoy-belarusi-istoki-uroki-dostizheniya-i-perspektivy/2021/vliyanie-tsifrovizatsii-na-razvitie-instituta-avtorskogo-prava-i-smeznykh-prav> (дата обращения 15.10.2025).
5. Миннихметов А. Ф. Децентрализация государственной власти в федеративном государстве: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Краснодар, 2007. 24 с.
6. Николаев А. И. Вопросы цифровизации права в современной юридической доктрине // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2024. С. 38–44.
7. Рассолов И. М. Информационное право: учебник и практикум для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024. 427 с.
8. Рожкова М. А. Проблемы установления самостоятельного правового режима для цифровых объектов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Июнь. № 2 (48). URL: <https://ipcmagazine.garant.ru/articles/1816485> (дата обращения 15.10.2025).
9. Krimmer R., Kalvet T., Toots M., Cepilovs A., Tambouris E. Exploring and Demonstrating the Once-Only Principle: A European Perspective // Proceedings of the 18th Annual International Conference on Digital Government Research. 2017. P. 546–551. DOI: 10.1145/3085228.3085235.

References

1. *Bratchikova S. V., Minnullina K. A.* Dematerialization of objects of civil law and the problem of protection of their holders in the context of digitalization. *E-Scio*. 2023. No. 6 (81). Available at: <https://e-scio.ru/wp-content/uploads/2023/06/Братчикова-С.-В.-Миннуллина-К.-А.pdf> [in Russ.].
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One), Federal Law No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended March 11, 2024). *Reference and legal system "ConsultantPlus"*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (date of access: 11.10.2025) [in Russ.].
3. *Ivannikova A.* Digital rights: what relations they regulate and how they are protected by law. *MITM Institute Journal*. Available at: <https://mitm.institute/journal-yurisprudenciya-czifrovye-prava-kakie-otnosheniya-reguliruyut-i-kak-zashhishhayutsya-zakonom> (date of access: 05.10.2025) [in Russ.].
4. *Losev S. S.* The impact of digitalization on the development of copyright and related rights institutions. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. Available at: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravo-sovremennoy-belarusi-istoki-uroki-dostizheniya-i-perspektivy/2021/vliyanie-tsifrovizatsii-na-razvitie-instituta-avtorskogo-prava-i-smeznykh-prav> (accessed 15 October 2025). [in Russ.].
5. *Minniahmetov A. F.* Decentralization of State Power in a Federal State: Theoretical and Legal Study. Abstract of PhD dissertation in Law (12.00.01). Krasnodar, 2007. 24 p. [in Russ.].
6. *Nikolaev A. I.* Issues of digitalization of law in modern legal doctrine. *Vestnik MGPU. Series: Legal Sciences*. 2024. P. 38–44 [in Russ.].
7. *Rassolov I. M.* Information Law: Textbook and Practice Guide for Universities (7th ed., revised and expanded). Moscow: Yurait Publishing, 2024. 427 p. [in Russ.].
8. *Rozhkova M. A.* Problems of establishing an independent legal regime for digital objects. *Journal of the Intellectual Property Rights Court*. 2025. No. 2(48), June. Available at: <https://ipcmagazine.garant.ru/articles/1816485> (date of access: 15.10.2025) [in Russ.].
9. *Krimmer R., Kalvet T., Toots M., Cepilovs A., Tambouris E.* Exploring and demonstrating the once-only principle: A European perspective. In: *Proceedings of the 18th Annual International Conference on Digital Government Research*. 2017. P. 546–551. DOI: 10.1145/3085228.3085235.

Поступила в редакцию 11.11.2025

Received November 11, 2025

Летова Елизавета Алексеевна,
младший научный сотрудник
сектора гражданского и
предпринимательского права,
Институт государства и права РАН,
119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10,
email: letovaea@mail.ru

Letova, Elizaveta A.,
Junior Researcher of the Department
of Civil and Business law, Institute
of State and Law of the Russian Academy
of Sciences, 10, Znamenka Str., Moscow,
119019, Russian Federation,
email: letovaea@mail.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СЕЛЕКЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ENVIRONMENTAL SAFETY OF BREEDING

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению составляющих экологической безопасности селекционной деятельности. Обосновывается, что экологическую безопасность такой деятельности необходимо рассматривать в двух аспектах: влияние на здоровье человека полученного результата селекционной деятельности; влияние процесса селекционной деятельности на окружающую среду. В рамках исследования проанализированы принципы селекционной деятельности, заложенные в профильных нормативно-правовых актах, предложена унификация принципов такой деятельности в отношении всех объектов живой природы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: селекционная деятельность, экологическая безопасность, селекционное достижение, критерии охраноспособности, защита окружающей среды, сквозные технологии, инновационные технологии, продовольственная безопасность

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Летова, Е. А. Экологическая безопасность селекционной деятельности / Е. А. Летова. – Текст: непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 114–119. – DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-17

ABSTRACT. The article is devoted to the consideration of the components of the environmental safety of breeding activities. It is substantiated that the environmental safety of such activities should be considered in two aspects: the impact of the result of breeding activities on human health; the impact of the breeding process on the environment. The study analyzes the principles of breeding activities outlined in relevant regulatory legal acts and proposes the unification of the principles of such activities for all objects of wildlife.

KEYWORDS: breeding, environmental safety, breeding achievement, criteria for protectability, environmental protection, end-to-end technologies, innovative technologies, and food security.

FOR CITATION:

Letova, E. A. (2026) Environmental Safety of Breeding. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 13(1): 114–119 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-17

К числу национальных интересов России на долгосрочный период в сфере продовольственной безопасности относятся: необходимость обеспечения населения качественной и безопасной пищевой продукцией; интенсивное развитие отечественной селекции путем внедрения инновационных техно-

логий; модернизация производства сельскохозяйственной продукции, соответствующей установленным экологическим, санитарно-эпидемиологическим и иным требованиям [9]. В последнее время изменились и приоритеты селекции: наряду с созданием сортов и гибридов, устойчивых к неблагоприятным условиям,

расширяются исследования, ориентированные на высокое качество продукции [2; 4].

Использование новых технологий в сельском хозяйстве позволяет решить проблемы в области продовольствия и состояния окружающей среды, а также их успешное применение связано с развитием сквозных технологий, технологий двойного назначения. Технологические инновации в сфере объектов живой природы способствуют повышению производительности труда, повышению технико-экономических показателей производимой продукции [15]. Особенности современного рыночного спроса невозможно удовлетворить классическими методами селекционной деятельности, необходимо выводить «умные» [7, с. 82] сорта, которые дают больше урожая при меньшей затрате ресурсов. В то же время важно уделить внимание безопасности таких результатов и самому процессу осуществления такой деятельности. Необходимо исследовать принципы осуществления селекционной деятельности, а также заложить в ее основу заботу о здоровье населения, направить усилия на достижение баланса коммерческих интересов производителей, потребностей потребителя в здоровой безопасной продукции и общественном интересе в защите окружающей среды.

Селекционная деятельность – вид экономической деятельности, направленный на получение сорта растения или породы животного. Такая деятельность может квалифицироваться как профессиональная, если получен потенциально охраняемый результат интеллектуальной деятельности в рамках выполнения служебных обязанностей (обычно авторским коллективом), может быть индивидуальной, осуществляемой автором-селекционером самостоятельно (в том числе для личного пользования). Сферы селекционной деятельности не ограничены только сельскохозяйственным применением – такая деятельность может осуществляться и в отношении домашних животных, и с объектами дикой природы, а также в рамках самостоятельного правового регулирования в сфере оборонно-промышленного комплекса.

Важно отметить, что в рамках правового регулирования в области селекционной деятельности большое внимание уделено именно охране, реализации и использованию уже готового

результата, в то время как огромный пласт – а именно, сама селекционная деятельность непосредственно, предшествующая появлению потенциально охраняемого результата, не урегулирована должным образом. Необходимые для выделения признаки селекционной деятельности содержатся, помимо норм Гражданского кодекса Российской Федерации [3], в отраслевом законодательстве, нормы которого конкретизируют особенности использования различных объектов живой природы.

Селекционная деятельность должна осуществляться на основе определенных принципов, основополагающим из которых следует, на наш взгляд, признать принцип соблюдения требований законодательства об охране окружающей среды. В свою очередь, сам полученный результат такой деятельности необходимо оценить на соответствие критерию экологической безопасности.

Таким образом, экологическую безопасность селекционной деятельности необходимо учитывать как в процессе осуществления такой деятельности, так и при оценке уже полученного результата. Оценку экологической безопасности важно проводить в двух аспектах:

- влияние на здоровье человека полученного результата селекционной деятельности;
- влияние процесса селекционной деятельности на окружающую среду.

Правовое регулирование селекционной деятельности не унифицировано, оно представлено нормативно-правовыми актами, которые закрепляют самостоятельные принципы такой деятельности в отношении регулируемых объектов, однако четкой дифференциации нет, в отношении объектов животного мира предусмотрен разный режим правового регулирования их выведения. С одной стороны, логика законодателя понятна: необходимо учитывать цель селекционной деятельности (сельскохозяйственная, личная, научная и т. д.). С другой стороны, заметны явные упущения в правовом регулировании исследуемой сферы, так как, несмотря на разные цели, принципы такой деятельности должны быть универсальными, так как любой результат селекционной деятельности влияет в конечном итоге на жизнедеятельность человека и окружающую среду.

Федеральный закон «О животном мире», закрепляющий начала охраны и использования

животного мира и среды его обитания, содержит принципы селекционной деятельности в отношении регулируемых объектов (в соответствии с положениями данного закона, объектом животного мира является «организм животного происхождения (дикое животное)») [5]. Нормы данного акта предусматривают, что мероприятия по гибридизации объектов животного мира (селекционная деятельность в отношении диких животных) должны проводиться только по разрешению специально уполномоченных государственных органов и соответствовать требованиям экологической безопасности (ст. 25). Такая формулировка достаточно общая. Обращаясь для ее квалификации к иным нормативно-правовым актам, мы можем сделать вывод о том, что требования экологической безопасности поддаются слишком широкому толкованию, а также дифференцируются по виду деятельности, в то время как, на наш взгляд, в отношении любых объектов живой природы они должны быть универсальными. Федеральный закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» содержит положения о том, что гибридизация охотничьих ресурсов проводится в целях расселения охотничьих ресурсов в новой для них среде обитания и обеспечения сохранения их видового разнообразия (п. 1 ст. 50) [13]. Таким образом, селекционная деятельность в отношении диких животных возможна при соблюдении требований к обоснованию осуществления такой деятельности и требований экологической безопасности.

Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закрепляет порядок обращения с животными в целях их защиты, а также соблюдения принципов гуманности, обеспечения безопасности и иных прав и законных интересов граждан при обращении с животными [14]. Данный закон распространяет свое действие в отношении диких и домашних животных, при этом его положения не применяются к отношениям в области содержания и использования сельскохозяйственных животных, отношениям в области содержания и использования лабораторных животных и иным (п. 2 ст. 1). Примени-

тельно к исследуемой теме интересно положение данного закона в части закрепления такого принципа как научно обоснованное сочетание нравственных, экономических и социальных интересов человека, общества и государства. На наш взгляд, такой принцип должен лежать в основе взаимодействия со всеми объектами живой природы. Таким образом, в отношении животных, у которых есть владелец, законодательством предусмотрены нравственные принципы и принципы гуманности в обращении с такими животными. Вместе с тем правовое регулирование селекционной деятельности в отношении домашних животных находится в правовом вакууме. Указанный закон является единственным регулятором в данной области отношений и не содержит требований к осуществлению такой деятельности.

В иных отраслевых законах, например, в Федеральном законе «О пчеловодстве в Российской Федерации» среди задач развития пчеловодства указано обеспечение качества и безопасности продукции пчеловодства [16]. Таким образом, критерий экологической безопасности в различных формулировках преимущественно заложен в нормативно-правовых актах, касающихся использования объектов живой природы, при этом ряд вопросов селекционной деятельности в отношении объектов живой природы не урегулирован: разведение домашних животных и ответственность за разведение животных с патологиями; деятельность по использованию тканей животных.

Изучив положения вышеуказанных нормативно-правовых актов, предлагается обратить внимание на непоследовательность законодателя в области правового регулирования отношений с объектами животного мира (дикими, домашними, сельскохозяйственными). В рассмотренных актах предусмотрены важные аспекты и принципы (экологической безопасности, гуманности), однако единого подхода не выработано. Отсутствует унифицированный подход к этическим аспектам и экологической безопасности селекционной деятельности. Авторами отмечается общая проблема различия правовых режимов природных объектов гражданского и экологического права [6].

Критерий экологической безопасности играет важную роль в обеспечении безопасности и этичности использования технологи-

ческих селекционных достижений в условиях их активного внедрения в различные отрасли производства. Анализ международного опыта позволяет говорить о том, что правовое регулирование в этой области является одним из приоритетных направлений законодательной политики, поскольку затрагиваются вопросы биобезопасности, актуальные в условиях необходимости обеспечения технологического суверенитета стран. Это одна из самых быстро развивающихся высокотехнологических областей, обладающая огромным экономическим потенциалом [5]. Авторами, специализирующимися в области аграрного права, также отмечаются проблемы в области нарушения равновесия в системе «результат селекции – окружающая среда» [17].

Влияние селекционной деятельности на окружающую среду проявляется также в немаловажном аспекте утилизации объектов живой природы, например, выпуск генно-модифицированных объектов в окружающую среду. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования государственного регулирования в области генно-инженерной деятельности» предусматривает запрет на выпуск таких объектов, кроме как тех, процесс мутации которых может происходить в природе [10]. Однако отсутствуют четкие критерии, на основе которых можно оценить возможность модификации естественным путем в природе, а также нет нормативной базы по соответствующей процедуре оценки. Правовые нормы, регулирующие охрану окружающей среды в контексте выброса биологических компонентов, распределены по всему экологическому законодательству, при этом часть компонентов находится за рамками правового регулирования.

Федеральный закон «Об охране окружающей среды» определяет правовые основы государственной политики в области сохранения благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов в целях удовлетворения потребностей населения и обеспечения экологической безопасности [11]. Основным регулятором в данной области отношений учитывает и цели, заложенные в профильных нормативно-правовых актах (например, принцип сохранения биоразнообразия), и необхо-

димость соотнесения потребностей общества с охраной окружающей среды. В данном законе предусмотрены относительно конкретные требования в области охраны окружающей среды, например, при осуществлении деятельности в сфере сельского хозяйства, включающие меры по сохранению и восстановлению природной среды, рациональному использованию природных ресурсов, обеспечению экологической безопасности и т. д. (ст. 42), однако «нет плана действий и механизма его реализации» [8, с. 124]. Полагаем, что такие же требования необходимо распространить на осуществление селекционной деятельности в отношении всех объектов живой природы. Принцип соблюдения требований охраны окружающей среды необходимо учитывать при проведении селекционной деятельности в отношении сельскохозяйственных, домашних и диких животных.

Эксплуатация природных ресурсов, вовлечение их в хозяйственный оборот, в том числе в виде воздействия на них в процессе хозяйственной и иной деятельности, должна быть разумной и нацеленной не только на удовлетворение своих прав как авторов-селекционеров, но и на соблюдение своих обязанностей как граждан, ответственных за состояние окружающей среды.

Критерий экологической безопасности должен быть, безусловно, применим и к полученному результату селекционной деятельности. Представляется необходимым оценивать селекционное достижение, которое признается охраноспособным, по дополнительному критерию – экологической безопасности. Селекционное достижение признается экологически безопасным, если соответствует требованиям, предъявляемым к безопасности продуктов питания и охране окружающей среды. В данном случае необходима модернизация механизма оценки допустимой модификации (например, насколько безопасно для здоровья человека вводить в ген растения или животного отсутствие признака воспроизводства, не повлияет ли это в дальнейшем на здоровье человека). Отмечается, что в странах с низкими этическими стандартами правового регулирования исследований в области биотехнологий усиливается угроза глобальной биобезопасности ввиду экономической доступности новых методов редактирования генома [1]. Технологии геном-

ного редактирования формируют значительные угрозы безопасности, в том числе как вид биологического оружия.

Также важна оценка экологической безопасности в контексте полученного результата селекции, ставшего в дальнейшем опасным для экологии и здоровья людей. Рассматривается даже возможность введения на законодательном уровне понятия растения-иноагента, так как многие так называемые «зловреды» завезены из-за рубежа.

Подводя итог, отметим, что критерий экологической безопасности важен как с точки зрения защиты прав потребителей, так и с точки зрения публичных интересов в области охраны окружающей среды. Отсутствие унифицированного подхода к охране объектов живой природы, полученных в результате селекции, не дает разработать, например, единые этические принципы селекционной деятельности (например, насколько этично разводить животных для питания других животных или использования их тканей для лечения и т. д.), единые подходы к экологической безопасности продовольствия, единые требования к охране окружающей среды в процессе осуществления такой деятельности. Предлагается взаимодействие нормативно-правовых актов в области использования и охраны объектов живой природы принципом соблюдения требований охраны окружающей среды при осуществлении селекционной деятельности с различными объектами живой природы, а также введение дополнительного критерия охраноспособности селекционного достижения – критерия экологической безопасности.

Список использованных источников

1. Абашидзе А. Х., Маличенко В. С. Особенности регулирования обращения биотехнологий двойного назначения по международному и национальному праву // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2023. Т. 27. № 3. С. 541–561.
2. Вожаева Н. Г., Волков И. В., Козлов В. А., Павлов А. В. Современные тенденции и проблемы развития сельского хозяйства // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 103–108.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.01.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 05.12.2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.
4. Дзюбенко Н. И. Генетические ресурсы культурных растений – основа продовольственной и экологической безопасности России // Вестник Российской академии наук. 2015. Т. 85. № 1. С. 3–8.
5. Карцхия А. А. Правовые механизмы биобезопасности в условиях цифровизации // Социальные новации и социальные науки. 2020. № 1 (1). С. 119–127.
6. Лисица В. Н. Природа и ее элементы как объекты гражданского, экологического и энергетического права // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21. № 1. С. 5–13.
7. Современные агротехнологии: экономико-правовые и регуляторные аспекты / под ред. Д. Ю. Каталевского, А. Ю. Иванова. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт права и развития ВШЭ, Сколково, 2018. 448 с.
8. Тонков Е. Е., Туранин В. Ю. Экологическая безопасность: понятие, проблемы и перспективы правового обеспечения // НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право. 2015. Вып. 31 (2 (199)). С. 122–125.
9. Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 (ред. от 10.03.2025) «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 27.01.2020. № 4. Ст. 345.
10. Федеральный закон от 03.07.2016 № 358-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования государственного регулирования в области генно-инженерной деятельности» // СЗ РФ. 04.07.2016. № 27 (часть II). Ст. 4291.
11. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 14.01.2002. № 2. Ст. 133.
12. Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «О животном мире» // СЗ РФ. 24.04.1995. № 17. Ст. 1462.
13. Федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 27.07.2009. № 30. Ст. 3735.
14. Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 31.12.2018. № 53 (часть I). Ст. 8424.
15. Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 30.12.2024. № 53 (Часть I). Ст. 8533.
16. Федеральный закон от 30.12.2020 № 490-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «О пчеловодстве в Российской Федерации» // СЗ РФ. 04.01.2021. № 1 (часть I). Ст. 29.
17. Федоренко В. Ф. О концептуальных принципах развития природоподобных технологий, предотвращения деградации сельскохозяйственных земель и повышения плодородия почв // АгроЭкоИнженерия. 2024. С. 4–17.

References

1. Abashidze A. Kh., Malichenko V. S. Features of regulating the circulation of dual-use biotechnologies under international and national law. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*. 2023. Vol. 27. No. 3. P. 541–561 [in Russ.].
2. Vozhdaeva N. G., Volkov I. V., Kozlov V. A., Pavlov A. V. Modern Trends and Problems of Agricultural Development. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Management*. 2019. Vol. 8, No. 2 (27). P. 103–108 [in Russ.].
3. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended on 30.12.2020) (as amended and supplemented, entered into force on 17.01.2021). *Collected Legislation of the Russian Federation*. 05.12.2006. No. 52 (part 1). Art. 5496 [in Russ.].
4. Dzyubenko N. I. Genetic resources of cultivated plants – the basis of food and environmental security of Russia. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2015. Vol. 85. No. 1. P. 3–8 [in Russ.].
5. Kartskhia A. A. Legal mechanisms of biosecurity in the context of digitalization. *Social innovations and social sciences*. 2020. No. 1 (1). P. 119–127 [in Russ.].
6. Lisitsa V. N. Nature and its elements as objects of civil, environmental and energy law. *Legal science and practice*. 2025. Vol. 21, No. 1. P. 5–13 [in Russ.].
7. Katalovsky D. Yu., Ivanov A. Yu. (Eds) Modern Agricultural Technologies: Economic, Legal, and Regulatory Aspects. Moscow: National Research University Higher School of Economics, HSE Institute of Law and Development, Skolkovo, 2018. 448 p. [in Russ.].
8. Tonkov E. E., Turanin V. Yu. Environmental Safety: Concept, Problems, and Prospects for Legal Support. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*. 2015. Issue 31 (2 (199)). P. 122–125 [in Russ.].
9. Decree of the President of the Russian Federation of 21.01.2020 No. 20 (as amended on 10.03.2025) “On Approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation”. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 27.01.2020. No. 4. Art. 345 [in Russ.].
10. Federal Law of 03.07.2016 No. 358-FZ (as amended on 30.12.2021) “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Terms of Improving State Regulation in the Field of Genetic Engineering Activities”. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 04.07.2016. No. 27 (Part II). Art. 4291 [in Russ.].
11. Federal Law of 10.01.2002 No. 7-FZ (as amended on 28.12.2025) “On Environmental Protection”. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 14.01.2002. No. 2. Art. 133 [in Russ.].
12. Federal Law of 24.04.1995 No. 52-FZ (as amended on 13.12.2024) “On the Animal World”. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 24.04.1995. No. 17. Art. 1462 [in Russ.].
13. Federal Law of 24.07.2009 No. 209-FZ (as amended on 13.12.2024) “On Hunting and the Conservation of Hunting Resources and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 27.07.2009. No. 30. Art. 3735 [in Russ.].
14. Federal Law of 27.12.2018 No. 498-FZ (as amended on 08.08.2024) “On Responsible Treatment of Animals and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 31.12.2018. No. 53 (Part I). Art. 8424 [in Russ.].
15. Federal Law of 28.12.2024 No. 523-FZ “On Technological Policy in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 30.12.2024. No. 53 (Part I). Art. 8533 [in Russ.].
16. Federal Law of 30.12.2020 No. 490-FZ (as amended on 12.12.2023) “On Beekeeping in the Russian Federation”. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 04.01.2021. No. 1 (Part I). Art. 29 [in Russ.].
17. Fedorenko V. F. On Conceptual Principles for the Development of Nature-Like Technologies, Prevention of Agricultural Land Degradation and Increasing Soil Fertility. *AgroEcoEngineering*. 2024. P. 4–17 [in Russ.].

Поступила в редакцию 15.01.2026

Received January 15, 2026

Петин Дмитрий Викторович,
аспирант, кафедра уголовного и
уголовно-исполнительного права,
криминологии, юридический факультет,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. Большая Садовая, д. 69,
email: petin.dima2010@yandex.ru

Petin, Dmitry V.,
Postgraduate Student,
Department of Criminal
and Penal Law, Criminology,
Faculty of Law,
Rostov State University
of Economics (RINH),
69 Bolshaya Sadovaya Str.,
Rostov-on-Don, 344002,
Russian Federation,
email: petin.dima2010@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

FEATURES OF ORGANIZING INTERACTION BETWEEN REPRESENTATIVE BODIES OF PUBLIC AUTHORITIES IN THE SYSTEM OF SEPARATION OF POWERS ON THE EXAMPLE OF ROSTOV REGION

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию организационно-правовых основ взаимодействия представительных органов публичной власти с исполнительной и судебной ветвями власти на федеральном и региональном уровнях, с особым акцентом на примере Ростовской области. В работе показано, что формально закрепленные в Конституции и законодательстве механизмы парламентского контроля и участия в формировании органов исполнительной и судебной власти носят преимущественно декларативный характер, что ограничивает реальное влияние представительных органов на политический процесс. Автор опирается на сравнительный анализ с практикой других субъектов Российской Федерации и зарубежных стран, а также на современные доктринальные концепции, включая теорию «сдержек и противовесов», критику «симулятивного парламентаризма» и концепцию единой системы публичной власти после конституционной реформы 2020 года. В результате формулируются критерии оценки эффективности взаимодействия ветвей власти и выдвигаются предложения по совершенствованию действующих механизмов.

ABSTRACT. The article is devoted to the study of the organizational and legal foundations of interaction between representative public authorities and the executive and judicial branches of government at the federal and regional levels, with a special focus on the example of the Rostov region. The paper shows that the mechanisms of parliamentary control and participation in the formation of executive and judicial authorities, formally enshrined in the Constitution and legislation, are predominantly declarative, which limits the real influence of representative bodies on the political process. The author relies on a comparative analysis with the practice of other subjects of the Russian Federation and foreign countries, as well as on modern doctrinal concepts, including the theory of “checks and balances”, criticism of “simulated parliamentarism” and the concept of a unified system of public power after the constitutional reform of 2020. As a result, criteria are formulated for evaluating the effectiveness of interaction between the branches of government and proposals are put forward to improve existing mechanisms.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственное управление, парламентаризм, система сдержек и противовесов, парламентский контроль, симулятивный парламентаризм, региональная политика, Губернатор Ростовской области, Законодательное Собрание Ростовской области, взаимодействие ветвей власти, единая система публичной власти

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Петин, Д. В. Особенности организации взаимодействия представительных органов публичной власти в системе разделения властей на примере Ростовской области / Д. В. Петин. – Текст: непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 120–131. – DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-18

Введение. Принцип разделения властей традиционно рассматривается в правовой науке как один из базовых элементов демократического государства, обеспечивающий баланс между различными ветвями публичной власти и предотвращающий концентрацию властных полномочий в одних руках. В российской правовой системе данный принцип закреплен в статье 10 Конституции РФ и реализуется посредством дифференциации функций законодательных, исполнительных и судебных органов. Однако специфика политико-правового развития России предопределяет определенную трансформацию классической доктрины, что находит отражение как в особенностях конституционного регулирования, так и в практике функционирования государственных институтов.

Проблематика разделения властей является одной из наиболее разработанных в мировой и отечественной юридической науке. Ее истоки уходят к трудам Ш.-Л. Монтескье, сформулировавшего в классическом сочинении «О духе законов» [6] принцип распределения властных функций между законодательной, исполнительной и судебной ветвями. Идея Монтескье о том, что смешение властей ведет к деспотизму, стала краеугольным камнем европейской и мировой правовой мысли. Продолжателем этих идей в англо-американской традиции выступил Дж. Мэдисон, чьи «Федералистские статьи» заложили основу теории «сдержек и противовесов» как институционального механизма предотвращения узурпации власти [7]. В XX веке концепция разделения властей по-

KEYWORDS: public administration, parliamentarism, system of checks and balances, parliamentary control, simulated parliamentarism; regional policy, Governor of the Rostov region, Legislative Assembly of the Rostov region, interaction of branches of government, unified system of public authority

FOR CITATION:

*Petin, D. V. (2026) Features of Organizing Interaction between Representative Bodies of Public Authorities in the System of Separation of Powers on the Example of Rostov Region. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 13(1): 120–131 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-18*

лучила развитие у К. Шмитта, который рассматривал ее как баланс между представительной демократией и эффективным государственным управлением [24]. Эти теоретические положения составили фундамент, на который позднее опирались отечественные исследователи.

В дореволюционной и советской российской правовой науке принцип разделения властей воспринимался неоднозначно. Если дореволюционные юристы, такие как Н. М. Коркунов и Б. Н. Чичерин, признавали необходимость дифференциации властных функций [2; 24], то в советский период господствовала концепция единства власти Советов, исключавшая традиционное понимание разделения властей.

После принятия Конституции РФ 1993 года в отечественной науке начался новый этап осмысления принципа разделения властей. Значительный вклад внесли труды О. Е. Кутафина, В. Е. Чиркина, Б. С. Эбзеева, которые исследовали особенности российского конституционного строя и обосновывали специфику взаимодействия законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. В их работах акцентировалось внимание на необходимости учитывать федеративное устройство России и сильную президентскую власть, что отличает российскую модель от западных образцов. Так, Кутафин указывал, что классическая теория разделения властей в условиях России трансформируется в систему «взаимодействующих властей» [4, с. 64], где президент выступает связующим элементом. Эбзеев развивал идею о «функциональном разделении», когда ветви власти не изолированы, а взаимосвязаны в

процессе осуществления государственных задач [20, с. 176].

Современные российские исследователи, в числе которых А. А. Клишас, Е. И. Козлова, Е. А. Лукашева, сосредотачиваются на проблемах эффективности парламентского контроля, ограниченности реальных полномочий законодательных органов и усилении роли исполнительной власти. Научная дискуссия также затрагивает феномен «симулятивного парламентаризма», то есть формального характера законотворческого процесса, когда парламентские институты лишены возможности оказывать реальное воздействие на политический курс [21].

Отдельный пласт научной литературы посвящен реформе 2020 года и закреплению концепции «единой системы публичной власти». Исследователи отмечают, что включение в Конституцию положения о единстве публичной власти потребовало переосмысления принципа разделения властей в контексте усиления вертикали государственного управления. Так, В. Е. Чиркин рассматривает реформу как способ устранения противоречий между федеральным центром и регионами [22, с. 91], тогда как критики, в частности М. А. Краснов, указывают на риск эрозии самостоятельности субъектов Федерации и формализации парламентских процедур [3, с. 18].

В новейших научных работах акцентируется внимание на том, что концепция «единой публичной власти» не отменяет принцип разделения властей, но в значительной степени изменяет его содержание, смещая акцент на управленческую целесообразность и иерархичность.

Таким образом, степень научной разработанности темы можно охарактеризовать как высокую: в теории накоплен значительный массив исследований как классического, так и современного характера. Однако в отечественной доктрине сохраняется дискуссия о границах действия принципа разделения властей в условиях конституционной реформы 2020 года, что подтверждает актуальность дальнейшего исследования данной проблематики применительно к региональной практике, в частности, на примере Ростовской области.

1. Общие начала взаимодействия органов публичной власти

В основе исследуемой темы находится система правоотношений, регламентирующая

взаимодействие представительных органов публичной власти, с иными органами государственной власти РФ сквозь призму конституционного принципа разделения властей. Так, согласно положениям ст. 10 Конституции РФ «государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны».

С учетом предмета исследования следует отметить, что взаимодействие федеральных органов власти происходит еще на стадии их формирования, когда Председателя Правительства РФ утверждает Государственная Дума Федерального Собрания (далее – ГД ФС). Однако заметим, что данная функция ГД ФС скорее является декларативной, поскольку ч. 4 ст. 111 Конституции РФ позволяет по инициативе Президента РФ назначить Председателя Правительства РФ.

В рамках системы сдержек и противовесов ГД ФС может выразить вотум недоверия высшему органу исполнительной власти согласно ч. 3 ст. 117 Конституции РФ, механизм вотума недоверия регулируется главой 18 Регламента ГД ФС. Кроме того, в рамках сдержек и противовесов Правительство РФ отчитывается перед ГД ФС об исполнении федерального бюджета и о результатах своей деятельности (ежегодно).

Однако в научной литературе справедливо отмечается, что формальная возможность утверждения или отклонения кандидатуры Председателя Правительства РФ фактически не обеспечивает Государственной Думе самостоятельной политической роли. На практике, за всю постсоветскую историю ни один из кандидатов, предложенных Президентом РФ, не был окончательно отклонен парламентом, что свидетельствует о преимущественно декларативном характере этой функции. Схожая ситуация наблюдается и с институтом вотума недоверия: хотя Конституция предусматривает данную процедуру, за последние десятилетия было несколько попыток инициировать процедуру, однако вотум недоверия ни разу не был применен, что в свою очередь свидетельствует о дисбалансе механизма «сдержек и противовесов» в сторону исполнительной власти, что сближает российскую модель с так называемыми «гибридными режимами», где парламент-

ские механизмы существуют формально, но практически не используются.

Одной из основных задач государственного управления является обеспечение качественного и эффективного выполнения функций, возложенных на органы, входящие в единую систему публичной власти РФ, к которым относятся в том числе органы местного самоуправления. При этом право на парламентский контроль СФ ФС и ГД ФС за деятельностью представителей органов публичной власти всех уровней установлен ст. 103.1 Конституции РФ.

Механизм реализации СФ РФ и ГД РФ парламентского контроля за деятельностью органов местного самоуправления свидетельствует о его значимости и необходимости, особенно в рамках обеспечения законности и результативности деятельности подконтрольных субъектов. Так, согласно ст. 8 Федерального закона «О парламентском контроле» от 07.05.2013 № 77-ФЗ [10] (далее – ФЗ № 77) ответ на запрос со стороны руководителя представительного органа местного самоуправления должен быть представлен в устной форме на заседание палаты ФС или в письменной форме, но не позднее пятнадцатидневного срока с момента его поступления. Такая деятельность, а именно сроки, порядок направления, размещения и т. п., в свою очередь, регулируется регламентами СФ ФС [14] (далее – Регламент СФ ФС) и ГД ФС [12] (далее – Регламент ГД ФС). Отдельным организационным направлением, хотя и опосредованным, служит совещательный и консультативный орган – Совет по местному самоуправлению при СФ ФС, который осуществляет анализ и оценку правового регулирования сфер, связанных с местным самоуправлением, но они напрямую не направлены на взаимодействие именно представительных органов.

Согласно ст. 6 ФЗ № 77 палаты ФС РФ контролируют соблюдение федеральными органами исполнительной власти сроков принятия необходимых подзаконных актов, а ст. 11 ФЗ № 77 регламентирует контроль палат ФС РФ в сфере бюджетных правоотношений. В рамках парламентского контроля в рассматриваемой сфере проводятся организационные встречи и совещания по вопросам рассмотрения отчетов и иной информации, представляемой Правительством РФ, например, об исполнении

бюджета. Несмотря на то, что согласно теории разделения властей прерогатива законотворческой деятельности, а, следовательно, и реализации законодательного процесса отдана ГД ФС.

Несмотря на детализированное законодательное регулирование парламентского контроля, в специальной литературе неоднократно подчеркивалось, что его эффективность в России остается ограниченной [3, с. 12]. Так, отсутствие у парламента реальных санкций за игнорирование запросов или несвоевременное предоставление отчетов сводит контроль к формальной процедуре, не влияющей на поведение органов исполнительной власти. По данным исследований последних лет, подавляющее большинство парламентских запросов исполняется формально – ответы предоставляются в срок, но без содержательных данных. Это позволяет утверждать, что парламентский контроль в российской системе функционирует как элемент политического ритуала, но не как действенный механизм ограничения власти правительства. Для сравнения: в парламентарных системах Германии или Великобритании парламентский контроль нередко приводит к политическим кризисам, отставке министров и изменению курса правительства, что подтверждает его реальную значимость. Таким образом, специфика российской модели заключается в декларативности контрольных полномочий парламента, что в свою очередь снижает уровень реального парламентаризма [25, с. 182].

Правительство РФ также является активным участником законодательного процесса посредством реализации положений ст. 104 Конституции РФ, а также п. 6 ч. 1 ст. 13, ст. 26 Федерального конституционного закона от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [11] (далее – ФКЗ о Правительстве). Данное направление предусматривает несколько форм взаимодействия согласно ст. 26 ФКЗ о Правительстве – это внесение законопроектов и поправок к законопроектам, рассматриваемым в ГД ФС, письменные заключения на определенные законопроекты, связанные с налогами, расходами, направление отзывов на рассматриваемые ФС РФ законопроекты, назначает своего представителя в ФС РФ.

В частности, назначение своего представителя является, на наш взгляд, сугубо органи-

зационным направлением взаимодействия, поскольку данный представитель обязан защищать позицию Правительства РФ по заключениям и отзывам, где ему предоставляется слово.

При этом встает вопрос о соотношении формальных и реальных полномочий исполнительной власти в законотворческом процессе. Анализ практики последних лет показывает, что более 60 % всех законопроектов, рассматриваемых Государственной Думой, исходят именно от Правительства РФ, а поправки, предложенные правительственными представителями, как правило, принимаются без существенных изменений, что свидетельствует о смещении законодательной инициативы от парламента к исполнительной власти, что в свою очередь противоречит классической модели разделения властей. В научной литературе подобная ситуация определяется как «асимметричное разделение властей», при котором парламент утрачивает ведущую роль в законотворчестве, сохраняя лишь формальные процедуры [22, с. 121–122].

Таким образом, можно условно сформулировать, что существуют формы взаимодействия между представительными и исполнительными органами РФ, некоторые из которых характеризуются «диспозитивностью» – это участие Правительства РФ в законодательном процессе, и «императивные», когда с первого взгляда, полномочия ФС РФ выражены как контролирующие – вотум недоверия, парламентский контроль и т. п.

Тем не менее анализ законодательства свидетельствует, что отсутствует важный компонент «императивности» – ответственность исполнительных органов РФ, в частности, парламентский контроль и расследование как, несомненно, важные инструменты реализации власти представителей «народа» в результате не могут никак повлиять на исполнительную власть ввиду отсутствия мер ответственности. Тем самым можно сформулировать, что взаимодействие между представительными и исполнительными органами РФ в значительной степени носит декларативный характер.

Взаимодействие представительных органов РФ и органов судебной власти РФ является специфическим ввиду уникальности судебной ветви власти, осуществляющей правосудие в РФ. Об этом свидетельствует и ч. 2 ст. 1

Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [15], которая устанавливает, что судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной власти. В частности, ФС РФ фактически не имеет полномочий по контролю или по парламентскому расследованию по отношению к судебной власти, за незначительными исключениями. Тем не менее можно отметить такое направление как участие СФ и ГД РФ в формировании судов, например, согласно ст. 4 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» [8] именно СФ ФС назначает судей Верховного Суда РФ по представлению Президента РФ. Важным направлением взаимодействия являются «обращения или запросы в суд» по отдельным вопросам, например, ст. 125 Конституции РФ предусматривает право запроса палат ФС или одной пятой членов палат ФС о разрешении дел о соответствии с Конституцией РФ и т. п. Схожий подход сохраняется и в рамках взаимодействия с Верховным Судом РФ. Порядок обращения, а также направление своего представителя для защиты позиции палат ФС, в данные судебные органы регулируются специальными главами регламентов – Глава 31 Регламента СФ ФС и Разделом VI Регламента ГД ФС. Еще одним фундаментальным направлением выступает законодательная инициатива Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ в соответствии с ч. 1 ст. 104 Конституции РФ, однако в отличие от органов исполнительной власти, данные органы судебной власти могут инициировать законодательный процесс только по предмету своего ведения.

Тем не менее, как указано выше, судебная власть в силу специфики своей деятельности наиболее «закрыта» для организационного взаимодействия с иными ветвями власти, что обуславливается основополагающими принципами отправления правосудия, а также непосредственно содержанием данного спектра публичных полномочий. Взаимодействие судебной власти с исполнительной в большинстве своем заключается в однонаправленном векторе со стороны судебной власти: исполнительная власть исполняет решения судов, содействует правосудию, предоставляя по

запросу необходимые сведения, при этом органы исполнительной власти могут являться участниками судебного процесса, означенное, на наш взгляд, и предопределяет «закрытость» судебной власти в организационном взаимодействии с властью исполнительной.

С законодательной властью ситуация представляется несколько сложнее: с одной стороны, судебные органы являются правоприменителями – осуществление правосудия строится на применении законов, между тем Верховный Суд РФ является субъектом права законодотворческой инициативы и потому имеет возможность выдвигать предложения по совершенствованию законодательства, однако судебная власть пользуется данным правомочием не столь часто, как органы исполнительной власти. С другой стороны, судебная власть в лице Конституционного Суда РФ является «негативным законотворцем» – Конституционный Суд блокирует применение неконституционного закона и возлагает на законодательную власть обязательство внести изменение в действующее законодательство с учетом позиции суда по данному вопросу. В определенном смысле судебное толкование, в особенности конституционное-правовое толкование норм Конституционным Судом, косвенно можно интерпретировать как одну из форм правотворчества, однако данная позиция является дискуссионной. Между тем не вызывает никаких сомнений то обстоятельство, что судебная практика, в особенности практика Конституционного Суда, вносит свой вклад в развитие системы разделения властей, и зачастую во взаимоотношениях между законодательной властью и исполнительной Конституционный Суд склоняет чашу весов в пользу последней, в подтверждение чего можно привести несколько примеров.

Так, в Постановлении Конституционного Суда от 01.12.1999 № 17-П [17] суд признал за Президентом РФ право временного отстранения Генерального прокурора РФ, хотя из действующего в то время законодательства такое полномочие явно не следовало, поскольку согласно действующим и в настоящее время положениям статей 83 (пункт «е»), 102 (пункт «з» части 1) и 129 (часть 2) Конституции РФ вопрос назначения на должность Генерального прокурора РФ и освобождения от должности, то есть непосредственное право принятия та-

кого решения, находится в компетенции Совета Федерации, в то время как президент лишь направляет представление по этому вопросу.

В Постановлении от 31 июля 1995 г. № 10-П [19] Конституционный Суд легитимизировал применение исполнительной властью по Указу президента специальных мер, затрагивающих права и свободы человека и гражданина без введение чрезвычайного или военного положения, введение которого должно быть одобрено СФ РФ.

В Постановлении от 30 апреля 1996 г. № 11-П [18] Конституционный Суд признал за Президентом РФ право на формирование высшего органа исполнительной власти субъекта Федерации в рамках Указа Президента РФ, в том случае, если соответствующей нормативно-правовой базы в законодательстве субъекта сформировано не было. КС РФ счел допустимым и даже необходимым в данном отношении восполнение пробела закона посредством нормативного акта, хотя соответствующее полномочие Президента РФ в положениях Главы 4 Конституции РФ не усматривается, и появляется только в рамках расширительного толкования.

Относительно «закрытости» судебной власти к организационному взаимодействию с представительными органами в профессиональном сообществе выдвигаются различные предположения, единого консенсуса по данному вопросу нет, при этом выдвигать какие-либо утверждения по этому поводу не представляется возможным ввиду отсутствия должной теоретической разработки в науке, однако можно предположить, что подобная ситуация обуславливается рядом факторов. В публичном обсуждении многие авторы указывают на то, что гарантии независимости судебной власти привели к замкнутости судебной системы внутри себя, особенно часто данный довод высказывается в контексте кадровой политики, однако думается, что в действительности «закрытость» судебной власти обуславливается скорее политическими факторами: судебная власть поддерживает статус-кво в вопросах государственной политики, судьям прямо воспрещено вступать в политические партии, что необходимо для реализации принципа беспристрастности, и тем не менее, полагаем, данный вопрос нуждается в дальнейшей теоретической разработке.

Таким образом, можно заключить, что установление баланса системы сдержек и противовесов как необходимого условия сохранения демократического строя и соблюдения принципа верховенства права является постоянно длящимся процессом взаимодействия всех ветвей власти. На федеральном уровне данное взаимодействие далеко от идеала, и некоторые из заложенных механизмов, включая парламентский контроль, не получили практической реализации, вследствие чего сохраняются риски злоупотребления. Далее предстоит выяснить, как аналогичное взаимодействие представительных органов регулируется на уровне субъекта и какие особенности приобретает на практике.

2. Особенности взаимодействия представительных органов в системе органов публичной власти на уровне субъекта: реалии Ростовской области

Более целостная и системная регламентация взаимодействия представительных органов с органами исполнительной власти присутствует на уровне субъектов РФ, что прописано в ст. 61 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – ФЗ № 414) [16].

Так, например, в соответствии с полномочиями высшего должностного лица субъекта РФ (далее – глава субъекта РФ), поименованными в ст. 25 ФЗ № 414, он или в случаях, определенных законодательством субъекта РФ – представитель высшего исполнительного органа субъекта РФ, должны ежегодно представлять отчет о результатах деятельности возглавляемого высшего исполнительного органа в соответствующий законодательный орган, а также по вопросам, которые были непосредственно поставлены ему законодательным органом субъекта РФ.

Следует отметить, что положения рассматриваемой ст. 25 ФЗ № 414 также содержат перечень основных прав главы субъекта РФ в рамках его взаимодействия с соответствующим законодательным органом. Так, например, глава субъекта РФ наделен правом внесения предложений об изменении или отмене постановлений представительных органов субъектов РФ.

Подобная конструкция, когда губернатор фактически получает возможность корректи-

ровать решения законодательного органа, вызывает дискуссии в науке. С одной стороны, это позволяет обеспечить координацию деятельности ветвей власти, с другой – ослабляет самостоятельность регионального парламента и превращает его в орган, преимущественно легитимирующий инициативы исполнительной власти [20, с. 286]. Практика Ростовской области подтверждает данный вывод: подавляющее большинство законопроектов, внесенных губернатором, принимаются без существенных поправок, тогда как инициативы депутатов рассматриваются значительно дольше и нередко отклоняются. Особое положение губернатора как субъекта права законодательной инициативы может быть закреплено законодательно, как это, в частности, прямо следует из Устава Ростовской области, положение ч. 7 ст. 27 которого прямо закрепляет приоритет рассмотрения инициатив губернатора при организации законотворческого процесса Законодательного собрания региона. Аналогичные тенденции выявлены и в других субъектах РФ, в частности в Москве и Татарстане [5, с. 24], что свидетельствует о типологичности означенного порядка. Таким образом, реальная роль законодательного органа зачастую сводится к согласованию и процедурному оформлению решений губернатора, что снижает уровень парламентаризма на региональном уровне.

Между тем довод об асимметричном разделении властей, выдвинутый применительно к федеральному уровню организации публичной власти, оказывается столь же справедливым на уровне публичной власти субъекта применительно к Ростовской области, поскольку на протяжении 10 лет наблюдается устойчивая тенденция усиления роли исполнительной власти региона в формировании законодательства Ростовской области. Ниже приведен сводный анализ законотворческого процесса в регионе, демонстрирующий данную тенденцию (см. рис. 1).

При этом анализ законодательной терминологии, закрепляющей права главы субъекта РФ, позволяет сформулировать один из основополагающих принципов взаимодействия между законодательной и исполнительной ветвями власти субъекта РФ – как возможность координации их действий посредством такого терминологического ряда, как «возможность», «имеет право» и т. п. В данном контексте спра-

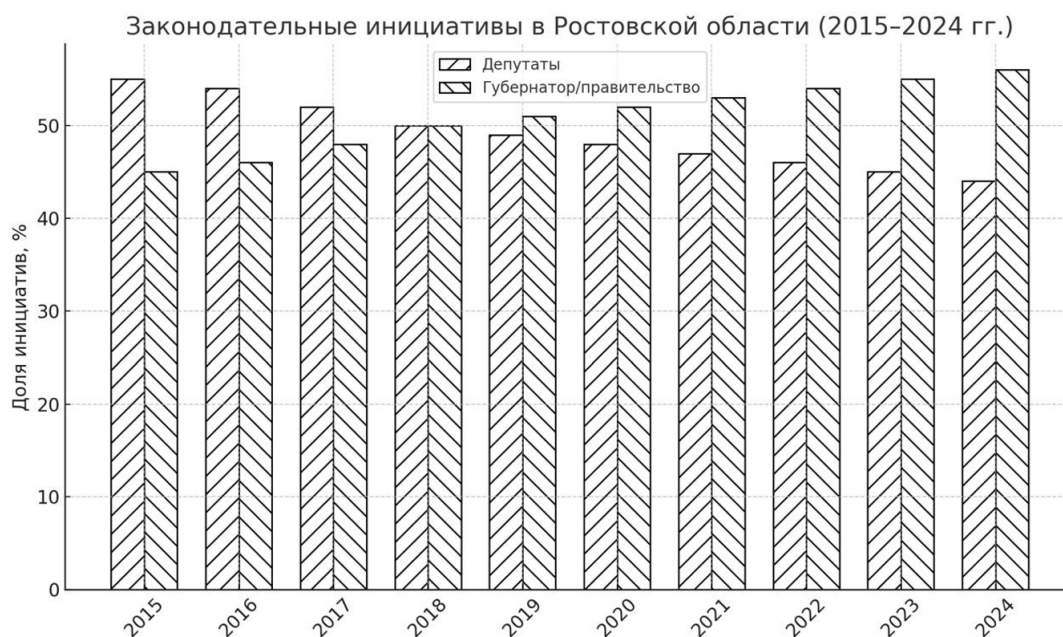

Рис. 1. Сводный анализ законотворческого процесса в Ростовской области за 2015–2024 гг. [1]

ведливым выглядит позиция Е. Г. Лариной о том, что точная конструкция взаимодействия между данными ветвями власти устанавливается в уставах или конституциях субъектов РФ [5, с. 12] либо в законах субъектов РФ. Например, Устав Ростовской области предусматривает следующие полномочия Законодательного Собрания в отношении органов исполнительной власти области:

- согласно п. 1.2 и 1.3 ст. 43, заслушивает ежегодный отчет о результатах деятельности Правительства области;

- согласно п. 11 ст. 43, устанавливает систему органов исполнительной власти в области;

- согласно п. 19 ст. 43, устанавливает порядок выборов и отзыва Губернатора как главы исполнительной власти в области, а п. 23 регламентирует право на выдвижение недоверия Губернатору;

- согласно п. 27 и 28 ст. 43, обращается к Губернатору и органам исполнительной власти относительно внесения изменения или отмены их актов.

Кроме того, областной закон от 18.09.2002 № 270-ЗС «О Законодательном Собрании Ростовской области» [9] (далее – Закон Ростовской области № 270) устанавливает законодательные основы взаимодействия с органами исполнительной власти субъекта РФ, ряд из которых по своей природе являются организа-

ционными. Так, ст. 19 Закона Ростовской области № 270 предусматривает следующие формы указанного взаимодействия:

- право участия и присутствия представителей законодательного органа и исполнительного органа Ростовской области на заседаниях друг друга, а также право Губернатора РО назначать для участия в заседаниях законодательного органа своего постоянного представителя;

- право на законодательную инициативу Губернатора РО, которая в первоочередном порядке рассматривается Законодательным Собранием, а также дача заключения Губернатором РО на законопроекты, связанные с бюджетом, налогами и т. п. вопросами;

- право Губернатора РО о назначении одного из своих заместителей для взаимодействия с Законодательным Собранием и организации такого взаимодействия. При этом следует отметить, что более детализированная регламентация порядка рассматриваемого взаимодействия, в том числе с установлением сроков, порядка направления документов их состав и т. п., установлена в разделе IV Регламента Правительства Ростовской области, утвержденного Указом Губернатора РО [13].

Кроме того, ст. 20 Закона Ростовской области № 270 устанавливает основы взаимодействия с судебной властью. В частности, Законодательное Собрание имеет право обращаться в

высшие судебные инстанции на общих основаниях, предусмотренных федеральным законодательством. При этом, согласно ст. 46 Устава Ростовской области, правом законодательной инициативы обладает Ростовский областной суд и Арбитражный суд Ростовской области, а п. 30 ст. 43 определяет, что только Законодательное Собрание избирает мировых судей в области.

Означенное изменение наглядно иллюстрирует общую динамику развития федерализма в России: система государственного управления неуклонно стремится к централизации. Одним из ключевых факторов, способствующих централизации, является перераспределение полномочий от региональных органов к федеральным. Это проявляется в передаче на федеральный уровень вопросов, ранее находившихся в компетенции субъектов Российской Федерации. Централизация также связана с усилением роли исполнительной власти на федеральном уровне, что приводит к снижению самостоятельности субъектов Российской Федерации в принятии решений [20, с. 196].

Между тем нельзя не отметить, что объем полномочий и механизмы взаимодействия между органами публичной власти существенно отличаются от субъекта к субъекту. К примеру, в ряде субъектов высшее должностное лицо избирается не гражданами напрямую, а через представительные органы, как это предусмотрено, в частности, в Республике Адыгея [5, с. 36]. В некоторых субъектах взаимодействие законодательной и исполнительной власти усиливается посредством процедур назначения ключевых должностных лиц региона, например, в Краснодарском крае губернатор назначает своего первого заместителя после получения одобрения Законодательного собрания [5, с. 38]. Аналогичным образом, должность премьер-министра в Республике Адыгея также требует согласования с законодательной властью, и глава Республики назначает премьер-министра с согласия Государственного совета – Хасэ Адыгеи, глава Карелии также назначает первого заместителя главы – премьер-министра Карелии, а также руководителей ключевых органов исполнительной власти с согласия Законодательного собрания Карелии. Однако следует отметить, что означенные примеры являются скорее исключением,

в большинстве субъектов (75 из 89), к числу которых относится и Ростовская область, губернаторская должность является избираемой с прямым порядком избрания, а вопрос назначение ключевых должностей исполнительной власти субъекта находится в исключительном ведении губернатора как высшего должностного лица субъекта.

Выводы. Итак, рассмотренные вопросы и анализ указанных правовых норм позволяют констатировать следующее.

Во-первых, взаимодействие представительных органов публичной власти с иными ветвями власти в России носит в значительной степени формальный характер. Конституционные и законодательные механизмы существуют, однако их практическая реализация ограничена. Формирование Правительства РФ при участии Государственной Думы и институт вотума недоверия не оказывают реального влияния на политический процесс, что подтверждается отсутствием прецедентов их действительного применения.

Во-вторых, парламентский контроль, закрепленный как на федеральном, так и на региональном уровнях, имеет скорее символическое значение. Отсутствие санкций за игнорирование парламентских запросов и формальный характер отчетности исполнительных органов превращают данный инструмент в элемент политической ритуалистики. Это снижает уровень реального парламентаризма и свидетельствует о дисбалансе в пользу исполнительной власти.

В-третьих, судебная власть остается наиболее закрытой для взаимодействия с представительными органами. Несмотря на возможность парламентских запросов и участие в назначении судей, суды поддерживают статус-кво. Это усиливает принцип независимости судов, но одновременно снижает прозрачность их деятельности и исключает парламентский контроль.

В-четвертых, на региональном уровне (на примере Ростовской области) выявляется ярко выраженное доминирование исполнительной власти. Законодательное собрание фактически играет вспомогательную роль, легитимируя инициативы губернатора. После реформы 2020 года субъекты лишились самостоятельного института уставных судов, что еще больше ограничило взаимодействие представительных органов с судебной властью на уровне субъекта.

Оценивая эффективность взаимодействия представительных органов в единой системе органов публичной власти предлагаем использовать следующие критерии: 1) наличие реальных санкций за игнорирование парламентских решений; 2) баланс законопроектной инициативы между депутатами и исполнительной властью; 3) открытость судебной системы для парламентских запросов и контроля; 4) уровень политической конкуренции в парламенте. Применение этих критериев в рамках исследования показало, что в современных условиях российская модель характеризуется институциональной слабостью представительных органов.

Исходя из выявленных проблем, представляется возможным сформулировать следующие предложения по совершенствованию организационно-правового регулирования:

- закрепить ответственность исполнительных органов за неисполнение парламентских запросов и отчетов;

- расширить полномочия законодательных органов субъектов РФ при формировании региональных органов исполнительной власти (например, утверждение министров ключевых направлений, как это сделано в отдельных субъектах и соответствует аналогичному полномочию утверждения премьер-министра на федеральном уровне);

- рассмотреть возможность введения независимых арбитражных механизмов разрешения споров между ветвями власти;

- обеспечить более широкое участие региональных парламентов в конституционном контроле.

Таким образом, исследование показало, что хотя в России и существует развитая нормативная база, регулирующая взаимодействие представительных органов публичной власти с исполнительной и судебной, практическая значимость этих механизмов ограничена. Принцип разделения властей в значительной мере трансформируется в систему институциональной зависимости парламента от исполнительной власти. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего реформирования системы взаимодействия ветвей власти как на федеральном, так и на региональном уровнях, в том числе в Ростовской области.

Список использованных источников

1. Законодательное Собрание Ростовской области. URL: <https://zsro.ru/deyatelnost/zakonotvorchestvo> (дата обращения: 10.08.2025).
2. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М.: Издательство Юрайт, 2025. 352 с.
3. Краснов М. А. Сдержки и противовесы в российской конституционной системе: формальные механизмы и фактическая практика // Государство и право. 2022. № 6. С. 5–19.
4. Кутафин О. Е. Конституционное право России. М.: Юрист, 2001. 456 с.
5. Ларина Е. Г. Содержание взаимодействия законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти в субъектах Российской Федерации // European Reserch. Сборник статей XXVII Международной научно-практической конференции. В 2 частях. Том Часть 2. Пенза: Наука и Просвещение, 2020. С. 57–60.
6. Монтескье Ш. Л. О духе законов / пер. с фр. А. Горнфельда. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. 832 с.
7. Мэдисон Дж., Гамильтон А., Джей Дж. Федералист. Политические эссе / пер. с англ. М.: Прогресс, 1994. 543 с.
8. О Верховном Суде Российской Федерации: Федер. конституционный закон от 05 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022): [одобрен Государственной Думой 24 янв. 2014 г.; одобрен Советом Федерации 29 янв. 2014 г.] // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 550.
9. О Законодательном Собрании Ростовской области: областной закон от 18 сент. 2002 № 270-ЗС (ред. 07.11.2023): [принят Законодательным собранием Ростовской области 29 авг. 2002 г.] // Наше время. 2002. № 189–191.
10. О парламентском контроле: Федер. закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ (ред. 25.12.2023): [принят Государственной Думой 23 апр. 2013 г.; одобрен Советом Федерации 27 апр. 2013 г.] // Собрание законодательства РФ. 2013. № 19. Ст. 2304.
11. О Правительстве Российской Федерации: федер. конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ [одобрен Государственной Думой 27 окт. 2020 г.; одобрен Советом Федерации 3 нояб. 2020 г.] // Собрание законодательства РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.
12. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление Государственной Думы Федерального собрания РФ от 22 янв. 1998 г. № 2134-II ГД (ред. 14.11.2023) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 801.
13. О Регламенте Правительства Ростовской области: Указ Губернатора Ростовской области от 21.08.2023 № 74 – в редакции от 19.06.2024. URL: <https://www.donland.ru/documents/18160> (дата обращения: 16.06.2025).
14. О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление Совета Федерации Федерального собрания РФ от 30 янв. 2002 г. № 33-СФ (ред. 17.01.2018) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 7. Ст. 635.
15. О судебной системе Российской Федерации: Федер. конституционный закон от 31 декабря 1996 г.

№ 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022): [принят Государственной Думой 23 дек. 1996 г.: одобрен Советом Федерации 26 дек. 1996 г.] // *Собрание законодательства РФ*. 1997. № 1. Ст. 1.

16. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федер. закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ (ред. от 25.12.2023): [принят Государственной Думой 14 дек. 2021 г.: одобрен Советом Федерации 15 дек. 2021 г.] // *Собрание законодательства РФ*. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1999 г. № 17-П // *Собрание законодательства РФ*. 1999. № 51. Ст. 6364.

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 апреля 1996 г. № 11-П // *Собрание законодательства РФ*. 1996. № 19. Ст. 2320.

19. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П // *Собрание законодательства РФ*. 1995. № 33. Ст. 3424.

20. Проблемы и перспективы развития публичной власти в условиях конституционной модернизации: монография / под ред. Б. С. Эбзеева, Л. Т. Чихладзе. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 367 с.

21. Современная российская политика: Курс лекций / И. М. Бунин, С. А. Караганов, В. А. Никонов [и др.]. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 223 с.

22. *Чиркин В. Е.* Сравнительное государственное устройство: учебное пособие. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. 448 с.

23. *Чичерин Б. Н.* Философия права. Избранные сочинения. М.: Издательство Юрайт, 2025. 371 с.

24. *Шмитт К.* Гарант конституции / пер. с нем. М.: Юридическая литература, 2010. 252 с.

25. *Gel'man V.* The Politics of Bad Governance in Russia. Cheltenham: Edward Elgar, 2022. 289 p.

References

1. Legislative Assembly of the Rostov Region. Available at: <https://zsro.ru/deyatelnost/zakonotvorchestvo> (date of access: 10.08.2025) [in Russ.].

2. *Korkunov N. M.* Lectures on the General Theory of Law. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 352 p. [in Russ.].

3. *Krasnov M. A.* Checks and Balances in the Russian Constitutional System: Formal Mechanisms and Actual Practice. *State and Law*. 2022. No. 6. P. 5–19 [in Russ.].

4. *Kutaфин O. E.* Constitutional Law of Russia. Moscow: Yurist, 2001. 456 p. [in Russ.].

5. *Larina E. G.* The content of interaction between legislative (representative) and executive bodies of state power in the constituent entities of the Russian Federation. European Research. *Collection of articles from the XXVII International Scientific and Practical Conference*. In 2 parts. Volume Part 2. Penza: Science and Education, 2020. P. 57–60 [in Russ.].

6. *Montesquieu Ch. L.* On the Spirit of Laws. Translated from French by A. Gornfeld. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2023. 832 p. [in Russ.].

7. *Madison J., Hamilton A., Jay J.* The Federalist. Political Essays. Translated from English. Moscow: Progress, 1994. 543 p. [in Russ.].

8. On the Supreme Court of the Russian Federation: Federal Constitutional Law of February 5, 2014, No. 3-FKZ (as amended on July 14, 2022): [approved by the State Duma on January 24, 2014; approved by the Federation Council on January 29, 2014]. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2014. No. 6. Art. 550 [in Russ.].

9. On the Legislative Assembly of Rostov Region: regional law of September 18, 2002 No. 270-ZS (as amended on November 7, 2023): [adopted by the Legislative Assembly of Rostov Region on August 29, 2002]. *Nashe Vremya*. 2002. No. 189–191 [in Russ.].

10. On parliamentary control: Federal Law of May 7, 2013 No. 77-FZ (as amended on December 25, 2023): [adopted by the State Duma on April 23, 2013; approved by the Federation Council on April 27, 2013]. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2013. No. 19. Art. 2304 [in Russ.].

11. On the Government of the Russian Federation: Federal Constitutional Law of November 6, 2020 No. 4-FKZ [approved by the State Duma on October 27, 2020; approved by the Federation Council on November 3, 2020]. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2020. No. 45. Art. 7061 [in Russ.].

12. On the Rules of Procedure of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of January 22, 1998 No. 2134-II GD (as amended on November 14, 2023). *Collected Legislation of the Russian Federation*. 1998. No. 7. Art. 801 [in Russ.].

13. On the Regulations of the Government of the Rostov Region: Decree of the Governor of the Rostov Region dated August 21, 2023 No. 74 – as amended on June 19, 2024, Available at: <https://www.donland.ru/documents/18160> (date of access: 16.06.2025) [in Russ.].

14. On the Regulations of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation: Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation dated January 30, 2002 No. 33-SF (as amended on January 17, 2018). *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 7. Art. 635 [in Russ.].

15. On the judicial system of the Russian Federation: Feder. Constitutional Act of December 31, 1996 No. 1-FKZ (as amended on April 16, 2022): [adopted by the State Duma on December 23, 1996; approved by the Federation Council on December 26, 1996]. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 1997. No. 1. Art. 1 [in Russ.].

16. On the General Principles of Organization of Public Authority in the Constituent Entities of the Russian Federation: Federal Act of December 21, 2021 No. 414-FZ (as amended on December 25, 2023): [adopted by the State Duma on December 14, 2021; approved by the Federation Council on December 15, 2021]. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2021 No. 52 (Part I). Art. 8973 [in Russ.].

17. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 1, 1999, No. 17-P. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 1999. No. 51. Art. 6364 [in Russ.].

18. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 30, 1996, No. 11-P. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 19. Art. 2320 [in Russ.].

19. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 31, 1995, No. 10-P. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 1995. No. 33. Art. 3424 [in Russ.].

20. *Ebzeev B. S., Chikhladze L. T.* (Eds) Problems and Prospects of Development of Public Authority in the Context of Constitutional Modernization: Monograph. Moscow: UNITY-DANA: Law and Right, 2024. 367 p. [in Russ.].

21. *Bunin I. M., Karaganov S. A., Nikonov V. A.* [et al.] Contemporary Russian Politics: Lecture Course. Moscow: OLMA-PRESS, 2003. 223 p. [in Russ.].

22. *Chirkin V. E.* Comparative Political Science: a Textbook. Moscow: Norma: INFRA-M, 2024. 448 p. [in Russ.].

23. *Chicherin B. N.* Philosophy of Law. Selected Works. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 371 p. [in Russ.].

24. *Schmitt K.* Guarantor of the Constitution. Translated from German. Moscow: Legal Literature, 2010. 252 p. [in Russ.].

25. *Gelman V.* The Politics of Bad Governance in Russia. Cheltenham: Edward Elgar, 2022. 289 p.

Поступила в редакцию 31.01.2026

Received January 31, 2026

Романов Александр Андреевич,
аспирант кафедры гражданского права и
гражданского судопроизводства,
Южно-Уральский государственный
университет (национальный
исследовательский университет),
454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 7,
email: Alexanderromanov74@yandex.ru

Romanov, Alexander A.,
Postgraduate Student, Department
of Civil Law and Civil Procedure,
South Ural State University
(National Research University),
7 Lenin Ave., Chelyabinsk,
454080, Russian Federation,
email: Alexanderromanov74@yandex.ru

УКЛОНЕНИЕ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА И ОБХОД ЗАКОНА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ

EVASION OF OBLIGATIONS AND CIRCUMVENTION OF THE LAW USING DIGITAL ASSETS

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена определению и анализу способов, позволяющих установить использование цифровых активов для обхода закона, в том числе по делам о банкротстве. Основной метод исследования основан на перспективном анализе и использовании аналогии права для преодоления пробелов. Рассматривается проблематика включения цифровых активов в конкурсную массу по делам о банкротстве. Выявлены и раскрыты способы уклонения от исполнения обязательства с использованием цифровых активов: 1) сокрытие имущества при банкротстве и взыскание в рамках исполнительного производства; 2) размещение денежных средств в виртуальных кошельках на маркетплейсах и других цифровых платформах; 3) приобретение объектов в метавселенной с целью сокрытия денежных средств и для последующей продажи таких виртуальных объектов и получения обратно денежных средств. Первоочередные способы принятия мер по противодействию обхода закона, находящиеся на текущем уровне правового регулирования: 1) ходатайство о назначении IT-экспертизы (блокчейн-транзакций); 2) ходатайство о включении криптоактивов в конкурсную массу; 3) цифровая виндикация (применение римского принципа к цифровым активам). Предложены основные направления по противодействию обхода закона в цифровой среде.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гражданское право, обход закона, цифровые права, виртуальные активы, цифровое имущество, криптовалюта

ABSTRACT. The article is devoted to the definition and analysis of methods that allow establishing the use of digital assets to circumvent the law, including in bankruptcy cases. The main research method is based on prospective analysis and the use of legal analogy to overcome gaps. The article examines the issue of including digital assets in the bankruptcy estate in bankruptcy cases. Methods of evading obligations using digital assets have been identified and disclosed: 1) concealment of property in bankruptcy and enforcement proceedings; 2) placing funds in virtual wallets on marketplaces and other digital platforms; 3) acquiring objects in the metaverse for the purpose of concealing funds and for the subsequent sale of such virtual objects and the recovery of funds. The primary methods of taking measures to counteract circumvention of the law, which are at the current level of legal regulation: 1) petition for the appointment of an IT expert (blockchain transactions); 2) petition for the inclusion of crypto assets in the bankruptcy estate; 3) digital vindication (application of the Roman principle to digital assets). The main directions for countering circumvention of the law in the digital environment are proposed.

KEYWORDS: civil law, circumvention of the law, digital rights, virtual assets, digital property, cryptocurrency

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Романов, А. А. Уклонение от исполнения обязательства и обход закона с использованием цифровых активов / А. А. Романов. – Текст: непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 132–138. – DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-19

FOR CITATION:

Romanov, A. A. (2026) Evasion of Obligations and Circumvention of the Law Using Digital Assets. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 13(1): 132–138 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-19

Введение. С распространением и ростом популярности криптовалют и иных цифровых активов в правоприменительной практике существует риск появления новых схем уклонения от выполнения гражданско-правовых обязательств; особенно привлекательно это может выглядеть в рамках процедур банкротства. Отсутствие единого правового регулирования и техническая сложность разрешения таких споров ставят развитие правоприменительной практики в затруднительное положение.

Определение правовой природы цифровых активов в разрезе их использования для каких-либо противоправных действий и обхода закона является не последней задачей в теоретической области. Проблема именно разработки регулирования цифровых правоотношений рассматривается многими цивилистами [2, с. 168; 4, с. 130; 9, с. 102; 10, с. 222; 18, с. 42; 19].

Традиционная «римская» концепция права собственности с каждым годом терпит все больше и больше новых ограничений и препятствий в осуществлении всего спектра правомочия собственника. В римском праве собственность понималась как абсолютное и исключительное право лица владеть, пользоваться и распоряжаться вещью в рамках закона. Однако, как отмечает Е. А. Суханов, цифровым имуществом невозможно владеть, пользоваться и распоряжаться как привычными вещами. И это ставит перед цивилистикой задачу выработки адекватного гражданско-правового оформления [17, с. 15].

Полнота господства и хозяйственной власти на цифровые активы. Сейчас мы можем наблюдать парадоксальную дихотомию, весь комплекс вещных прав терпит все новые регуляторные ограничения, с сопутствующим увеличением государственного контроля.

Вводимые ограничения заключаются в виде повышения налогов, кратного увеличения стоимости владения объектов движимого

имущества и других. Например, владение автомобилем – собственник оплачивает утилизационный сбор, таможенные пошлины, транспортный налог на автомобиль (рассчитанный исходя из количества лошадиных сил в двигателе) и налог на роскошь (исходя из рассчитанной цены автомобиля), также осуществляет оплату акциза при покупке топлива, проезда по платным дорогам, обязательного страхования гражданской ответственности, государственных пошлин при регистрации автомобиля и пр. платежей. И все это при одном объекте налогообложения.

В цифровой среде происходит обратный процесс. Виртуальные активы предоставляют их владельцам беспрецедентный уровень контроля и защиты прав, близкий к идеальной модели собственности: полная автономия распоряжения, технологическая невозможность принудительного изъятия актива без доступов к электронным ключам, трансграничная природа, ограничивающая юрисдикционное воздействие.

С учетом возрастающих с каждым днем ограничений и обременений, возлагаемых на собственников, формируется новая простая и одновременно необычная концептуальная мысль, переход полного господства над вещами происходит из реального мира в виртуальный. Получается парадоксальная ситуация, когда господства над своей собственностью у нас больше в цифровой среде, чем в физическом мире. При этом надо понимать, что именно признак полноты господства является одним из отличительных свойств вещного права [1, с. 89; 6, с. 448; 15, с. 443; 16, с. 560].

Собственники находят отражение принципа свободы собственности и неприкосновенности в цифровом пространстве, тем самым выбирая все новые формы и инструменты для перевода собственности в цифровую среду. Такая тенденция не оставила без внимания и недобросовестных участников гражданско-правового

оборота, пытающихся найти способы обхода закона в сложившейся ситуации. И здесь будет логично сделать акцент на применение общих правовых принципов и специальных принципов в цифровой среде [11, с. 209] для преодоления пробельного регулирования, именно которое позволяет обходить закон.

Цифровые активы дают больше свободы собственности и неприкосновенности, поэтому может быть сформирована новая тенденция перемещения права собственности на материальные активы в цифровую сферу, например, путем токенизации объектов.

Для общего понимания сферы применения в гражданском обороте следует рассматривать цифровые активы как имущественные права или иное имущество, что на данный момент отражено и поименовано в ст. 128 и ст. 141.1 ГК РФ.

На сегодняшний день широкий круг собственников и владельцев вещей используют схему по переводу физических активов в мир виртуальный. На это есть много обоснованных причин.

К экономическим причинам можно отнести профессиональных инвесторов, диверсифицирующих свои риски, разбивая инвестиционные портфели, которые не хотят быть привязаны к экономике одной страны и решениям ее Центрального банка. Немаловажным является получение свободного доступа к повышенной доходности от высоко рискованных активов.

К техническим причинам относятся децентрализация и максимальный контроль над активами, что исключает ограничение доступа или иных санкций к имуществу со стороны иных пользователей или государственных органов. Высокая рыночная активность и доступность средств, доступ к уникальным функциям и новым виртуальным продуктам.

Полноту господства владения на виртуальные активы не могут сломить даже глобальные геополитические причины. Ведь как частные лица, так и целые государства могут использовать, например, криптовалюты для проведения международных расчетов в обход санкционных ограничений. Либо обходить жесткие валютные ограничения, установленные в государстве в части оттока капитала.

Полная автономия от публичного контроля государства и надежная защита собственности, в самой ближайшей перспективе, могут

привести к глобальному использованию недобросовестных механизмов обхода закона. И эти механизмы могут затронуть все уровни гражданских правоотношений.

Способы уклонения от исполнения обязательств с использованием цифровых активов. Указанные способы обычно касаются трех основных направлений: 1) сокрытие имущества при банкротстве и взыскание в рамках исполнительного производства; 2) размещение денежных средств в виртуальных кошельках на маркетплейсах и других цифровых платформах; 3) приобретение объектов в метавселенной с целью сокрытия денежных средств и для последующей продажи таких виртуальных объектов и получения обратно денежных средств.

Одним из первых судебных рубежей в гражданско-правовых отношениях, в попытках купировать формирующуюся практику обхода закона с использованием виртуальных активов, станет процедура банкротства.

Арбитражные суды уже столкнулись с виртуальными активами в процедуре банкротства, однако из-за отсутствия единого регулирования судам приходится применять возможный закон по аналогии – по сути, своими действиями становясь одним из первых источников права в этой категории, что влияет на развитие всей доктрины регулирования цифровой среды.

Своеобразным и интересным примером является Определение Арбитражного суда Приморского края по делу № А51-21596/2021, в котором суд отказал финансовому управляющему в признании сделки по покупке у посредника криптовалюты «Bitcoin» (на специализированной платформе по купле-продаже криптовалюты), с последующим инвестированием с инвестиционную компанию, – недействительной. Разберем ситуацию на нормативном уровне.

Так, арбитражный управляющий обосновал, что присутствует неравноценное встречное представление, что, по его мнению, является основанием для признания сделки недействительной.

В свою очередь суд, при отсутствии договора по купле-продаже криптовалюты, усмотрел в сделке признаки азартной игры и мотивировал, что привлечение денежных средств лицом по делу имело целью получение выигрыша, выражающегося как получение разницы от продажи приобретенной ранее криптовалюты, с

возможной утратой всех вложенных денежных средств. По итогу суд усмотрел в сделке наличие равноценного встречного представления и отказал арбитражному управляющему в признании сделки недействительной.

Разумеется, трудно найти единомышленников такой правовой квалификации спорного правоотношения. Как прямо отразил в своем исследовании А. А. Волос, при отсутствии прямого указания в законе применение к цифровым активам правил об играх и пари выглядит очень сомнительным [3, с. 127].

Тем самым подчеркивается довод о том, что отсутствие правового регулирования в этом вопросе вынуждает суды квалифицировать действия на основании аналогии закона, не совсем отражающего реальную действительность цифровых правоотношений.

Действуя на опережение ситуации и при наличии оснований, суды уже в решении о признании должника банкротом устанавливают отсутствие у должника счетов, операций с криптовалютой (Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 1 августа 2025 г. по делу № А56-30545/2025).

Финансовые управляющие, в свою очередь, уже включают сведения о наличии криптовалюты или криптокошельков (с паролями) в ходатайство об истребовании сведений подаваемому в суд (Определение Арбитражного суда Ставропольского края от 15 июля 2025 г. по делу № А63-24582/2024).

Отдельным и не урегулированным механизмом можно считать перевод денежных средств в метавселенные, виртуальные кошельки маркетплейсов и иные подобные формы. Разумеется, эти организации не имеют необходимые для привлечения денежных средств лицензии Центрального Банка, не являются кредитными организациями и, соответственно, не попадают под общее регулирование.

Самый простой пример: потенциальный должник покупает в любой виртуальной игре цифровой артефакт для этой самой игры, например «меч», «земельный участок» и тому подобные предложения, на самый простой момент виртуальные единицы для самой игры, монеты или жетоны, которые впоследствии можно передать или продать иным пользователям. Зачастую такие сделки проходят в формате P2P (peer-to-peer), то есть сделка по

купле-продаже проходит напрямую между двумя пользователями, без участия централизованных посредников вроде банков или бирж. Учеными-цивилистами уже сделан вывод о формировании новой системы учета, предполагающей отсутствие посредника при передаче имущественных прав [5, с. 185].

Сама платформа, на которой проходит сделка, лишь подбирает покупателя, чей запрос соответствует объявлению продавца. В других случаях должник может передать управление аккаунтом в виртуальной игре иному лицу, которое впоследствии перепродает виртуальный актив уже от своего имени.

Нельзя также оставить без внимания возможность искусственного завышения цен на виртуальный актив. Нетипичные для рядовых пользователей цифровые активы, например такие, как NFT-токены (уникальная сформированная картинка в единственном экземпляре), являются очень волатильными продуктами, подверженными радикальному изменению на них цены без обосновывающих это факторов. Не поддающиеся никакой экспертной оценке, на волне популярности NFT-токены могли продаваться за миллионы рублей, а буквально через месяц полностью обесценивались. Что в свою очередь дает возможность недобросовестным должникам, например, купить в виртуальной игре «меч», стоящий в среднем 1 тысячу рублей, за 1 миллион рублей, тем самым обойти закон с целью своего недобросовестного поведения в рамках гражданско-правовых отношений.

Определить виртуальный аккаунт в какой-либо игре или метавселенной и доказать его причастность к конкретному лицу не самая простая задача. С учетом необходимых для этого мероприятий, такими полномочиями обладают только правоохранительные органы, которые не будут проводить весь комплекс правоустанавливающих мероприятий, скажем, в рамках процедуры банкротства физического лица по каждому делу.

Отследить схожие переводы возможно только в безналичной форме через исходящие денежные отправления через банк, если средства выводились в наличном виде, либо с использованием других способов, найти и доказать их принадлежность определенному лицу на сегодняшний день практически невозможно.

Инструменты для оспаривания таких действий имеет в ГК РФ стандартный набор средств, начиная со ст. 10 ГК РФ (Обход закона, злоупотребление правом), заканчивая параграфом 2 главы 9 ГК РФ, а именно признания сделок мнимыми, ничтожными, кабальными и т. д.

Меры по противодействию обхода закона с использованием цифровых активов. Необходимо учитывать, что в дополнение к традиционным способам правовой защиты, исследователи делают выводы о необходимости признать современные механизмы гражданско-правовой защиты, уже включающие в себя меры цифровой защиты [8, с. 50].

На текущий момент суды и арбитражные управляющие не имеют прямого доступа к блокчейну, однако могут на законных основаниях запрашивать данные у бирж. Как пример, отражено в Определении Арбитражного суда Московской области от 12 августа 2024 г. по делу № А41-71556/2023 об удовлетворении ходатайства арбитражного управляющего об истребовании с криптобиржи сведений обо всех транзакциях должника.

Рассмотрим особо значимые и первоочередные способы принятия мер по противодействию обхода закона, находясь на текущем уровне правового регулирования гражданско-правовых отношений с виртуальными активами.

1) *Ходатайство о назначении IT-экспертизы (блокчейн-транзакций).* С учетом сложности и новизны данной категории споров, собрать качественную доказательную базу о том, что лицо, действуя недобросовестно либо в обход закона, пыталось скрыть денежные средства, используя, например, покупку криптовалюты на бирже, – будет непростой задачей.

Для разрешения этой ситуации автором предлагается дополнить теоретическую и практическую модель судебного производства такой процессуальной мерой, как IT-экспертиза. Внедрение новых процессуальных норм и правил при ее назначении не потребует, существующей нормативной базы вполне достаточно для ее назначения и принятия судом.

Основными целями экспертизы будут являться ответы на вопросы о том, какие были проведены транзакции на электронном кошельке или в системе децентрализованных реестров, установление принадлежности виртуальных активов конкретному лицу и цепочек

транзакций, каков механизм функционирования смарт-контракта, имеются ли признаки внешнего вмешательства или несанкционированного доступа к кошелькам, наличие иных цифровых следов и т. д.

2) *Ходатайство о включении криптоактивов в конкурсную массу.* Поскольку виртуальные активы, такие как криптовалюты, токенизированные активы (токены, NFT), обладают признаками объектов гражданского права в силу ст. 128 и ст. 141.1 ГК РФ, а также обладают признаками конкурсной массы (имеют экономическую ценность и оборотоспособность, они могут быть обращены в денежную форму через легальные обменные сервисы), они теоретически могут быть включены в конкурсную массу в рамках процедуры банкротства. Ведь Федеральный закон 26 октября 2002 г. № 127 от «О несостоятельности (банкротстве)» обязывает включать в конкурсную массу все имущество должника.

Применение такого нового и довольно-таки сложного правового института придаст развитие понятию «имущество» и определению его признаков на доктринальном уровне.

3) *Цифровая виндикация* (применение римского принципа к цифровым активам). Рассмотрим классическую модель способа защиты нарушенного права, с адаптацией к современным реалиям. Можно ли в целом рассматривать цифровую виндикацию как новый правовой институт со специальным способом защиты, либо достаточным решением будет ее использование в рамках аналогии закона? Исследования по этому вопросу находятся в активной стадии, и уже сформированы новые подходы [7, с. 17; 12, с. 210; 13, с. 682; 14, с. 340].

Римская виндикация предполагала индивидуализацию вещи (возврат именно той же вещи, а не аналогичной), физическое владение (вещь можно изъять и передать) при защите права собственности.

Но в цифровой среде нет физической формы вещей (только записи в реестре), а есть анонимность и децентрализация (сложно установить конечного владельца и фактического держателя), возможность мгновенного перевода (любой актив можно переместить, например, до решения суда даже с использованием обеспечительных мер). И, конечно, значимой чертой будет взаимозаменяемость виртуаль-

ного актива: как известно, все токены (кроме NFT) являются взаимозаменяемыми.

Но все же, в первую очередь, виндикация – это средство правовой защиты. Восстановление права собственности путем соединения фактического обладания с правом собственности является ее целью.

В рамках цифровых отношений для этого есть все необходимые критерии, объектом будет являться цифровой актив, доказывание факта совершения сделки через цифровые либо электронные подписи (либо смарт-контракт), процедура истребования через передачу доступа либо электронных ключей (в зависимости от технической возможности платформы).

Несмотря на технические и юридические сложности, формирование нового механизма защиты цифровой собственности, сочетающее технологические инновации с переосмысленными правовыми подходами, неизбежно.

Однако предложенные решения, скорее всего, никогда не смогут быть абсолютным и родовым правопреемником традиционной римской концепции виндикации, а лишь станут ее аналогом, адаптацией и отправной точкой в цифровой среде.

Выводы. Проведенный анализ обхода закона с использованием цифровых активов является лишь первой ступенью, позволяющей обратить внимание научного сообщества на системные проблемы правового регулирования виртуальных активов, создающих предпосылки и возможности для их недобросовестного использования в более широком масштабе.

С развитием цифровых технологий формируется вся большая и устойчивая система правовых рисков. Выявление основных моделей обхода закона демонстрирует недостаточность традиционных правовых механизмов для ее противодействия.

Последующие шаги вперед в этом направлении, возможно, повлияют на создание новых юридических концепций. Судебная практика способствует появлению новых более узконаправленных теорий о «цифровом владении», «децентрализованной собственности» и иных доктринальных подходов.

Разумеется, количество междисциплинарных проблем правоприменения в теоретическом аспекте остается значительным, например, судебные приставы и суды пока не имеют

инструментов для ареста криптовалют. Если активы расположены на холодном кошельке, доказать принадлежность этого аппаратного кошелька конкретному лицу, а также получить на него доступ, невозможно.

Следует помнить, что независимо от того, какая в итоге концепция, направленная на пресечение обхода закона и противоправного поведения в гражданских правоотношениях, будет принята и одобрена в дальнейшем, она не должна препятствовать созданию и развитию технических инноваций.

Список использованных источников

1. *Аверченко Н. Н.* Понятие и признаки вещи как объекта гражданских прав // Журнал российского права. 2004. № 5. С. 86–92.
2. *Беседы о праве / сост. П. И. Петкилёв.* М.: Триумф, 2025. 168 с.
3. *Волос А. А.* Цифровая собственность как новая категория частного права: критический анализ существующих подходов // Закон. 2025. № 1. С. 120–134. DOI: 10.37239/0869-4400-2025-22-1-120-134.
4. *Волос А. А.* Принцип диспозитивности в гражданском праве в контексте уважения личности в цифровой среде // Государство и право. 2025. №1. С. 126–134. DOI: 10.31857/S1026945225010115.
5. *Гонгало Б. М., Новоселова Л. А.* Есть ли место цифровым правам в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 179–192.
6. *Гражданское право: учебник / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Ломакиной.* М.: Проспект, 2024. 448 с.
7. *Дерюгина Т. В.* К проблеме виндикации как способа защиты прав на цифровые и некоторые иные нематериальные объекты // Цивилист. 2025. № 3. С. 14–20.
8. *Ковязина Н. М.* О вопросе защиты цифровых прав // Юрист. 2022. № 1. С. 49–54. DOI: 10.18572/1812-3929-2022-1-49-54.
9. *Новоселова Л. А., Полежаев О. А.* Отношения доступа к объектам авторских прав, выраженных в цифровой среде // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 9. С. 98–106. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.121.9.098-106.
10. *Новоселова Л. А.* Криптовалюта как объект взыскания в исполнительном производстве // Вестник гражданского процесса. 2025. № 1. С. 216–231. DOI: 10.24031/2226-0781-2025-15-1-216-231.
11. *Овчинников А. И., Селиванова Е. С., Конопий А. С.* Правовая политика в сфере регулирования искусственного интеллекта: зарубежный опыт нормирования и выстраивания приоритетов // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 502. С. 204–213. DOI: 10.17223/15617793/502/21
12. *Павлова Д. А.* Цифровые права как объект частного правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2025. 210 с.

13. Подшивалов Т. П. Онлайн-арбитраж по вещным искам // Право цифровой среды. М.: Проспект, 2022. С. 679–684.

14. Подшивалов Т. П. Система вещных исков: доктрина и правоприменение: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2023. 340 с.

15. Подшивалов Т. П. Система вещных исков: дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 443 с.

16. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.

17. Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7–29. DOI: 10.24031/1992-2043-2021-21-6-7-29.

18. Юзефович Ж. Ю. Проблема способов защиты гражданских прав в свете развития цифровых правоотношений // Юрист. 2020. № 12. С. 40–45.

19. Podshivalov T. P. Improving implementation of the Blockchain technology in real estate registration // Journal of High Technology Management Research. 2022. Volume 33, Issue 2, Article № 100440. DOI: 10.1016/j.hitech.2022.100440.

References

1. Averchenko N. N. Concept and Features of a Thing as an Object of Civil Rights. *Journal of Russian Law*. 2004. No. 5. P. 86–92 [in Russ.].

2. Conversations about Law. Compiled by P. I. Petkilev. Moscow: Triumph, 2025. 168 p. [in Russ.].

3. Volos A. A. Digital Property as a New Category of Private Law: A Critical Analysis of Existing Approaches. *Law*. 2025. No. 1. P. 120–134. DOI: 10.37239/0869-4400-2025-22-1-120-134 [in Russ.].

4. Volos A. A. The Principle of Dispositiveness in Civil Law in the Context of Respect for the Individual in the Digital Environment. *State and Law*. 2025. No. 1. P. 126–134. DOI: 10.31857/S1026945225010115 [in Russ.].

5. Gongalo B. M., Novoselova L. A. Is There a Place for Digital Rights in the System of Civil Law Objects. *Perm Legal Almanac*. 2019. No. 2. P. 179–192 [in Russ.].

6. Podshivalov T. P., Lomakina E. V. (Eds) Civil Law: Textbook. Moscow: Prospect, 2024. 448 p. [in Russ.].

7. Deryugina T. V. On the Problem of Vindication as a Method of Protecting Rights to Digital and Some Other Intangible Objects. *Civilist*. 2025. No. 3. P. 14–20 [in Russ.].

8. Kovyazina N. M. On the Issue of Protecting Digital Rights. *Jurist*. 2022. No. 1. P. 49–54. DOI: 10.18572/1812-3929-2022-1-49-54 [in Russ.].

9. Novoselova L. A., Polezhaev O. A. Relations of Access to Copyright Objects Expressed in the Digital Environment. *Bulletin of O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2024. No. 9. P. 98–106. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.121.9.098-106 [in Russ.].

10. Novoselova L. A. Cryptocurrency as an Object of Collection in Enforcement Proceedings. *Bulletin of Civil Procedure*. 2025. No. 1. P. 216–231. DOI: 10.24031/2226-0781-2025-15-1-216-231 [in Russ.].

11. Ovchinnikov A. I., Selivanova E. S., Konopiy A. S. Legal Policy in the Sphere of Artificial Intelligence Regulation: Foreign Experience of Standardization and Prioritization. *Bulletin of Tomsk State University*. 2024. No. 502. P. 204–213. DOI: 10.17223/15617793/502/21 [in Russ.].

12. Pavlova D. A. Digital Rights as an Object of Private Law Regulation: dissertation for the degree of PhD in Law. St. Petersburg, 2025. 210 p. [in Russ.].

13. Podshivalov T. P. Online Arbitration for Real Claims. Law of the Digital Environment. Moscow: Prospekt, 2022. P. 679–684 [in Russ.].

14. Podshivalov T. P. System of real claims: doctrine and law enforcement: monograph. Moscow: Infotropik Media, 2023. 340 p. [in Russ.].

15. Podshivalov T. P. System of real claims: dissertation for the degree of Doctor of Law. Ekaterinburg, 2024. 443 p. [in Russ.].

16. Sukhanov E. A. Property law: scientific and educational essay. Moscow: Statute, 2017. 560 p. [in Russ.].

17. Sukhanov E. A. On the civil legal nature of “digital property”. *Bulletin of Civil Law*. 2021. No. 6. P. 7–29. DOI: 10.24031/1992-2043-2021-21-6-7-29 [in Russ.].

18. Yuzefovich Zh. Yu. The Problem of Methods of Protecting Civil Rights in Light of the Development of Digital Legal Relations. *Jurist*. 2020. No. 12. P. 40–45 [in Russ.].

19. Podshivalov T. P. Improving Implementation of the Blockchain Technology in Real Estate Registration. *Journal of High Technology Management Research*. 2022. Vol. 33, Issue 2. Article No. 100440. DOI: 10.1016/j.hitech.2022.100440 [in Russ.].

Поступила в редакцию 24.02.2026

Received February 24, 2026

Сенников Сергей Александрович,
аспирант юридического факультета
Южно-Российского института управления –
филиала ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской
Федерации», 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 70,
email: segesennikov@yandex.ru

Sennikov, Sergei A.,
Postgraduate Student,
Law Faculty,
South-Russian Institute of Management,
Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
70 Pushkinskaya Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: segesennikov@yandex.ru

ПЛАТА ЗА ОТКАЗ ОТ ДОГОВОРА: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

TERMINATION FEE: ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE

АННОТАЦИЯ. В статье с помощью средств визуализации представлены результаты обширного анализа судебной практики по делам, связанным с платой за отказ от договора, платой за одностороннее изменение договора (п. 3 ст. 310 ГК РФ). Автор изучил практику Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ, связанную с применением указанной договорной конструкции, постановления арбитражных судов кассационной инстанции, а также в отдельных случаях акты первой и апелляционной инстанций. Всего автором было отобрано 263 судебных акта, на основании которых исследован ряд особо проблемных вопросов, касающихся квалификации платы за отказ, а также снижения ее размера судом. В частности, рассмотрено, какие виды спорных квалификаций используются судами, как они соотносятся друг с другом, как часто суды вмешиваются в согласованный сторонами размер платы за отказ, на какую сумму они его уменьшают. На основе собранной информации сделаны выводы о том, какой подход к пониманию правовой природы рассматриваемого института занимают суды, и как это влияет на частоту и количество судебного снижения размера платы за отказ, предусмотренного договором.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: расторжение договора, право на отказ от договора, плата за отказ от договора, немотивированный отказ от договора, одностороннее изменение договора, преобразовательные (секундарные) права

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Сенников, С. А. Плата за отказ от договора: анализ судебной практики / С. А. Сенников. – Текст: непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 139–148. – DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-20

ABSTRACT. This article employs visualization tools to present the findings of an extensive analysis of judicial practice in cases involving termination fees and contractual payments due on the exercise of an option for unilateral contract modification (p. 3, art. 310 of the Russian Civil Code). The author has examined the practice of the Supreme Court of Arbitration of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation concerning the application of this contractual mechanism, along with the judgments of the arbitration courts of cassation and, in certain instances, acts of the arbitration courts of first instance and appellate instance. The author selected 263 judicial acts, forming the basis for research of several issues concerning the legal qualification of termination fees and their judicial reduction. Specifically, the study examines the types of contested qualifications used by the courts, the correlation between different qualifications, the frequency of judicial intervention into the contractually agreed-upon amount of the termination fee, and the extent of its reduction. Based on the received information, the author makes a number of conclusions about the courts' approach to understanding the legal nature of termination fee and about how this approach influences the frequency and quantity of judicial reduction of the contractually stipulated termination fee.

KEYWORDS: termination of contract, the right of withdrawal from the contract, termination fee, unmotivated termination of contract, the unilateral modification of the terms

FOR CITATION:

Sennikov, S. A. (2026) Termination Fee: Analysis of Judicial Practice. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 13(1): 139–148 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-20

Немотивированный выход из договора посредством одностороннего разрыва обязательственной связи, равно как и бесосновательное одностороннее внесение изменений в договорную программу, с одной стороны, нарушают фундаментальный принцип договорного права «*pacta sunt servanda*». С другой – вполне соответствуют иному основополагающему принципу – свободе договора. На стыке этих двух принципов, в своеобразной точке напряжения расположена конструкция платы за отказ от договора и за его одностороннее изменение (далее также – плата за отказ).

Догматически плату за отказ от договора и плату за одностороннее изменение договора можно считать двумя разными категориями, но, если признавать возможность частичного отказа от договора, разница между ними едва ли заметна. Кроме того, российский законодатель поместил их обе в одну норму. В этой связи в настоящей статье и плата за отказ, и плата за одностороннее изменение договора рассматриваются как единая договорная конструкция. Использованные законодателем термины «плата за отказ от исполнения обязательства» и «плата за одностороннее изменение условий обязательства» заменены мной на «плату за отказ от» и «плату за одностороннее изменение» договора соответственно, поскольку последние более соответствуют концепции обязательства в узком смысле [2, с. 242].

Договорная конструкция, предусмотренная п. 3 ст. 310 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК), появилась в нормативной плоскости десять лет назад, в 2015 году, а в силу свободы договора использовалась еще до позитивного своего закрепления, однако до настоящего времени ее применение на практике и восприятие отечественными судами нельзя назвать однозначными и предсказуемыми.

Со времени появления в ГК названной нормы проведено немало исследований, посвященных плате за отказ, в том числе анализу судебной практики применения п. 3 ст. 310 ГК [1, с. 243; 3; 4, с. 521; 5; 6; 7; 8, с. 112–146; 9; 10; 11; 12; 13]. Тем не менее доктринальные воззрения на рассматриваемый договорный механизм также далеки от единообразия. Всю палитру мнений условно можно разделить на две группы: те, что исходят из компенсационной природы платы за отказ, и те, что из стоимостной. От

выбора того или иного подхода зависит множество правовых последствий, в первую очередь вопрос о допустимости судебного снижения размера платы за отказ, предусмотренного договором.

В настоящей работе изложены результаты анализа судебных актов, в которых поднимались вопросы о взыскании платы за отказ или о недействительности условий договора о такой плате.

Цель исследования состояла в том, чтобы показать, как отечественные суды квалифицируют плату за отказ, какой из двух вышеназванных подходов к ее правовой природе занимают, к каким правовым последствиям это приводит на практике.

Предмет и метод анализа. Предметом анализа выступали судебные акты арбитражных судов округов, а также в отдельных случаях акты судов первой и апелляционной инстанций.

Акты высших судов, касающиеся платы за отказ, не были включены в статистику, но выделены в отдельную таблицу ниже.

В ходе исследования актов нижестоящих инстанций предпринята попытка ответить на ряд вопросов, разделенных на два направления.

Первое направление посвящено вопросам квалификации договорных условий о плате за отказ. В этом контексте рассматриваются подходы судов к определению правовой природы таких условий, анализируются конкурирующие между собой виды квалификаций и устанавливается их соотношение в судебной практике. Особое внимание уделяется количественному распределению различных видов квалификаций среди проанализированных судебных актов, а также динамике эволюции судебных воззрений на сущность и правовую характеристику платы за отказ.

Второе направление сосредоточено на судебной практике применения механизма снижения размера платы за отказ. Исследуются частота обращения судов к названному механизму, степень существенности произведенного снижения по сравнению с первоначально предусмотренной договором суммой, а также диапазон взыскиваемых судами размеров платы за отказ.

Процесс исследования делился на три этапа: селекционный, статистический, аналитический.

Во-первых, из всей массы дел, в которых суды ссылались на п. 3 ст. 310 ГК, были отобра-

ны те судебные акты, в которых по существу решался вопрос о квалификации платы за отказ и/или о ее снижении.

Поиск судебных актов осуществлялся в системе «Консультант Плюс».

Во-вторых, информация об отобранных судебных актах была включена в один из двух реестров – реестр дел, в которых поднят вопрос квалификации платы за отказ (реестр квалификаций), и реестр, дела в котором касались снижения платы за отказ (реестр снижений).

Практически все акты из реестра снижений вошли в реестр квалификаций, поскольку для снижения платы за отказ судам необходимо ее предварительно соответствующим образом квалифицировать. Еще одна причина того, что реестр квалификаций состоит из большего количества дел, состоит в том, что далеко не во всех из них поднимаются вопросы снижения, например, при признании условия договора о плате за отказ недействительным вопрос квалификации неизбежен, но снижение даже не обсуждается.

В реестр снижений в основном вошли итоговые акты по делу, отражающие окончательный размер взысканной суммы. В отдельных случаях внесены одновременно и акты ниже-

стоящих судов, и акт кассационной инстанции, если взысканные суммы по ним разнятся.

Для того, чтобы решить, подходит ли судебный акт под критерии отбора, необходимо было определить, касается ли он платы за отказ. Если, по мнению автора, в спорном договоре, фрагменты которого приведены в судебных актах, была предусмотрена неустойка или иная конструкция, которую суды ошибочно квалифицировали как плату за отказ, такие акты не включались в реестры, но тем не менее подлежали анализу при рассмотрении проблемных вопросов применения п. 3 ст. 310 ГК.

В-третьих, был проведен анализ текста отобранных судебных актов в целях выявления ответов на обозначенные выше вопросы, а также обнаружения проблемных зон в применении п. 3 ст. 310 ГК.

В итоге в реестр квалификаций вошло 263 судебных акта, в реестр снижений – 123.

Разделение отобранных актов на два реестра позволило систематизировать собранные данные так, чтобы они соответствовали двум обозначенным выше направлениям вопросов.

Результаты анализа. Начать следует с описания эволюции взглядов высших судебных инстанций на плату за отказ от договора, которое приведено в таблице 1 ниже.

Таблица 1

<i>Судебный акт</i>	<i>Основная правовая позиция</i>
Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 5444/07	Поскольку право заказчика на односторонний отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг императивно установлено пунктом 1 статьи 782 Гражданского кодекса Российской Федерации, оно не может быть ограничено по соглашению сторон
Постановление Президиума ВАС РФ от 7 сентября 2010 г. № 2715/10	Поскольку право сторон (как исполнителя, так и заказчика) на односторонний отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг императивно установлено статьей 782 Кодекса, оно не может быть ограничено соглашением сторон
Пункты 4 и 9 постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах»	Односторонний отказ стороны от договора, исполнение которого связано с осуществлением обеими его сторонами предпринимательской деятельности, может быть обусловлен необходимостью выплаты определенной денежной суммы другой стороне. Может быть признано несправедливым и не применено судом условие об обязанности слабой стороны договора, осуществляющей свое право на односторонний отказ от договора, уплатить за это денежную сумму, которая явно несоразмерна потерям другой стороны от досрочного прекращения договора

Продолжение таблицы 1

Судебный акт	Основная правовая позиция
Определение СКЭС Верховного Суда РФ от 03.11.2015 № 305-ЭС15-6784 по делу № А40-53452/2014	Признано допустимым условие об удержании задатка в качестве штрафа за досрочное расторжение договора
Пункт 4 Обзора судебной практики ВС РФ № 1 (утв. Президиумом ВС РФ 13.04.2016): определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 3 ноября 2015 г. № 305-ЭС15-6784 по делу № А40-53452/2014	Стороны вправе предусмотреть в договоре аренды сумму компенсации, которая должна быть выплачена одной из сторон при немотивированном одностороннем отказе от исполнения договора
Пункты 15–16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении»	Разъяснения в отношении применения п. 3 ст. 310 ГК: – если право на отказ от/одностороннее изменение договора предусмотрено императивной нормой закона (например, абз. 2 п. 2 ст. 610 ГК), взимание платы за реализацию этого права не допускается; – недопустимо взимание платы по п. 3 ст. 310 ГК, если отказ от договора или его одностороннее изменение являлись реакцией на нарушение контрагента (были мотивированными); – закреплена модель «постоплаты»: последствия отказа от договора, его одностороннего изменения наступают сразу в момент восприятия контрагентом, независимо от внесения платы за отказ. В законе или договоре может быть предусмотрена иная модель. – введены новые критерии, когда суд может полностью или частично отказать во взыскании платы за отказ: а) очевидное несоответствие размера платы неблагоприятным последствиям, вызванным отказом/изменением, а также б) заведомо недобросовестное осуществление права на отказ от/ одностороннее изменение договора (пункт 2 статьи 10 ГК РФ)
Пункт 20 Обзора судебной практики № 4 (утв. Президиумом ВС РФ 15.11.2017): определение СКЭС ВС РФ от 28.06.2017 № 309-ЭС17-1058.	В случае, когда арбитражный суд приходит к выводу о наличии оснований для снижения платы за односторонний отказ от договора (ст. 10, п. 3 ст. 310 ГК РФ), он не может снизить плату до размера, который не устраняет для другой стороны последствия отказа от договора и не может компенсировать иные возможные потери
Определение СКЭС ВС РФ от 07.02.2019 № 309-ЭС18-8960 по делу № А50-14426/2017	Штраф за срыв контракта ввиду нарушения кредиторской обязанности ошибочно квалифицирован как плата за отказ
Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 07.03.2019 № 305-ЭС18-20347 по делу № А40-214400/2017	Обеспечительный платеж может выполнять функцию платы за отказ от договора

Окончание таблицы 1

Судебный акт	Основная правовая позиция
Определение СКЭС ВС РФ от 26 июня 2020 г. по делу № 305-ЭС20-4196	При этом сторона, которая утратила интерес к исполнению сделки, вправе инициировать расторжение договора при условии компенсации убытков другой стороне, в том числе посредством внесения платы за односторонний отказ от договора (пункт 3 статьи 310 ГК РФ). – взимание платы за отказ не было предметом спора, позиция высказана попутно (<i>obiter dictum</i>)
Определение СКЭС ВС РФ от 20 августа 2021 г. № 305-ЭС21-10216 по делу № А40-328885/2019	В рамках договорной модели «Take or Pay» при отказе заказчика от получения характерного предоставления (от обязательства «бери») исполнение им обязанности в рамках обязательства «плати» может быть оценено как плата за отказ от договора
Определение СКЭС ВС РФ от 23.05.2023 № 305-ЭС23-808 по делу № А40-51870/2022	Плата, предусмотренная п. 3 ст. 310 ГК, имеет своей целью компенсировать стороне ее имущественные потери, связанные с выбором другой стороны, сделанным в пользу отказа от исполнения (изменения) обязательства
Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2025 № 305-ЭС23-808 по делу № А40-51870/2022	Выплата денежной суммы вследствие одностороннего отказа от договора или от одностороннего изменения его условий направлена на компенсацию имущественных потерь контрагента, вызванных таким изменением. Однако плата за односторонний отказ или изменение договорных условий, особенно если соответствующее право следует из существа законодательного регулирования данного договорного типа, не должна носить заградительный характер (препятствовать лицу в правомерной реализации его права)

Как мы видим, отношение высших судов к рассматриваемому институту менялось с течением времени и претерпело следующие эволюционные этапы: 1) полное отрицание; 2) постепенное признание на основе принципа свободы договора; 3) подход к пониманию правовой природы платы за отказ как компенсационной выплаты. Ниже показано, что остальные суды движутся в фарватере, заданном Верховным Судом РФ, и исходят из компенсационной логики при рассмотрении споров, связанных с платой за отказ.

Далее с использованием средств визуализации представлены результаты проведенного анализа практики нижестоящих судов.

1. Вопросы квалификации

Судя по изученным судебным актам, при оценке условия договора о плате за отказ конкурируют следующие виды квалификации (табл. 2).

На рисунке 1 представлена визуализация обозначенного соотношения квалификаций, для удобства восприятия все перечисленные виды разделены на три группы.

Таблица 2

Вид квалификации	Количество судебных актов
Плата за отказ	192
Неустойка	56
Возмещение потерь	3
Заранее оцененные убытки	3 акта, в одном из которых суд дополнительно ссылался на ст. 406.1 ГК о возмещении потерь
Компенсационная гражданско-правовая санкция	2
Компенсация	2
Отступное (из них 3 в коммерческой концессии)	5
Общий итог:	263

Рис. 1. Соотношение квалификаций

Как видно, доминирует верная квалификация по п. 3 ст. 310 ГК, однако в 27 % (т. е. почти в трети) от общего числа отобранных судебных актов положение договора, предусматривающее условие о плате за отказ, было квалифицировано как-то иначе. На втором месте по популярности – неустойка. Зачастую суды не видят особой разницы между платой за отказ и неустойкой, нередки случаи, когда суд округа оставляет в силе акты нижестоящих судов, указывая, что ошибочная квалификация платы за отказ в качестве неустойки не привела к принятию неправильного решения.

Далее соотношение квалификаций показано в динамике. Выбраны два наиболее распространенных вида квалификаций: плата за отказ и неустойка, затем с помощью графиков и гистограмм продемонстрировано, как менялось их соотношение начиная с 2015 года (год вступления в силу п. 3 ст. 310 ГК) (рис. 2).

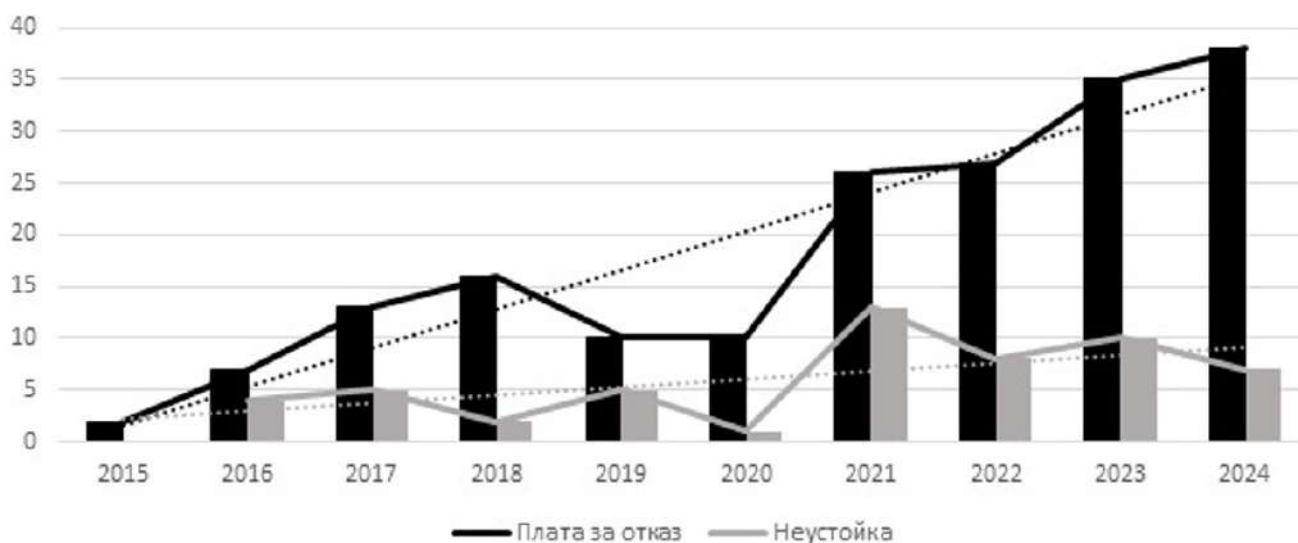

Рис. 2. Соотношение квалификаций в динамике. Плата за отказ vs Неустойка по годам

На приведенной диаграмме можно наблюдать, что верная квалификация имеет тенденцию к увеличению, тогда как «неустойечная» квалификация находится примерно на одном уровне, однако с годами существенно не снижается. Из этого можно предположить, что, во-первых, происходит постепенное признание со стороны судов и участников оборота самостоятельного значения нормы п. 3 ст. 310 ГК, во-вторых, что взгляд на плату за отказ как на компенсацию не способствует окончательному

разграничению ее с неустойкой, а ошибочное применение правового режима последней к отношениям по поводу платы за отказ продолжается и в настоящее время.

2. Вопросы судебного снижения

Анализ отобранной судебной практики на предмет поставленных вопросов о снижении платы за отказ велся по трем основным направлениям:

1) размер платы, согласованный сторонами спора в договоре;

- 2) размер, присужденный судом;
- 3) процент снижения.

Дела, в которых суды взыскивали полностью всю предусмотренную договором сумму либо отказывали в возврате предварительно внесенной платы или ее части, учитывались в реестре как дела с нулевым снижением (без снижения).

На диаграмме ниже (рис. 3) показано сопоставление количества дел, в которых суды снижали плату за отказ, с количеством дел без снижения.

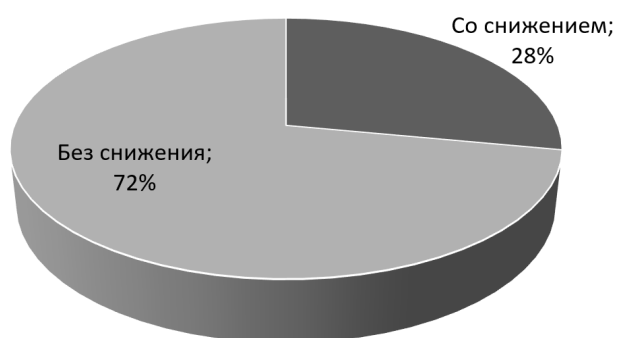

Рис. 3. Сопоставление количества дел, в которых суды снижали плату за отказ, с количеством дел без снижения

Как видно, в большинстве случаев суды не прибегают к опции снижения платы за отказ, обоснованно следуя автономии воли сторон и условиям заключенного между ними договора.

Тем не менее в 35 из 123 дел суды снижали плату за отказ, из них в 25 актах (т. е. более, чем в 70 %) плата за отказ снижена больше, чем на половину от согласованной в договоре суммы – свыше 52,13 %.

В этом также можно усмотреть влияние компенсационного подхода к пониманию платы за отказ, согласно которому судебное снижение не является чем-то исключительным, рассчитанным на особо вопиющие случаи недобросовестного поведения, как при стоимостном подходе. Напротив, отношение к плате за отказ как к компенсации позволяет не просто снижать согласованную сумму, но и подводить ее под доказанный размер потерь, понесенных кредитором, а это может приводить к существенному снижению.

Помимо данных о величине снижения платы за отказ в процентном соотношении с суммами, согласованными в договорах, проана-

лизированы данные в абсолютных значениях (в рублях).

Так, изучено распределение количества актов по диапазонам в зависимости от величины, на которую происходило снижение согласованного в договоре размера платы за отказ. В 24 из 35 дел (68,5 %) сумма снижения превысила 1 млн руб., из них в 8 делах снижение превышало 10 млн руб. (22,8 %).

Можно сделать вывод, что в целом суды не склонны вмешиваться в согласованный сторонами размер платы за отказ, но когда они решают снизить его, то делают это радикальным образом, что может привести к многомиллионному снижению по сравнению с первоначальной суммой.

Наконец, дополнительно для завершения общей картины следует привести статистику сумм взысканий платы за отказ.

В 57 из 123 дел (46,3 %) взысканная сумма платы за отказ превысила 1 млн руб., из них 15 раз (12,1 %) сумма взыскания была выше 10 млн руб. В свою очередь большая часть дел (66 из 123 или 53,65 %) касалась взысканий, не превышающих 1 млн руб.

Как представляется, приведенные цифры демонстрируют готовность судов взыскивать в качестве платы за немотивированный отказ даже весьма крупные суммы, несмотря на то, что оплата производится не в ответ на встречное предоставление, а за столь непривычный «актив», как реализация преобразовательного права. Кроме того, благодаря приведенным данным видна тесная связь между платой за отказ и ценой договора – лишь малая часть проанализированных дел касалась крупных договоров, что безусловно отразилось на размере спорных сумм платы за отказ.

Следует отметить, что полный отказ во взыскании платы, предусмотренной п. 3 ст. 310 ГК, встречается довольно редко – в двух актах из 123. В одном из них суд округа обосновал возврат всей суммы предварительно внесенной платы за отказ со ссылкой на несоразмерность неблагоприятным последствиям, вызванным отказом, и злоупотребление правом согласно критериям, рекомендованным в абз. 2 п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах

и их исполнении» (далее – Постановление № 54) [14], то есть по сути снизил согласованный сторонами размер до нуля [15]. В другом – суд воспринял плату за отказ как санкцию и отказал в ее взыскании по причине недоказанности нарушения прав истца [16].

При этом ни в одном из этих двух случаев суды не воспользовались некогда популярным аргументом о том, что плата за отказ противоречит существу законодательного регулирования и не подлежит взысканию. Это демонстрирует, что практика, господствовавшая вплоть до принятия постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» [17], согласно которой плата за отказ считалась неправомерной и не подлежала взысканию, постепенно изживает себя.

Что касается мотивов, которые движут судьями при снижении или оставлении платы за отказ в согласованном размере, то, как правило, их можно свести к следующему. Снижая плату за отказ, суды ссылаются на позицию из п. 14–16 Постановления № 54 и другие акты Верховного Суда о том, что размер платы должен быть соразмерен неблагоприятным последствиям, наступившим для лица, претерпевшего отказ. Отказ от снижения суды обосновывают ссылкой на постановление Пленума ВАС РФ «О свободе договора», указывают на то, что стороны являются равными субъектами предпринимательской деятельности, ни одна из них не может считаться слабой стороной, доказательства несоответствия неблагоприятным последствиям, вызванным отказом, не представлены.

Заключение. Итак, в результате проведенного анализа удалось прийти к следующим выводам.

1. Стоимостной подход к пониманию природы платы за отказ не встретился ни в одном из проанализированных судебных актов, то есть суды воспринимают рассматриваемый институт исключительно как компенсацию. Это не удивительно, если учесть, что Верховный Суд РФ последовательно во всех своих актах занимает компенсационный подход (см. таблицу выше).

2. Из 263 отобранных судебных актов предусмотренную договором плату за отказ чаще всего (в 73 % случаев) квалифицировали верно по п. 3 ст. 310 ГК РФ, однако в оставшихся 27 % дел встретилась ошибочная квалификация, в первую очередь в качестве неустойки (21 %), а так-

же и других смежных институтов (возмещения потерь, заранее оцененных убытков, отступное, всего 6 %). Попадались дела, в которых суды не ссылались на п. 3 ст. 310 ГК РФ при оценке условия о плате за отказ, однако признавали согласованную в договоре конструкцию «компенсационной санкцией» или «компенсацией», правомерность которой вытекает из принципа свободы договора.

3. Приведенная статистика демонстрирует, что несмотря на введение в текст ГК РФ отдельной нормы, посвященной плате за отказ, ее восприятие судами не лишено недостатков и практических трудностей.

4. Наиболее распространенная ошибка заключалась в использовании «неустойчивой» квалификации, суды либо не видят разницы между неустойкой и платой за отказ, одновременно применяя нормы, регулирующие обе названные конструкции, либо путают одну с другой, взыскивая со ссылкой на п. 3 ст. 310 ГК РФ денежную сумму, предусмотренную на случай нарушения, а со ссылкой на ст. 330 и 333 ГК РФ – сумму, обусловленную реализацией права на отказ от договора или на его одностороннее изменение.

5. В отношении снижения платы за отказ анализ показал, что чаще всего (в 72 % случаев) суды не видят оснований для снижения размера платы за отказ, согласованного в договоре. Однако следует иметь в виду, что в большинстве дел речь шла об относительно небольших суммах взыскания, что само по себе может являться фактором, способствующим подобному судебскому невмешательству. Кроме того, в оставшихся 28 % случаев суды по большей части снижали плату за отказ довольно существенно, вплоть до 100 %. В этом можно усмотреть влияние господствующего в практике понимания платы за отказ как компенсации, поскольку с компенсационной точки зрения снижение зависит от размера имущественных потерь, вызванных отказом от договора, что предполагает отношение к размеру согласованной сторонами суммы как некоему предварительному ориентиру, который легко может быть скорректирован судом в зависимости от фактических обстоятельств. В отличие от этого стоимостной подход не допускает столь свободной интервенции в ценовое условие договора, поэтому при смене парадигмы с

компенсационной на стоимостную количество дел, в которых суды готовы снижать плату за отказ, должно сократиться в десятки раз, что с позиции свободы договора и эффективности использования рассматриваемой договорной конструкции представляется более предпочтительным.

Список использованных источников

1. *Витрянский В. В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2016. 430 с.

2. *Егоров А. В.* Структура обязательственного отношения: наработки германской доктрины и их применимость в России // *Вестник гражданского права*. 2011. № 3. С. 241–274.

3. *Егоров А. В.* Заранее оцененные убытки как ключ к пониманию правовой природы договорных условий «бери или плати», а также платы за отказ от договора // *Вестник гражданского права*. 2022. № 3. С. 28–65.

4. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2022.

5. *Карапетов А. Г.* К вопросу о снижении платы за отказ от договора. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 28.06.2017 № 309-ЭС17-1058 // *Вестник экономического правосудия РФ*. 2017. № 8. С. 10–21.

6. *Краснова С. А.* Платеж в связи с односторонним отказом от исполнения договора: правовая природа, соотношение со смежными правовыми категориями // *Закон*. 2016. № 7. С. 117–126.

7. *Малинская Р., Панькина А.* Плата за односторонний отказ от исполнения договора: вход – рубль, выход – два? // СПС «Гарант». 2015. URL: <https://base.garant.ru/57356729> (дата обращения: 15.10.2025).

8. *Михайлова В. С.* Плата за отказ от договора: пределы договорной свободы. Реформа обязательственного и договорного права: десять лет спустя / сост. и отв. ред. А. А. Павлов, Т. А. Саргсян. М.: Статут, 2025. 702 с.

9. *Ноздрачева А. Ю.* Обзор судебной практики по вопросам, связанным со снижением судами платы за отказ от договора // *Вестник экономического правосудия РФ*. 2018. № 9. С. 183–199.

10. *Петрищев В. С.* Как взыскивают плату за односторонний отказ от исполнения договора: тенденции и препятствия // *Закон*. 2019. № 8. С. 85–90.

11. *Прозорова А. С.* Плата за отказ от договора: сравнительно-правовое исследование // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2024. № 9. С. 186–204.

12. *Сенников С. А.* Снижение платы за отказ от договора в компаративной, исторической и экономической перспективах // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2025. № 3. С. 102–152.

13. *Соменков С. А.* Институт одностороннего отказа от исполнения договора в условиях реформы гражданского законодательства // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2014. № 11. С. 85–91.

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // *Бюллетень Верховного суда РФ*. № 1, январь 2017.

15. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15.02.2019 № Ф04-6795/2018 по делу № А27-25799/2017 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=154222#wGFbJGVazQLJWjjZ> (дата обращения: 15.10.2025).

16. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 02.10.2024 № Ф02-3568/2024, Ф02-3888/2024 по делу № А19-388/2023 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVS&n=130770#xXbbJGV2tZkE6PSi1> (дата обращения: 15.10.2025).

17. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // *Вестник ВАС РФ*. № 5, май 2014.

References

1. *Vitryansky V. V.* The Reform of Russian Civil Legislation: Interim Results. Moscow: Statut, 2016. 430 p. [in Russ.].

2. *Egorov A. V.* The Structure of the Obligation Relationship: The Developments of the German Doctrine and Their Applicability in Russia. *Civil Law Review*. 2011. No. 3. P. 241–274 [in Russ.].

3. *Egorov A. V.* Pre-estimated Damages as a Key to Understanding the Legal Nature of “Take-or-Pay” Clauses and Payments for Withdrawal from a Contract. *Civil Law Review*. 2022. No. 3. P. 28–65 [in Russ.].

4. *Karapetov A. G.* (Ed) Performance and Termination of an Obligation: Commentary to Articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow, 2022 [in Russ.].

5. *Karapetov A. G.* On the Issue of Reducing the Fee for Withdrawal from a Contract: Commentary on the Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2017 No. 309-ES17-1058. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2017. No. 8. P. 10–21 [in Russ.].

6. *Krasnova S. A.* Payment in Connection with Unilateral Refusal to Perform a Contract: Legal Nature and Correlation with Related Legal Categories. *Zakon*. 2016. No. 7. P. 117–126 [in Russ.].

7. *Malinskaya R., Pankina A.* Fee for Unilateral Refusal to Perform a Contract: One Rouble to Enter, Two to Exit? *Legal Information System “Garant”*. 2015. Available at: <https://base.garant.ru/57356729> (date of access: 15.10.2025) [in Russ.].

8. *Mikhailova V. S.* Fee for Withdrawal from a Contract: Limits of Contractual Freedom. In: *Reform of the Law of Obligations and Contract Law: Ten Years Later*. Pavlov A. A., Sargsyan T. A. (eds.). Moscow: Statut, 2025. 702 p. [in Russ.].

9. Nozdracheva A. Yu. Review of Judicial Practice on Issues Related to the Reduction by Courts of Fees for Withdrawal from a Contract. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2018. No. 9. P. 183–199 [in Russ.].
10. Petrishchev V. S. How Fees for Unilateral Refusal to Perform a Contract Are Recovered: Trends and Obstacles. *Zakon*. 2019. No. 8. P. 85–90 [in Russ.].
11. Prozorova A. S. Fee for Withdrawal from a Contract: A Comparative Legal Study. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2024. No. 9. P. 186–204 [in Russ.].
12. Sennikov S. A. Reducing Termination Fees from a Comparative, Historical and Economic Perspective. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2025. No. 3. P. 102–152 [in Russ.].
13. Somenkov S. A. The Institution of Unilateral Refusal to Perform a Contract in the Context of the Reform of Civil Legislation. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2014. No. 11. P. 85–91 [in Russ.].
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 22, 2016, No. 54 “On Certain Issues of Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Obligations and Their Performance”. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. No. 1. January 2017 [in Russ.].
15. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated February 15, 2019 No. F04-6795/2018 in case No. A27-25799/2017. *ConsultantPlus Legal Database*. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=154222#wGFbJGVazQLJWjjZ> (date of access: 15.10.2025) [in Russ.].
16. Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District dated October 2, 2024 Nos. F02-3568/2024, F02-3888/2024 in case No. A19-388/2023. *ConsultantPlus Legal Database*. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVS&n=130770#xXbbJGV2tZkE6PSi1> (date of access: 15.10.2025) [in Russ.].
17. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated March 14, 2014 No. 16 “On Freedom of Contract and Its Limits”. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. No. 5, May 2014 [in Russ.].

Поступила в редакцию 08.11.2025

Received November 08, 2025

Шаповалова Марианна Ивановна,
аспирант, Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
начальник правового управления,
Союз «Торгово-промышленная палата
Ростовской области»,
344022, г. Ростов-на-Дону,
пр-т Кировский, д. 40А,
email: urist@tppro.ru

Shapovalova, Marianna I.,
Postgraduate Student,
Rostov State University of Economics,
Head of the Legal Department,
Rostov Region Chamber
of Commerce and Industry Union,
40A Kirovsky Ave., Rostov-on-Don,
344022, Russian Federation,
email: urist@tppro.ru

РОЛЬ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ПАЛАТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ КОНСТИТУЦИОННО- ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

THE ROLE OF CHAMBERS OF COMMERCE AND INDUSTRY IN THE RUSSIAN FEDERATION IN PROTECTING THE RIGHTS OF ENTREPRENEURS: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECTS

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются различные формы проявления законотворческой деятельности торгово-промышленных палат (ТПП) как институтов гражданского общества в Российской Федерации, в целях содействия развитию экономики РФ, создания благоприятных условий для предпринимательской деятельности и защиты их прав и интересов. Автором подчеркивается важность взаимодействия власти и бизнеса через систему ТПП. В рамках данного взаимодействия автор уделяет значимое внимание функциональной и практической роли ТПП по защите прав предпринимателей.

Следует подчеркнуть, что торгово-промышленные палаты действуют как представители предпринимателей при взаимодействии с органами власти. Конституционализм подчеркивает важность защиты прав и свобод всех граждан – таковы идеалы гражданского общества. Вместе с тем ТПП как институты гражданского общества должны защищать права и интересы бизнеса, не нарушая при этом права и свободы граждан и способствуя развитию гражданского общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: торгово-промышленная палата, правовая экспертиза, антикоррупционная экспертиза, законотворческая деятельность, институты гражданского общества, предпринимательство

ABSTRACT. The article examines various forms of legislative activity of chambers of commerce and industry (CCI) as institutions of civil society in the Russian Federation, in order to promote the development of the Russian Federation economy, create favorable conditions for entrepreneurial activity and protect their rights and interests. The author emphasizes the importance of interaction between the government and business through the system of CCI. Within the framework of this interaction, the author pays significant attention to the functional and practical role of CCI in protecting the rights of entrepreneurs.

It should be emphasized that chambers of commerce and industry act as representatives of entrepreneurs in their interactions with government bodies. Constitutionalism emphasizes the importance of protecting the rights and freedoms of all citizens, which are the ideals of civil society. However, as institutions of civil society, chambers of commerce and industry must protect the rights and interests of businesses without infringing on the rights and freedoms of citizens and promoting the development of civil society.

KEYWORDS: Chamber of Commerce and Industry, legal expertise, anti-corruption expertise, legislative activity, civil society institutions, and entrepreneurship

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Шаповалова, М. И. Роль торгово-промышленных палат в Российской Федерации в защите прав предпринимателей конституционно-правовые аспекты / М. И. Шаповалова. – Текст: непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 149–153. – DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-21

FOR CITATION:

Shapovalova, M. I. (2026) The Role of Chambers of Commerce and Industry in the Russian Federation in Protecting the Rights of Entrepreneurs: Constitutional and Legal Aspects. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 13(1): 149–153 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-21

Законотворческая деятельность торгово-промышленных палат (ТПП) представляет собой процесс, в котором ТПП участвует в разработке проектов законов и других нормативных актов в соответствии с Законом РФ от 07.07.1993 № 5340-1 «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» (далее – Закон о ТПП). Инициативы ТПП в области законотворчества в основном направлены на улучшение законодательства, касающегося предпринимательской деятельности в России.

На VIII Съезде ТПП РФ, который прошел 26 февраля 2021 года [8], были утверждены Приоритетные направления деятельности ТПП РФ на 2021–2025 годы, формирующие стратегию ее развития. Одним из ключевых направлений работы ТПП РФ является улучшение законодательства и практики его применения с целью упрощения условий для ведения бизнеса и уменьшения административных барьеров.

Данное направление реализуется через правовые экспертизы, антикоррупционные проверки, участие экспертов ТПП в заседаниях Комиссии Правительства РФ по законотворческой деятельности, отраслевых Комитетов Государственной Думы РФ, а также в совещательных органах власти при обсуждении законопроектов [6].

Законотворчество торгово-промышленных палат имеет большое значение для формирования правовой среды, способствующей развитию бизнеса. Оно основывается на конституционных нормах, гарантирующих гражданам и организациям право участвовать в управлении государственными делами (статья 32 Конституции РФ). ТПП РФ, представляя интересы предпринимателей, фактически выступает в роли представителя бизнеса в процессе законотворчества.

Также следует отметить, что статья 34 Конституции РФ о защите прав на частную соб-

ственность и предпринимательскую деятельность является конституционной основой участия торгово-промышленных палат в разработке законопроектов, затрагивающих права и свободы предпринимателей.

В процессе экспертизы проектов правовых актов осуществляется анализ предмета регулирования, его роли в системе российского законодательства, а также соответствия действующему законодательству. Кроме этого, проводится оценка потенциальных последствий принятия проектов с точки зрения соблюдения интересов общества и предпринимателей.

Правовой основой для проведения экспертизы проектов являются Закон о ТПП (статьи 12, 16) и Устав ТПП России. В соответствии с ними требования к проведению экспертизы установлены Положением и Методическими рекомендациями «Об экспертизе проектов правовых актов в ТПП Российской Федерации».

В процессе конституционной реформы – 2020 г. ТПП РФ активно предлагала Рабочей группе свои предложения для рассмотрения. В итоге учтена крайне важная для бизнеса поправка в статью 114 Конституции РФ о том, что Правительство РФ содействует развитию предпринимательства и частной инициативы [2].

Важным направлением деятельности ТПП РФ в сфере законотворчества является участие в сессиях Государственной Думы РФ.

В частности, в весеннюю сессию 2024 года депутаты учли поправки и предложения ТПП РФ при обсуждении законопроектов, касающихся предпринимательской деятельности. В частности, инициативы палаты затрагивали налоговую политику. Был принят закон № 176-ФЗ, который вводит новые параметры налоговой системы с 1 января 2025 года [5].

Кроме этого, 2 июля 2024 года вице-президент ТПП РФ Д. Курочкин принял участие в заседании рабочей группы Государственной

думы РФ, посвященном инфраструктурному обеспечению реализации инвестиционных проектов. В ходе заседания рассматривались: проект федерального закона о внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» и ключевые направления государственного регулирования инженерной деятельности в России [9].

Оценку регулирующего воздействия (ОРВ) проектов нормативных правовых актов можно рассматривать как механизм законотворческой деятельности, направленный на улучшение условий ведения предпринимательской деятельности.

Так, ТПП РФ в рамках ОРВ провела экспертизу законопроекта Минфина РФ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации». Этот законопроект предлагает меры по улучшению налогового регулирования для территорий опережающего развития, свободного порта «Владивосток», Арктической зоны Российской Федерации, особых экономических зон, а также свободной экономической зоны в Крыму и Севастополе. Устанавливаются ограничения для новых резидентов, получивших статус участника свободной экономической зоны или резидента территории опережающего развития после 1 января 2024 года. В случае несоответствия требованиям, указанным в новой статье 56.1 НК РФ, налогоплательщики теряют налоговые преференции в виде пониженных ставок и (или) налоговых льгот.

Не поддержанные ТПП РФ вводимые законопроектом барьеры для получения налоговых выгод могут существенно ограничить количество новых резидентов (участников) свободных экономических зон и территорий опережающего развития. В настоящее время завершена процедура оценки регулирующего воздействия, однако проект не был передан на рассмотрение в Правительство РФ [7].

Составление аналитических записок о состоянии и проблемах законодательства также является важным направлением деятельности ТПП РФ. В таких документах фиксируются наиболее значимые события в области законотворчества, выделяются ключевые особенности новых или измененных правовых актов, а также их положительные и отрицательные аспекты, включая перспективы дальнейшего

развития общественных отношений с учетом действия соответствующих нормативных актов. В частности, в аналитической записке ТПП РФ о состоянии и проблемах законотворчества № 184 за сентябрь 2023 г. отмечено, что ТПП РФ не поддерживает законопроект «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» [1].

Серьезным направлением законотворческой деятельности системы ТПП стало проведение независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (или проектов таких актов).

Согласно Федеральному закону «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов», институты гражданского общества могут проводить такую экспертизу за собственные средства. Порядок аккредитации экспертов устанавливается федеральным органом, отвечающим за юстицию.

При этом в научной литературе отмечается, что мнения, представленные независимыми антикоррупционными специалистами, часто игнорируются разработчиками нормативных актов. Это связано с тем, что квалификация некоторых экспертов может быть недостаточной, а статус их заключений не всегда признан. Однако заключения, предоставленные авторитетными организациями, часто получают ответ от разработчиков о том, что ряд выявленных факторов устранен [3, с. 168].

Аккредитация Торгово-промышленной палаты Ростовской области в качестве независимого эксперта, уполномоченного на проведение антикоррупционной экспертизы, Минюстом России непрерывно продлевается (распоряжение Министерства юстиции Российской Федерации от 13.11.2024 № 1438-р).

Следует отметить, что заключения ТПП РФ и региональных торгово-промышленных палат всегда принимаются соответствующими разработчиками. По результатам рассмотрения в адрес ТПП направляется ответ о рассмотрении предложений по устранению коррупциогенных факторов. Так, Торгово-промышленная палата Ростовской области с 2009 года проводит антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (распоряжение Министерства юстиции Российской Федерации от 1 сентября 2009 г. № 3176-р).

В соответствии с пунктом 9 Порядка проведения антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов Губернатора Ростовской области и Правительства Ростовской области, утв. Постановлением Правительства Ростовской области от 30.09.2015 № 9, Торгово-промышленная палата Ростовской области проводит антикоррупционные экспертизы законопроектов Ростовской области в целях выявления факторов, способствующих проявлению коррупции.

ТПП Ростовской области подготовлено заключение, в котором выявлены коррупциогенные факторы Постановления Правительства Ростовской области «О внесении изменений в постановление Правительства Ростовской области от 30.05.2014 № 412». Согласно требованиям о предоставлении субсидии на возмещение части затрат на приобретение оборудования, машин и механизмов для молочного скотоводства определены показатели в отношении конкретного получателя субсидии, а именно необходимо достигнуть определенного количества произведенного молока в году. В заключении было установлено отсутствие взаимосвязи между предоставлением субсидии на покрытие затрат на приобретение оборудования и количеством произведенного молока в году, поскольку увеличение количества произведенного молока зависит от многих факторов, среди которых приобретение оборудования не всегда является определяющим [4].

Таким образом, система ТПП в Российской Федерации осуществляет роль по защите прав и интересов предпринимателей путем участия в законотворческой деятельности. Нормативные правовые акты, в том числе непосредственно затрагивающие предпринимательскую деятельность, внимательно исследуются экспертами ТПП.

Важно отметить, что успешная реализация сотрудничества между органами власти и торгово-промышленными палатами требует регулярного обмена информацией и активного вовлечения представителей бизнеса в обсуждение новых законопроектов. Прозрачность процессов и доступность информации о планируемых изменениях в законодательстве создают предпосылки для конструктивного диалога.

Дополнительно необходимо развивать платформы для обратной связи, которые по-

зволят предпринимателям своевременно выражать свои мнения по законодательным инициативам.

Важно, чтобы органы власти не только признавали значимость этого института, но и активно искали пути для его интеграции в процесс разработки новых норм и правил. Создание рабочих групп, включающих представителей торгово-промышленных палат, может стать одним из эффективных решений для улучшения взаимодействия и достижения общей цели – создания благоприятных условий для развития бизнеса.

Список использованных источников

1. Аналитическая записка ТПП РФ о состоянии и проблемах законотворчества № 184 за сентябрь 2023 года // Официальный сайт ТПП РФ. URL: <https://www.tpprf-leasing.ru/analytics/analiticheskaya-zapiska-tpp-rf-o-sostoyanii-i-problemah-zakonotvorchestva-184-za-sentyabr-2023-goda> (дата обращения: 01.10.2025).

2. Глава ТПП РФ сказал, что он думает о поправках к Конституции // Официальный сайт ТПП РФ. URL: <https://news.tpprf.ru/ru/opinion/2347189> (дата обращения: 01.10.2025).

3. Долотов Р. О., Крылова Д. В. Перспективы повышения эффективности института независимой антикоррупционной экспертизы // Журнал российского права. 2019. № 10. С. 163–173.

4. Заключение независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов проводимой экспертами ТПП Ростовской области в 2021 году // Официальный сайт ТПП Ростовской области. URL: <https://tppro.ru/projects/legal/archiv-zaklyucenii-2021> (дата обращения: 01.10.2025).

5. Катырин С. В весеннюю сессию Госдумы был реализован ряд предложений ТПП РФ по поддержке бизнеса // Официальный сайт ТПП РФ. URL: <https://smolenskcci.ru/2024/08/01/sergej-katyrin-v-vesennjuju-sessiju-gosdumy-by-l-realizovan-rjad-predlozhenij-tpp-rf-po-podderzhke-biznesa> (дата обращения: 01.10.2025).

6. Перечень основных мероприятий с участием Торгово-промышленной палаты Российской Федерации на октябрь 2025 года // Официальный сайт ТПП РФ. URL: <https://www.tpprf.ru/ru/plans> (дата обращения: 01.10.2025).

7. Проект Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (ID проекта: 02/04/06-23/00139660) // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/139660> (дата обращения: 01.10.2025).

8. VIII Съезд ТПП РФ: подведены итоги, определены приоритетные направления деятельности // Официальный сайт ТПП РФ. URL: <https://news.tpprf.ru/ru/news/2332074> (дата обращения: 01.10.2025).

9. ТПП РФ активно участвует в обсуждении задач государственного регулирования инженерной деятельности в России // Официальный сайт ТПП РФ. URL: <https://news.tpprf.ru/ru/news/5815507> (дата обращения: 01.10.2025).

References

1. Analytical note of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation on the state and problems of lawmaking No. 184 for September 2023. *Official website of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation*. Available at: <https://www.tpprf-leasing.ru/analytics/analiticheskaya-zapiska-tpp-rf-o-sostoyanii-i-problemah-zakonotvorchestva-184-za-sentyabr-2023-goda> (date of access: 01.10.2025) [in Russ.].

2. The head of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation said what he thinks about amendments to the Constitution. *Official website of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation*. Available at: <https://news.tpprf.ru/ru/opinion/2347189> (date of access: 01.10.2025) [in Russ.].

3. Dolotov R. O., Krylova D. V. Prospects for Improving the Efficiency of the Institute of Independent Anti-Corruption Expertise. *Journal of Russian Law*. 2019. No. 10. P. 163–173 [in Russ.].

4. Conclusions of the independent anti-corruption expert review of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts conducted by experts of the Rostov Region Chamber of Commerce and Industry in 2021. *Official website of the Rostov Region Chamber of Commerce and Industry*. Available at: <https://tppro.ru/projects/legal/архив-zaklyuchenii-2021> (date of access: 01.10.2025) [in Russ.].

5. Katyrin S. During the spring session of the State Duma, a number of proposals of the Russian Chamber of Commerce and Industry on business support were implemented. *Official website of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation*. Available at: <https://smolenskcci.ru/2024/08/01/sergej-katyrin-v-vesennjuju-sessiju-gosdumy-byl-realizovan-rjad-predlozhenij-tpp-rf-po-podderzhke-biznesa> (date of access: 01.10.2025) [in Russ.].

6. List of main events with the participation of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation for October 2025. *Official website of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation*. Available at: <https://www.tpprf.ru/ru/plans> (date of access: 01.10.2025) [in Russ.].

7. Draft Federal Law “On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation” (Project ID: 02/04/06-23/00139660). *Federal Portal of Draft Regulatory Legal Acts*. Available at: <https://regulation.gov.ru/projects/139660> (date of access: 01.10.2025) [in Russ.].

8. VIII Congress of the Russian Chamber of Commerce and Industry: results summed up, priority areas of activity identified. *Official website of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation*. Available at: <https://news.tpprf.ru/ru/news/2332074> (date of access: 01.10.2025) [in Russ.].

9. The Russian Chamber of Commerce and Industry actively participates in the discussion of the tasks of state regulation of engineering activities in Russia. *Official website of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation*. Available at: <https://news.tpprf.ru/ru/news/5815507> (date of access: 01.10.2025) [in Russ.].

Поступила в редакцию 05.12.2025

Received December 05, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник юридического факультета Южного федерального университета» принимает для опубликования статьи и краткие сообщения, соответствующие следующим требованиям:

В журнале могут быть опубликованы статьи и материалы по юриспруденции, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности аргументации и выводов и рассматривающие вопросы, актуальные для юридической науки и правоприменительной практики.

Решение о публикации материала принимает редакция в течение месяца с момента получения материала. Предусматривается обязательное рецензирование статей членами редакции или иными ведущими специалистами в соответствующей области научного знания. Решение о публикации принимается на основе выводов, содержащихся в рецензии (слепое рецензирование). В течение месяца после поступления статьи в редакцию автору сообщается, будет ли его статья опубликована. Сообщение направляется на электронный адрес, указанный автором. Условием публикации статей и материалов, представляемых аспирантами, является наличие отзыва научного руководителя, рекомендации соответствующей кафедры (лаборатории) и положительная рецензия на данную статью (материал) члена редакции журнала (не являющегося членом кафедры (лаборатории), к которой относится автор).

Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее размещение в тех справочно-правовых системах (в том числе и в сети Интернет), с которыми у редакции имеется соответствующее соглашение.

За достоверность и точность данных, приведенных в материалах, ответственность несут авторы.

Порядок направления статей в научно-практический журнал «Вестник юридического факультета Южного федерального университета»

Статьи предоставляются в электронном виде на сайте <http://urvestnikpravo.sfedu.ru/> через окно «Отправить материал».

1. НАЧАЛО. После процедуры регистрации или входа в систему необходимо выбрать язык, раздел, а также Вы должны прочесть и подтвердить требования к отправляемому материалу. Дополнительная информация указывается в комментариях для редактора.

2. ЗАГРУЗКА МАТЕРИАЛА. Вторым шагом необходимо загрузить материал, состоящий из следующих обязательных отдельных компонентов:

УДК

Метаданные. Метаданными статьи принято считать следующую информацию, представленную на **русском и английском языках** (необходимо выполнить профессиональный перевод):

- Название статьи
- Аннотация статьи
- Ключевые слова
- Сведения об авторах (соавторах): фамилия, имя и отчество полностью; ученая степень или научное звание (если имеются); место работы и должность, должность; место работы или учебы (с полным указанием наименования учреждения или вуза и его адреса); email.

Текст статьи

3. ВВОД МЕТАДААННЫХ осуществляется на **русском и английском языках** (необходимо выполнить профессиональный перевод)

- Название статьи
- Аннотация статьи
- Ключевые слова
- Список авторов
- Литература / References

4. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

5. ОТПРАВКА

Напоминаем требования к оформлению статей, представляемых для опубликования:

1. Формат текста:

Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word

Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14

Межстрочный интервал – 1,5

Абзацный отступ – 1,25 см

Поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см

2. Аннотация – 1000–1500 знаков / 150–200 слов, ключевые слова – не менее 5.

3. Объем публикуемого материала составляет 9–15 печатных страниц для статей, для сообщений – 5–6 страниц. Оригинальность для статей, входящих в рубрику «Общетеоретические и исторические проблемы юридической науки и практики» должна составлять не менее 70 %, для статей, входящих в другие рубрики, – не менее 60 %.

4. Нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

5. Ссылки оформляются в **квадратных скобках**, например [1, с. 44], то есть Источник № 1, страница № 44.

6. При оформлении **литературы** используйте Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Принцип подачи литературы в списке **АЛФАВИТНЫЙ**.

В список не включаются источники, не цитируемые в работе.

Оформление списка литературы согласно требованиям – **обязательно!**

7. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах *jpg, *tiff с разрешением не менее 300 dpi в палитре Grayscale.

В тексте обязательно должны присутствовать **ссылки на рисунки и таблицы**.

Иллюстративный материал должен быть **пронумерован**.

Рекомендуется придерживаться следующей логической структуры при написании статей:

- Вводная часть, в которой отражена постановка задачи (вопрос, на который дается ответ в статье), раскрывается предмет исследования, гипотеза, методология исследования.

- Основная часть, в которой могут быть разделы и подразделы, имеющие наименования. Желательны в основной части: обзор научной литературы с целью введения в проблему; исследовательская часть с системой доказательств и научной аргументацией.

- Заключительная часть, в которой отражены результаты исследования, основные выводы.

Редактор А. В. Стахеева
Оригинал-макет А. В. Стахеева
Дизайн обложки А. В. Киреев

Подписано в печать 08.04.2026. Выход в свет 08.04.2026
Бумага офсетная. Формат $60 \times 84 \frac{1}{8}$. Усл. печ. л. 18,14. Уч.-изд. л. 15,18
Заказ № 10377. Тираж 300 экз.

Распространяется бесплатно

Издательство Южного федерального университета

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, д. 200/1, тел. (863) 243-41-66